

Стивен Кинг

11/22/63

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4986890
11/22/63 : [роман] / Стивен Кинг: Астрель; Москва; 2013
ISBN 978-5-271-46206-1

Аннотация

Этот роман безоговорочно признают лучшей книгой Стивена Кинга и миллионы фанатов писателя, и серьезные литературные критики.

...Убийство президента Кеннеди стало самым трагическим событием американской истории XX века.

Тайна его до сих пор не раскрыта.

Но что, если случится чудо? Если появится возможность отправиться в прошлое и предотвратить катастрофу?

Это предстоит выяснить обычному учителю из маленького городка Джейку Эппингу, получившему доступ к временному порталу.

Его цель – спасти Кеннеди.

Но какова будет цена спасения?

Содержание

Пролог	5
Часть I	9
Глава 1	9
1	9
2	10
3	12
4	14
5	17
Глава 2	21
1	21
2	21
3	22
4	23
5	25
6	29
7	30
8	33
Глава 3	35
1	35
2	36
3	37
4	38
5	44
6	45
Глава 4	50
1	50
2	50
3	51
4	52
5	53
6	53
7	56
8	59
Часть II	61
Глава 5	61
1	61
2	63
3	65
4	66
5	68
6	68
7	69
8	69
9	70
10	71
Глава 6	73

1	73
2	74
3	77
4	80
5	81
6	81
7	83
8	89
Глава 7	91
1	91
2	91
3	93
4	95
5	97
6	98
7	99
8	100
9	104
10	104
Глава 8	107
1	107
2	108
3	109
4	110
5	111
6	111
7	112
8	114
9	118
Конец ознакомительного фрагмента.	123

Стивен Кинг

11/22/63

Посвящается Зельде

Привет, милая, добро пожаловать на бал!

Для нашего здравомыслия практически непостижимо, что маленький, одинокий человек смог свалить гиганта, окруженного лимузинами, легионами, толпами, службой безопасности. Если такое ничтожество расправилось с главой самой могущественной страны на земле, тогда трясина несоразмерности засасывает нас и мы живем во вселенной, имя которой – абсурд.

Норман Мейлер

Для влюбленных оспины – что ямочки на щеках.

Японская поговорка

Танец – это жизнь.

Пролог

Я не из плаксивых, никогда таким не был.

Моя бывшая говорила, что «отсутствие эмоциональной гибкости» – главная причина, по которой она ушла от меня (как будто парень, встреченный ею на собраниях АА, не в счет). По словам Кристи, она смогла бы простить меня за то, что я не плакал на похоронах ее отца: я знал его только шесть лет и не понимал, какой он удивительный, щедрый человек (к примеру, на окончание школы она получила кабриолет «мустанг»). Но потом я не плакал и на похоронах своих родителей – они ушли с промежутком в два года, отец умер от рака желудка, мать – от острого инфаркта миокарда, который случился, когда она прогуливалась по флоридскому берегу, – и тогда Кристи начала понимать, что у меня отсутствует выше-означенная эмоциональная гибкость. По терминологии АА, я не «чувствовал своих чувств».

– Я никогда не видела тебя плачущим, – говорила Кристи тем бесстрастным тоном, к какому прибегают люди, когда доходит до окончательного, не подлежащего обсуждению разрыва. – Ты не плакал, даже когда сказал мне, что я должна пройти реабилитацию, а не то ты от меня уйдешь.

Разговор этот произошел примерно за шесть недель до того, как она собрала вещи и перевезла их на другой конец города, переехав к Мелу Томпсону. «Найди свою вторую половинку на собраниях АА» – еще одна их крылатая фраза.

Я не плакал, когда смотрел, как она уходила. Не плакал и когда вернулся в маленький дом с большой закладной. Дом, в котором не появился ребенок и уже никогда не появится. Я просто лег на кровать, которая теперь принадлежала только мне, прикрыл рукой глаза и стал скорбеть.

Без слез.

Но никакого эмоционального блока у меня нет. В этом Кристи ошиблась. Однажды мама встретила меня, девятилетнего, у двери, когда я вернулся из школы, и сказала, что моего колли, Лохмача, сбил насмерть грузовик, а водитель даже не остановился. Я не плакал на похоронах Лохмача, хотя отец говорил, что никто не примет меня за слюнтяя, если я заплачу, но слезы потекли из глаз, когда мне сказали о гибели собаки. Отчасти – потому что я впервые

столкнулся со смертью. В основном – потому что ответственность за гибель пса лежала на мне. Я не убедился, что Лохмач в полной безопасности и не сможет выбежать со двора.

И еще я плакал, когда мамин врач позвонил, чтобы сообщить о случившемся на берегу: «Сожалею, но на спасение не было ни единого шанса. Иногда смерть наступает так внезапно, что врачи склонны видеть в этом благословение свыше».

Кристи при этом не присутствовала – ей пришлось допоздна задержаться в школе, чтобы встретиться с матерью одного ученика: у той возникли вопросы по его успеваемости, – но я плакал, будьте уверены. Пошел в нашу маленькую прачечную, достал из корзины с грязным бельем простыню и поплакал в нее. Не так чтобы долго, однако слезы были. Позже я мог рассказать об этом Кристи, но не видел смысла. По двум причинам. Она могла подумать, что я напрашиваюсь на жалость (у АА такой оборот не в ходу, но, может, им стоило бы взять его на вооружение). И к тому же я не считал залогом крепкой семейной жизни способность в надлежащий момент выжать из себя слезу.

Теперь, по здравом размышлении, я понимаю, что никогда не видел отца плачущим. В момент высшего эмоционального напряжения он тяжело вздыхал, порой с его губ слетали нервные смешки, но бить себя в грудь или гоготать – это не про Уильяма Эппинга. Я помню его строгим, молчаливым, и мать, по большей части, была ему под стать. Поэтому, возможно, отсутствие плаксивости заложено во мне генетически. Однако эмоциональный блок? Нечувствительность к собственным чувствам? Нет, это не про меня.

Не считая того момента, когда мне сообщили о смерти матери, взрослым я плакал, если не изменяет память, лишь однажды, читая историю отца уборщика. Сидел один в учительской средней школы Лисбона и проверял сочинения, написанные моими взрослыми учениками. Снизу доносился шум: удары баскетбольного мяча, свистки судьи, крики болельщиков, наблюдавших за звериным поединком: «Борзые Лисбона» схватились с «Тиграми Джея».

Кто может знать, когда жизнь зависнет на волоске или почему?

Тему я предложил такую: «День, который изменил мою жизнь». В большинстве своем сочинения получились искренние, но ужасные: сентиментальные байки о доброй тетушке, приютившей у себя беременную девушку-подростка, об армейском друге, проявившем настоящую храбрость, о случайной встрече со знаменитостью (вроде бы с Алексом Требеком, ведущим телевикторины «Риск», а может, с Карлом Молденом). Если среди вас есть учителя, которые зарабатывают дополнительные три-четыре тысячи долларов в год за преподавание в классе взрослых учеников, пожелавших получить Общий эквивалентный аттестат¹, они знают, какое тоскливое занятие – чтение таких сочинений. Необходимость выставить оценку не имеет к этому ни малейшего отношения, по крайней мере для меня: «неуд» я не ставлю никому, потому что никогда не встречал взрослого ученика, не проявлявшего должного старания. Если ты сдаешь сочинение, можешь не сомневаться, что Джейк Эппинг с кафедры английского языка и литературы ЛСШ² поставит тебе положительную отметку, а если текст разделен на абзацы, четверка с минусом точно гарантирована.

Труднее всего то, что учить их приходилось, просто исправляя ошибки – ручкой с красной пастой, и я практически всю ее исписывал. Тоска наваливалась потому, что очень малая часть пасты могла принести пользу: если ты дожил до двадцати пяти – тридцати лет, не зная, как правильно писать слова (полностью – не полнастью), или ставить прописные буквы (Белый дом – не белый-дом), или составлять предложения, содержащие и имя существительное, и глагол, – тебе этому уже никогда не научиться. И тем не менее мы продвигались

¹ Общий эквивалентный аттестат – свидетельство о среднем образовании, которое выдается после прохождения тестирования по пяти основным предметам в рамках Программы аттестации взрослых. – *Здесь и далее примеч. пер.*

² Лисбонская средняя школа (которую окончил Стивен Кинг).

вперед, смело обводя неправильно использованное либо лишнее слово, скажем, «очень» в предложении «Мой муж сразу решил, что все очень ясно», а также заменяя определенную форму глагола неопределенной, например, «испортится» на «испортиться» в вопросе «Ну что там могло испортиться?».

В тот вечер я занимался этой бессмысленной, занудной работой, тогда как неподалеку баскетбольный матч между школьными командами приближался к завершению еще одной четверти... мир без конца, аминь. Происходило это вскоре после возвращения Кристи из реабилитационного центра, и, пожалуй, если я о чем-то и думал, то лишь об одном: надеялся, что, придя домой, увижу ее трезвой (так и случилось: за трезвость она держалась крепче, чем за мужа). Помнится, появилась легкая головная боль, и я массировал виски, чтобы неприятные ноющие ощущения не сменились размашистыми ударами парового молота. Я помню, как думал: *Еще три штуки – и точка. Я пойду домой, налью большую чашку растворимого какао и окунусь в новый роман Джона Ирвинга, выкинув из головы эти искренние, но так плохо написанные сочинения.*

Не заиграли скрипки, не зазвенели тревожные колокольчики, когда я взял сочинение уборщика, лежавшее первым в тоненькой стопке еще не прочитанных, и положил перед собой. Не возникло никакого ощущения, что в моей заурядной жизни грядут перемены. Но мы никогда не знаем, что нас ждет, ведь так? Жизнь может развернуться на пятачке.

Уборщик пользовался дешевой шариковой ручкой, паста во многих местах перепачкала все пять страниц, исписанных корявым, но разборчивым почерком, и он, похоже, очень сильно нажимал на ручку, потому что буквально выгравировал эти слова на бумаге. Закрыв глаза и пройдясь подушечками пальцев по обратной стороне вырванных листов, я мог бы прочесть текст, как по Брайлю. Каждая буква «у» снизу заканчивалась маленьким завитком, будто росчерком. Это я помню особенно ясно.

Помню я и начало его сочинения. Слово в слово.

Это был не день а вечер. Вечером который изменил мою жизнь, стал вечер когда мой отец убил мою мать и двух братьев и тяжело ранил меня. От него досталось и моей сестре, и она ушла в кому. Через три года она умерла не очнувшись. Ее звали Эллен и я очень ее любил. Она любила собирать цветы и ставить их по вазам.

На середине первой страницы у меня защипало глаза, и я отложил мою верную красную ручку. А когда добрался до того места, где описывалось, как он залез под кровать, а кровь заливала ему глаза (*она также стекала мне в горло, такая мерская на вкус*), из моих собственных глаз покатились слезы – Кристи бы очень мной гордилась. Я дочитал до конца, не исправив ни единой ошибки, вытирая лицо, чтобы влага не размыла слова, которые, несомненно, дались ему с огромным трудом. Раньше я думал, что с головой у него хуже, чем у остальных, что он, возможно, только на полшага опережает тех, кого принято называть «поддающимися обучению умственно отсталыми». Что ж, клянусь Богом, на то была причина. Как и причина для хромоты. Просто чудо, что он вообще остался в живых. Но он выжил. Милый человек, который всегда улыбался и никогда не повышал голос на детей. Милый человек, который прошел через ад, а теперь стремился – смиренно и с надеждой, как большинство моих учеников, – получить аттестат средней школы. Хотя до конца жизни ему предстояло быть уборщиком, неприметным парнем в зеленой или коричневой униформе, шурующим шваброй и соскабливающим с пола жвачку шпателем, который он всегда носил в заднем кармане. Может, он и стал бы кем-то еще, но за один вечер жизнь его круто пере-

менилась, и теперь он – лишь неприметный парень в «Кархарт»³, прозванный школьниками Гарри-Жаба за походку.

Я плакал. Настоящими слезами, которые идут от самого сердца. До меня донесся победный марш школьного оркестра. То есть хозяева праздновали победу, и я мог только порадоваться за них. Позже, когда зал опустеет, Гарри и паре его коллег предстояло откатить трибуны и выгрести весь мусор, который набросали зрители.

Я поставил жирную красную пятерку в верхнем правом углу первого листа. Посмотрел на нее пару секунд, а потом добавил большой плюс. Потому что он написал хорошее сочинение и потому что его боль вызвала во мне, читателе, эмоциональную реакцию. А разве не это должно вызывать сочинение, за которое ставят пять с плюсом? Разве не эмоциональную реакцию?

Если же говорить обо мне, остается только сожалеть, что моя бывшая ошиблась. Увы, с эмоциональным блоком у нее вышла промашка. Потому что эти слезы стали началом всех последовавших событий – всех этих ужасов.

³ Марка рабочей одежды.

Часть I

Переломный момент

Глава 1

1

Гарри Даннинг окончил школу с отличием. Я пришел на небольшую церемонию вручения аттестатов взрослым ученикам, которая проводилась в спортивном зале ЛСШ, по его приглашению. А кого еще он мог пригласить? Я откликнулся с радостью.

После завершающей благодарственной молитвы, произнесенной отцом Бэнди, который редко пропускал мероприятия, проводимые в ЛСШ, я сквозь толпу родственников и друзей прошел к одиноко стоявшему Гарри, одетому в просторную черную мантию, с аттестатом в одной руке и взятой напрокат квадратной академической шапочкой в другой. Я забрал у него шапочку, чтобы пожать руку. Он улыбнулся, продемонстрировав оставшиеся зубы (некоторые были кривыми) и дыры между ними. Но улыбка все равно была солнечной и обаятельной.

– Спасибо, что пришли, мистер Эппинг. Огромное спасибо.

– Не за что. И называйте меня Джейк. Это маленькое послабление я делаю всем ученикам, которые по возрасту годятся мне в отцы.

На его лице отразилось недоумение, потом он рассмеялся:

– Действительно гожусь, да? Ну дела!

Я тоже рассмеялся. Вокруг многие смеялись. И разумеется, не обошлось без слез. Мне-то они давались с трудом, а большинству – легко.

– За всю жизнь ни разу не получал пятерку с плюсом! И не ожидал получить!

– Вы ее заслужили, Гарри. И что вы сделаете в первую очередь, имея на руках аттестат средней школы?

Улыбка на мгновение поблекла – так далеко он еще не заглядывал.

– Скорее всего пойду домой. Я снимаю домик на Годдард-стрит. – Он поднял аттестат, держа кончиками пальцев, словно боялся, что чернила могут размазаться: – Вставлю его в рамку и повешу на стену. Потом, наверное, налью стакан вина, сяду на диван и буду восхищаться им, пока не придет время ложиться спать.

– План неплохой, – кивнул я, – но как насчет того, чтобы сначала съесть бургер с жареной картошкой? Мы можем посидеть у Эла.

Я ожидал, что он поморщится, но, разумеется, так сделали бы разве что только мои коллеги. Нет, еще и большинство детей, которых мы учили. Забегаловку Эла они обходили как чумной барак, отдавая предпочтение «Дейри куин» напротив школы и кафе «Хай-хэт» на шоссе номер 196, рядом с тем местом, где когда-то находился старый автокинотеатр Лисбона.

– С удовольствием, мистер Эппинг. Спасибо!

– Джейк, помните?

– Джейк, точно.

И я отвез Гарри к Элу, куда другие учителя не заглядывали, и хотя в то лето Эл нанял официантку, он обслужил нас сам. Как обычно, с сигаретой (закон запрещает курение в барах, кафе и ресторанах, но Эла это никогда не останавливало), свисавшей из уголка рта, и

прищуренным от дыма глазом. Увидев сложенную выпускную мантию и поняв, по какому случаю праздник, он настоял, что угостит нас за счет заведения (если на то пошло, все блюда у Эла стоили на удивление дешево, подпитывая определенные слухи о судьбе бродячих животных, заглянувших в окрестности забегаловки). Он также сфотографировал нас, чтобы потом повесить фотографию на так называемую Городскую стену славы. Среди других «знаменитостей», удостоенных этой чести, я видел ныне покойного Альберта Дантона, основателя ювелирного магазина «Ювелирные изделия Дантона», Эрла Хиггинса, бывшего директора ЛСШ, Джона Крафтса, владельца «Автомобильного салона Джона Крафтса», и, разумеется, отца Бэнди из церкви Святого Кирилла (рядом со святым отцом висела фотография папы Иоанна XXIII, который хоть и не был уроженцем Лисбона, но вызывал глубокое почтение у «доброго католика» Эла Темплтона). На фотографии, сделанной Элом в тот день, Гарри Даннинг улыбался во весь рот. Я стоял рядом с ним, и мы оба держали аттестат Гарри. Узел его галстука чуть съехал набок. Я помню это, потому что галстук навеял мысли о маленьких завитках, которыми заканчивались снизу буквы «у». Я все помню. Помню очень хорошо.

2

Двумя годами позже, в последний учебный день, я сидел в той самой учительской и читал итоговые сочинения, написанные участниками моего семинара по американской поэзии. Сами ученики уже ушли, у них начались летние каникулы, и в самом скором времени я собирался последовать их примеру. Но пока я наслаждался непривычной тишиной и покоем. Даже подумал, что перед уходом приберу полки буфета, где хранилась еда. Решил, что это обязательно нужно сделать.

В тот день, только раньше, вскоре после часов, отведенных на самостоятельные занятия (в последний учебный день они бывают особенно шумными что в классах для выполнения домашних заданий, что в коридорах), ко мне, прихрамывая, подошел Гарри и протянул руку:

– Просто хочу поблагодарить вас за все.

Я улыбнулся:

– Вы уже поблагодарили, как мне помнится.

– Да, но это мой последний день. Ухожу на пенсию. Поэтому захотел подойти и поблагодарить еще раз.

Когда я пожимал его руку, проходивший мимо подросток (девятиклассник, никак не старше, если судить по свежей россыпи прыщей и комичной щетине, которую он пытался превратить в козлиную бородку) пробормотал:

– Гарри-Жаба прыгает по а-ве-ню!

Я попытался ухватить его за плечо, чтобы он извинился, но Гарри меня остановил. По его улыбке чувствовалось, что он несколько не обиделся.

– Не берите в голову. Я к этому привык. Это же дети.

– Совершенно верно, – кивнул я. – И наша работа – учить их.

– Я знаю, и у вас получается. Но это не моя работа – служить для кого-то... как это называется... наглядным пособием. Особенно сегодня. Надеюсь, все у вас будет хорошо, мистер Эппинг.

По возрасту он, возможно, годился мне в отцы, но называть меня Джейком у него не получалось.

– И у вас тоже, Гарри.

– Я никогда не забуду ту пятерку с плюсом. Сочинение тоже поместил в рамочку. Висит у меня на стене рядом с аттестатом.

– И это правильно.

Я не кривил душой. Я верил, что это правильно. Воспринимал его сочинение как произведение примитивного искусства, ничуть не уступающее по мощи воздействия и искренности картинам Бабушки Мозес⁴. Оно на порядок превосходило сочинения, которые я сейчас читал. Пусть в них практически не было орфографических ошибок и слова мои ученики выбирали правильно (хотя эти нацелившиеся на колледж перестраховщики тяготели – что раздражало – к частому использованию страдательного залога), но сочинения получались пресными. Скучными. Участники моего семинара учились в предвыпускном классе (выпускников Мак Стидман, заведующий кафедрой, забирал себе), да только писали они, как старички и старушки: «О-о-о, Милдред, душечка, там лед, смотри не поскользнься». Гарри Даннинг, несмотря на ошибки и натужный почерк, писал, как полубог. Хотя бы один раз.

И пока я размышлял о разнице между энергичной и инертной манерами письма, прокашлялся настенный аппарат внутренней связи.

– Мистер Эппинг все еще в учительской западного крыла? Джейк, ты на месте?

Я поднялся, нажал кнопку.

– На месте, Глория. Грехи не отпускают. Чем я могу тебе помочь?

– Тебе звонят. Какой-то Эл Темплтон. Если хочешь, могу перевести звонок на учительскую. Или скажу ему, что ты уже ушел.

Эл Темплтон – владелец и шеф-повар «Закусочной Эла», которую наотрез отказывались посещать все учителя ЛСШ, за исключением вашего покорного слуги. Даже мой глубокоуважаемый заведующий кафедрой – пытавшийся говорить как маститый преподаватель Кембриджа и приближавшийся к пенсионному возрасту – называл фирменное блюдо закуской «Знаменитый котобургер Эла», хотя в меню значился «Знаменитый толстобургер Эла».

Возможно, это не кошатина, как утверждают многие, наверняка не кошатина, но это и не говядина, не может это быть говядиной за доллар девятнадцать.

– Джейк? Ты что, уснул?

– Нет, сна ни в одном глазу. – Меня разбирало любопытство: с чего это Эл сподобился позвонить мне в школу? Если на то пошло, раньше он вообще никогда не звонил. Наши отношения не выходили за рамки повар – клиент. Я высоко ценил его кулинарное мастерство, а он – мои регулярные визиты. – Конечно, соедини меня.

– А что ты там до сих пор делаешь?

– Занимаюсь самобичеванием.

– О-о-о, – простонала Глория, и я легко представил, как затрепетали ее длинные ресницы. – Как мне нравится, когда ты так говоришь. Жди звоночка.

Она отключила связь. Тут же зазвонил телефон, и я снял трубку.

– Джейк? Это ты, дружище?

Поначалу я подумал, что Глория напутала с именем. Этот голос никак не мог принадлежать Элу. При самой жуткой простуде он не мог так хрипеть.

– Кто это?

– Эл Темплтон, разве она не сказала? Боже, от вашей музыкальной заставки просто тошнит. Что случилось с Конни Фрэнсис? – Он начал так громко и надсадно кашлять, что я отодвинул трубку от уха.

– Ты, похоже, подхватил грипп.

Он рассмеялся, продолжая кашлять. Сочетание получилось не из лучших.

– Что-то я подхватил, это точно.

⁴ Американская художница-любительница, одна из главных представителей американского примитивизма (наст. имя Анна Мэри Мозес, 1860–1961).

– Быстро же тебя скрутило.

Я заглядывал к нему вчера, на ранний ужин: толстобургер, картофель фри, клубничный молочный коктейль. Считаю, что человеку, который живет один, необходимо сбалансированное питание.

– Можно сказать и так. А можно сказать, что какое-то время мой организм боролся. Оба варианта правильные.

Я не знал, что на это ответить. За последние шесть или семь лет мы часто болтали с Элом, когда я приходил в его закусочную, и иной раз он вел себя довольно странно – скажем, называл «Патриотов Новой Англии»⁵ «Бостонскими патриотами», а о Тэде Уильямсе⁶ говорил так, будто знал его, как брата, – но столь необычного разговора я припомнить не мог.

– Джейк, мне надо с тобой увидеться. Это важно.

– Могу я спросить...

– Я уверен, ты задашь не один вопрос, и я отвечу на все, но не по телефону.

Я не знал, сколько ответов услышу до того, как его голос окончательно сядет, но пообещал, что буду примерно через час.

– Спасибо. Если сможешь, постарайся побыстрее. Не зря же говорят, что время – деньги.

И он положил трубку. Взял и положил, не попрощавшись.

Я прочитал еще два сочинения. В стопке осталось только четыре, но раскрывать их я не стал. Пропал настрой. В итоге смахнул оставшиеся работы в портфель и отбыл. Мелькнула мысль, а не подняться ли наверх, в секретариат, чтобы пожелать удачного лета Глории, но я решил, что необходимости в этом нет. Я знал, что всю следующую неделю она проведет в школе – будет заниматься подготовкой отчета за учебный год, – а я собирался прийти сюда в понедельник, чтобы очистить полки буфета: дал себе слово. Иначе преподаватели, решившие летом использовать западную учительскую, обнаружат, что она кишит тараканами.

Если бы я мог предположить, что меня ждет, обязательно поднялся бы наверх повидаться с Глорией. Возможно, одарил бы ее поцелуем, который словно висел между нами в воздухе последнюю пару месяцев. Но разумеется, я не знал, что меня ждет. Жизнь может развернуться на пяточке.

3

«Закусочная Эла» – серебристый трейлер, отделенный от Главной улицы железнодорожными путями, – стояла в тени старой фабрики Ворамбо. Такие забегаловки обычно смотрятся неприглядно, но Эл разбил цветочные клумбы перед бетонными блоками, на которых размещался трейлер. Здесь даже нашлось место лужайке, и Эл аккуратно выкашивал ее старомодной механической косилкой, за которой ухаживал ничуть не меньше, чем за клумбами и газоном. Ни единого пятнышка ржавчины не темнело на сверкающих, заточенных ножах. Если судить по внешнему виду, косилку могли купить неделей раньше в магазине «Уэстерн авто»... если бы такой магазин еще существовал, а не пал жертвой гипермаркетов.

Я прошел по мощеной дорожке, поднялся по ступеням и остановился, нахмурившись. Вывеска с надписью «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В «ЗАКУСОЧНУЮ ЭЛА» – ДОМ ТОЛСТОБУРГЕРА!» исчезла. Ее место занял квадратный кусок картона, гласивший: «ЗАКРЫТО И БОЛЬШЕ НЕ ОТКРОЕТСЯ В СВЯЗИ С БОЛЕЗНЬЮ ВЛАДЕЛЬЦА. СПАСИБО, ЧТО ПРИХОДИЛИ ДОЛГИЕ ГОДЫ, И ДА БЛАГОСЛОВИТ ВАС ГОСПОДЬ».

⁵ Профессиональная футбольная команда. До 1971 г. называлась «Бостонские патриоты».

⁶ Американский профессиональный бейсболист.

Я еще не канул в туман нереальности, которому предстояло вскоре поглотить меня, но первые его щупальца уже начали приближаться, и я их почувствовал. Летняя простуда не могла вызвать те хрипы в голосе Эла, тот надсадный кашель. И грипп тоже. Судя по объявлению, речь шла о чем-то более серьезном. Но какая тяжелая болезнь способна так развиться за двадцать четыре часа? Даже меньше? Часы показывали половину третьего. Вчера вечером я ушел от Эла без четверти шесть, и он прекрасно себя чувствовал. Пребывал в очень приподнятом настроении, чуть ли не в экзальтации. Помнится, я спросил его, не многовато ли он пьет кофе собственного приготовления, и он ответил, что нет, просто думает о том, чтобы взять отпуск. Разве люди, которые заболевают, причем так тяжело, чтобы закрыть заведение, где в одиночку хозяйничали больше двадцати лет, говорят о намерении уйти в отпуск? Кто-то, возможно, и говорит, но не так чтобы многие.

Дверь открылась, как только я потянулся к ручке, и за порогом стоял Эл, глядя на меня без тени улыбки. Я смотрел на него, чувствуя, как сгущается туман нереальности. День выдался теплым, но мне стало холодно. В этот момент еще можно было повернуться и уйти, выбраться на июньское солнце, и в глубине я хотел это сделать, однако застыл от изумления и испуга. А также от ужаса, готов признать. Тяжелая болезнь всегда пугает нас, правда? А в том, что Эл тяжело болен, сомнений быть не могло. Я это понял с первого взгляда. Я бы даже сказал, что он болен смертельно.

Поражало не то, что обычно румяные щеки Эла ввалились и побледнели. И не то, что какие-то выделения сочились из уголков его голубых глаз, теперь выцветших и сощуренных, как при близорукости. И не то, что практически черные волосы стали совсем седыми, – в конце концов, он мог пользоваться красящим бальзамом, а тут вдруг смыл его, и волосы приняли естественный цвет.

Дело было в другом: за двадцать два часа, прошедших с нашей последней встречи, Эл Темплтон похудел как минимум на тридцать фунтов. Может, на сорок, то есть потерял четверть своего прежнего веса. Никто не может похудеть за день на тридцать или сорок фунтов, никто. Но я видел перед собой такого человека. Вот тут-то туман нереальности и накрыл меня с головой.

Эл улыбнулся, и стало понятно, что, кроме веса, он потерял еще и зубы. Десны выглядели бледными и нездоровыми.

– Как тебе нравится такой Эл, Джейк? – спросил он и закашлялся, хриплые, лающие звуки поднимались откуда-то из глубины груди.

Я открыл рот. Но с губ не сорвалось ни звука. Вновь появилось трусливое мерзкое желание бежать отсюда, однако я не смог бы этого сделать, даже если бы захотел. Ноги просто приросли к полу.

Эл обуздал кашель и вытащил из заднего кармана носовой платок. Вытер рот, потом ладонь. Прежде чем Эл убрал платок, я заметил на нем кровь.

– Заходи. Мне надо многое рассказать, и я думаю, что выслушать меня можешь только ты. Выслушаешь?

– Эл... – Мой голос звучал так тихо, что я сам едва слышал его. – Что с тобой случилось?

– Ты выслушаешь меня?

– Разумеется.

– У тебя будут вопросы, я постараюсь ответить на те, что смогу, но ты уж сведи их к минимуму. Не знаю, долго ли смогу говорить. Черт, да и сил осталось не много. Заходи.

Я вошел. Увидел, что в помещении сумрачно, и прохладно, и пусто. Чистая, без единой крошки, стойка. Поблескивающие хромом высокие стулья. Сверкающий никелем кофейник. И табличка «ЕСЛИ ТЕБЕ НЕ НРАВИТСЯ НАШ ГОРОД, ПОИЩИ РАСПИСАНИЕ» на положенном месте у кассового аппарата. Недоставало только посетителей.

И разумеется, повара-владельца. Место Эла Темплтона занял пожилой, болезненный призрак. Когда он повернул защелку, запирая дверь, по залу разнесся слишком громкий звук.

4

– Рак легких, – буднично объяснил Эл, когда мы устроились в одной из кабинок в глубине зала. Похлопал по нагрудному карману рубашки, и я заметил, что он пуст. Всегда лежавшая в нем пачка «Кэмела» без фильтра исчезла. – Неудивительно. Я начал курить в одиннадцать и бросил, лишь когда мне поставили диагноз. Более пятидесяти чертовых лет. Три пачки в день, пока в две тысячи седьмом не подскочила цена. Тогда пришлось пойти на жертвы и ограничиться двумя пачками. – Он сипло рассмеялся.

Я хотел было сказать ему, что у него не все в порядке с математикой, поскольку знал его настоящий возраст. Как-то в конце зимы я пришел в забегаловку, а он стоит за грилем в детской шляпе с надписью «С днем рождения». Я спросил, по какому поводу, и он ответил: «Сегодня мне пятьдесят семь, дружище. Так что можешь звать меня Хайнцем»⁷. Но Эл попросил задавать только те вопросы, которые я сочту абсолютно необходимыми, и корректировка возраста в них не входила.

– На твоём месте – а я бы с радостью на нём оказался, хотя совершенно не хочу, чтобы ты попал на мое, при нынешнем раскладе, – я бы подумал: «Здесь какая-то лажа. За одну ночь рак не может так далеко зайти». Правильно?

Я кивнул. Конечно же, правильно.

– Ответ прост. Он так далеко зашел не за одну ночь. Я начал выхаркивать мозги примерно семь месяцев назад, где-то в мае.

Что ж, он меня удивил. Если он и выхаркивал мозги, то не в моем присутствии. И опять у него произошла математическая накладка.

– Эл, ты что? Сейчас июнь. Если отсчитать семь месяцев назад, будет декабрь.

Он помахал рукой – пальцы стали совсем тонкими, перстень морпехов свободно болтался, хотя раньше сидел плотно, – как бы говоря: «Давай не будем терять на это время».

– Сначала я думал, что сильно простудился. Но температура не поднялась, а кашель, вместо того чтобы пройти, только усиливался. И я начал худеть. Что ж, я не идиот, дружище, и всегда знал, что могу вытащить карту с большой буквой «Р»... хотя мои отец и мать дымили как чертовы заводские трубы и прожили больше восьмидесяти лет. Вечно мы находим оправдания своим вредным привычкам, верно?

Он опять закашлялся, достал носовой платок. Когда приступ закончился, Эл продолжил:

– У меня нет времени переводить разговор на другую тему, но я это делал всю жизнь, и трудно теперь отказаться. Если хочешь знать, труднее, чем от сигарет. В следующий раз, когда меня потянет в сторону, проведи пальцем по горлу, хорошо?

– Хорошо, – согласился я. Мелькнула мысль, что мне все это снится. Если так, сон получился очень уж реальный, даже с тенями от лопастей медленно вращающегося потолочного вентилятора на салфетках с надписью «САМАЯ БОЛЬШАЯ НАША ЦЕННОСТЬ – ЭТО ВЫ».

– Короче говоря, я отправился к врачу, сделал рентген, и они выявились, большие, как чертовы яйца, две опухоли. Прогрессирующий некроз. Неоперабельные.

Рентген, подумал я. *Неужели до сих пор используют рентген, чтобы диагностировать рак?*

– Какое-то время я там поболтался, но в итоге мне пришлось вернуться.

⁷ Намек на знаменитый рекламный лозунг компании «Хайнц» – «57 видов».

– Откуда? Из Льюистона? Из Центральной больницы штата Мэн?

– Из моего отпуска. – Он пристально смотрел на меня. – Только это был не отпуск.

– Эл, я ничего не понимаю. Вчера ты был здесь и прекрасно себя чувствовал.

– Внимательно присмотришься к моему лицу. Начни с волос и продвигайся вниз. Постарайся не замечать воздействия рака – он сильно меняет внешность человека, в этом сомнений нет, – а потом скажи, тот ли я человек, которого ты видел вчера.

– Что ж, ты, очевидно, смыл краску...

– Никогда ею не пользовался. Не буду обращать твое внимание на зубы, которые потерял, пока находился... далеко. Я знаю, ты это заметил. Думаешь, это воздействие рентгеновского аппарата? Или стронция-девяносто в молоке? Я никогда не пью молоко, разве что добавляю капельку в последнюю за день чашку кофе.

– Какого стронция?

– Не важно. Попробуй посмотреть на меня, как женщины смотрят на других женщин, когда хотят определить возраст.

Я попытался последовать его совету, и хотя любой суд откажется принять мои наблюдения в качестве доказательств, меня они убедили. От уголков глаз расходились паутинки морщинок, хватало их, маленьких и тонких, и на веках, как у всех тех, кому больше не приходится доставать дисконтную пенсионную карточку, подходя к кассе многозального кинотеатра. Отсутствовавшие вчера бороздки синусоидами пересекали лоб. Еще две морщины, гораздо более глубокие, отходили от уголков рта. Подбородок заострился, кожа на шее обвисла. Острый подбородок и обвисшую кожу я мог отнести к катастрофической потере веса, но эти морщины... и если он не лгал о волосах...

Эл еле заметно улыбался. Мрачновато, но не без юмора. И от его улыбки мне стало совсем тошно.

– Помнишь мой день рождения в начале марта? «Не волнуйся, Эл, – сказал ты, – если эта дурацкая шляпа загорится, когда ты наклонишься над грилем, я схвачу огнетушитель и потушу тебя». Помнишь?

Я помнил.

– Ты сказал, что теперь я могу называть тебя Хайнцем.

– Да. А теперь мне шестьдесят два. Я знаю, из-за рака выгляжу старше, но это... и это... – Он коснулся сначала лба, потом уголка глаза. – Это естественные возрастные татуировки. Знаки доблести, если хочешь.

– Эл... я бы выпил стакан воды.

– Конечно. Шок, правда? – Он сочувственно посмотрел на меня. – Ты думаешь: «Или я сошел с ума, или он, или мы оба». Знаю. Я это уже проходил.

Не без усилия он вылез из кабинки, ухватившись правой рукой за левую подмышку, словно опасался, что развалится. Потом повел меня за стойку. И пока мы шли, я отметил еще один нюанс этой нереальной встречи: за исключением тех случаев, когда мы делили скамью в церкви Святого Кирилла (такое бывало редко; хотя меня и воспитывали в вере, католик я плохой) или встречались на улице, я никогда не видел Эла без его поварского фартука.

Он снял с полки сверкающий стакан и налил мне воды из поблескивающего хромом крана. Я поблагодарил его и повернулся, чтобы вернуться в кабинку, но он похлопал меня по плечу. Лучше бы он этого не делал. Казалось, меня коснулась рука кольриджского древнего морехода⁸, остановившего одного из троих.

– Я хочу, чтобы ты увидел кое-что, прежде чем мы снова сядем. Так будет быстрее. Только «увидел» – слово неправильное. Точнее – испытал. Пей, дружище.

⁸ Поэма «Сказание о древнем мореходе» английского поэта Сэмюэля Тейлора Кольриджа начинается с того, как главный герой останавливает одного из троих гостей, идущих на свадьбу.

Я выпил полстакана холодной вкусной воды, но при этом не отрывал глаз от Эла. Я словно трусливо ожидал, что на меня сейчас набросятся, как на первую, ничего не подозревающую жертву фильма о маньяках, в названии которого обязательно присутствует цифра. Но Эл просто стоял, опираясь рукой о стойку. Морщинистая кожа, большие костяшки. Определенно не рука человека, которому только под шестьдесят, пусть и больного раком. А еще...

– Это результат воздействия радиации? – спросил я.

– Что?

– Ты загорелый. Я не говорю про темные пятна на тыльной стороне ладоней. Такое бывает или от радиации, или от слишком долгого пребывания на солнце.

– Раз курс лучевой терапии я не проходил, остается солнце. За последние четыре года я провел много времени на солнце.

Насколько я знал, большую часть последних четырех лет Эл жарил бургеры и взбивал молочные коктейли под флуоресцентными лампами, но говорить об этом не стал. Допил воду. Когда ставил стакан на пластиковую стойку, заметил, что моя рука немного трясется.

– Ладно, так что я должен увидеть? Или испытать?

– Иди сюда.

Он повел меня по узкому проходу мимо двустороннего гриля, фритюрниц, раковины, холодильника «Фросткинг», гудящей морозильной камеры высотой по пояс. Остановился перед выключенной посудомоечной машиной и указал на дверь в конце кухни. Низкую дверь. Элу, ростом пять футов и семь дюймов или около того, приходилось наклоняться, чтобы войти в нее. Меня, с моими шестью футами и четырьмя дюймами, некоторые ученики называли Эппинг-Вертолет.

– Вот, – кивнул он. – Войди в эту дверь.

– Разве у тебя там не кладовка? – Вопрос был риторический. За долгие годы я не раз и не два видел, как он выносил оттуда банки, сетки с картофелем, пакеты с бакалеей, и точно знал, что находится за дверью.

Эл меня вроде бы и не услышал.

– Ты знал, что сначала я открыл это заведение в Оберне?

– Нет.

Он кивнул, и этого хватило, чтобы вызвать очередной приступ кашля. Эл подавил его платком, на котором расплывались все новые красные пятна. Когда кашель наконец стих, он бросил платок в мусорное ведро и взял несколько салфеток из коробки на стойке.

– Этот трейлер – «Алюминеир», сделан в тридцатых годах в стиле ар деко. Я такой хотел с тех пор, как отец ребенком взял меня в «Жуй-и-болтай» в Блумингтоне. Купил его полностью оборудованным и открыл закусочную на Сосновой улице. Пробыв там год, понял, что разорюсь, если останусь. По соседству хватало ресторанов и кафе быстрого обслуживания, хороших и не очень, но со своей клиентурой. Я же напоминал юношу, который только что окончил юридическую школу и пытается практиковать в городе, где уже работает с десяток уважаемых адвокатских контор. Опять же, тогда «Знаменитый толстобургер Эла» стоил два с половиной бакса. И в девяностом году за меньшую цену я его продавать не мог.

– Тогда какого черта сейчас ты продаешь его в два раза дешевле? Если только это все-таки не кошатина.

Он фыркнул, и звук этот эхом отдался глубоко у него в груди.

– Дружище, я продаю стопроцентно чистую американскую говядину, лучшую в мире. Известно ли мне, что говорят люди? Естественно. Я не обращаю на это внимания. Что тут подлаешь? Затыкать им рты? С тем же успехом можно пытаться не давать ветру дуть.

Я провел пальцем по шее. Эл улыбнулся:

– Да, уйду в сторону, но по крайней мере цена говядины – часть истории. Я мог бы и дальше биться головой о стенку на Сосновой улице, однако Ивонн Темплтон дураков не воспитывала. «Лучше убежите и подеритесь в другой день», – говорила она нам в детстве. Я собрал оставшиеся деньги, выпросил в банке еще пять тысяч ссуды – не спрашивай как – и перебрался в Фоллс. Сверхприбыли по-прежнему нет – экономика не в том состоянии, а еще эти глупые разговоры о котобургерах, или песобургерах, или скунсобургерах, у людей фантазия богатая, – да только теперь я не зависел от экономики, как все остальные. И причина тому – за этой дверью в кладовку. В Оберне за ней ничего особенного не было. Я готов поклясться в этом на стопке Библий высотой десять футов. Все проявилось только здесь.

– О чем ты?

Он пристально посмотрел на меня водянистыми, за ночь постаревшими глазами:

– Сейчас говорить больше не о чем. Тебе надо все увидеть самому. Вперед, открой дверь.

На моем лице наверняка читалось сомнение. Эл подбодрил меня:

– Считай, это последняя просьба умирающего. Давай, дружище. Если только ты мне друг. Открой дверь.

5

Я бы солгал, сказав, что бег сердца не ускорился, когда я повернул ручку и потянул дверь на себя. Я понятия не имел, с чем могу столкнуться (хотя, помнится, в голове мелькнул образ дохлых кошек, освежаванных и готовых к превращению в фарш в электрической мясорубке), но когда Эл протянул руку и включил свет, я увидел, что за дверью...

Всего лишь кладовка.

Маленькая, такая же ухоженная и опрятная, как и вся закусочная. На полках вдоль стен – большие, ресторанной расфасовки, банки консервов. В дальнем конце, где крыша плавно шла вниз, нашлось место порошкам и прочим чистящим средствам. Щетка и швабра лежали на полу, потому что потолок и пол разделяли только три фута. Пол застилал тот же серый линолеум, но пахло не жареным мясом, как в зале, а кофе, овощами и специями. Ощущался и еще какой-то запах, слабый и не очень приятный.

– Ладно, – кивнул я, – это кладовка. Много всего, все аккуратно сложено. По управлению припасами, если такой предмет существует, ставлю тебе пятерку.

– Чем тут пахнет?

– В основном специями. Кофе. Может, еще освежителем воздуха. Не знаю.

– Да, я использую «Глейд». Из-за того запаха. Ты хочешь сказать, что больше ничего не чувствуешь?

– Что-то есть. Похоже на серу. Наводит на мысли о горелых спичках. – Я также подумал и об отравляющем газе, что мы всей семьей выпускали после тушеных бобов, которые мама обычно готовила на субботний ужин, но не упомянул об этом. А может, лекарства от рака вызывают пердеж?

– Это сера. Есть и другие запахи, тоже не «Шанель номер пять». Фабричная вонь, дружище.

Безумие продолжалось, но я смог ответить лишь (да и то абсурдно-вежливым тоном, принятым на коктейльной вечеринке):

– Правда?

Эл опять улыбнулся, продемонстрировав десны, из которых всего днем раньше выступали ровные зубы.

– Ты вежливо намекаешь, что фабрика Ворамбо закрылась, когда меня еще на свете не было? Если на то пошло, в конце восьмидесятых она сгорела почти дотла, а то, что оста-

лось, – он ткнул пальцем себе за плечо, – всего лишь склад-магазин готовой продукции. Одна из главных туристических достопримечательностей, наряду с «Кеннебек фрут компани», где продают «Мокси». И еще ты думаешь, что сейчас самое время достать мобильник и вызвать парней в белых халатах. Так ведь, дружище?

– Я никому не собираюсь звонить, потому что ты не псих. – Правда, я сам не верил в то, что говорил. – Но это всего лишь кладовка, а фабрика Ворамбо за последнюю четверть века не выткала ни рулона ткани.

– Ты никому не позвонишь, это точно, поскольку я хочу, чтобы ты отдал мне мобильник, бумажник и все деньги, что у тебя в карманах, включая монеты. Это не ограбление. Я тебе все верну. Ты отдашь мне эти вещи?

– Сколько у меня уйдет на это времени, Эл? Мне нужно прочитать несколько сочинений, чтобы выставить итоговые оценки за этот учебный год.

– Оставайся там сколько хочешь, – ответил Эл, – потому что это займет две минуты. Это *всегда* занимает две минуты. Останься на час и как следует осмотришься, если возникнет желание, но я бы этого делать не стал, во всяком случае, в первый раз, потому что потрясение будет слишком велико. Ты сам увидишь. Доверишься мне? – Что-то в моем лице заставило его напрячься. – Пожалуйста. *Пожалуйста*, Джейк. Желание умирающего.

Я уже точно знал, что Эл безумен, но знал и другое: он не ошибается по части своего состояния. За время нашего недолгого разговора его глаза, казалось, еще глубже погрузились в глазницы. И он совершенно выдохся. Двух десятков шагов от кабинки в одном конце закусочной до кладовки в другом хватило для того, чтобы он покачивался, едва держась на ногах. «И еще окровавленный носовой платок, – напомнил я себе. – Не забывай про окровавленный носовой платок».

И... я понял, что проще пойти ему навстречу. Вы со мной не согласны?

«Не противься, и пусть будет по-Божьему» – так им нравится говорить на собраниях, которые посещает моя бывшая, но я решил, что тут все иначе: не противься, и пусть все будет, как хочет Эл. Во всяком случае, до какого-то предела. И почему нет? – сказал я себе. Когда садишься в самолет приходится пройти через большую хренотень. А Эл даже не попросил меня снять обувь и поставить на транспортер.

Я вытащил мобильник из чехла на ремне, положил на картонную коробку с банками консервированного тунца. Добавил бумажник, тонкую пачку купюр, доллар пятьдесят или чуть больше мелочью и кольцо с ключами.

– Ключи оставь, они значения не имеют.

Для меня имели, но я промолчал.

Эл сунул руку в карман и достал пачку денег, куда более толстую, чем та, что лежала на коробке. Протянул мне:

– Заначка. Вдруг ты захочешь купить сувенир или что-то еще. На, бери.

– Почему я не могу воспользоваться своими деньгами? – Я подумал, что задаю вполне логичный вопрос. При условии, что этот безумный разговор укладывался в логические рамки.

– Сейчас не будем об этом, – сказал он. – Личный опыт ответит на большинство твоих вопросов лучше, чем это сделал бы я даже в отличной форме, а сейчас с формой у меня просто беда. Возьми деньги.

Я взял и просмотрел их. Сверху лежали долларовые купюры, и выглядели они так же, как те, которыми я привык пользоваться. Потом я добрался до пятерки, и тут обнаружилось отличие. Над изображением Авраама Линкольна появилась надпись: **SILVER**

CERTIFICATE⁹, а слева от нее – большая синяя цифра «5». Я поднял купюру, чтобы посмотреть на просвет.

– Это не подделка, если у тебя возникла такая мысль. – По интонациям хрипатого голоса чувствовалось, что Эла моя реакция забавляет.

Может, и нет – на ощупь вроде бы настоящая, как и на вид, – но где водяные знаки?

– Если купюра и настоящая, то очень старая.

– Джейк, просто сунь деньги в карман.

Я сунул.

– У тебя есть карманный калькулятор? Какие-то электронные штучки?

– Нет.

– Тогда, думаю, ты готов. Повернись лицом к дальней стене кладовки. – Прежде чем я успел это сделать, он хлопнул себя по лбу. – Господи, что у меня с головой? Я забыл про Человека с желтой карточкой.

– Кого? Что?

– Человек с желтой карточкой. Так я его зову, а настоящего имени не знаю. Вот, возьми. – Он порылся в кармане и протянул мне пятидесятицентовую монету. Такой я не видел уже много лет. Возможно, с детства.

Я подкинул ее на ладони.

– Не думаю, что ты хочешь расстаться с ней. Она же ценная.

– Естественно, ценная, стоит полбакса.

Он закашлялся, и на этот раз кашель сотрясал его, как сильный ветер, но отмахнулся, когда я шагнул к нему. Оперся о картонные коробки – на верхней лежали вещи и деньги, которые я достал из карманов, – сплюнул в бумажные салфетки, посмотрел, поморщился, потом сжал салфетки в кулаке. Его осунувшееся лицо теперь блестело от пота.

– Прилив или что-то в этом роде. Чертов рак нарушает терморегуляцию, как и все остальное. Теперь о Человеке с желтой карточкой. Он безвредный алкаш, но не похож на остальных. Словно что-то *знает*. Я думаю, это всего лишь совпадение – он обязательно будет слоняться неподалеку от того места, где ты выйдешь, – но я хотел бы подготовить тебя к встрече с ним.

– Пока у тебя получается не очень, – заметил я. – Я не имею ни малейшего понятия, о чем ты говоришь.

– Он скажет: «У меня желтая карточка из зеленого дома, так что дай мне бакс, потому что сегодня – день двойной выплаты». Ты понял?

– Понял. – Безумие крепчало.

– И у него есть желтая карточка, она заткнута за ленту шляпы. Может, это визитная карточка таксомоторной компании или купон «Ред энд уайт», найденный в сточной канаве, но мозги у него высушены дешевым вином, и, возможно, он думает, что карточка эта – что золотой билет Вилли Вонки¹⁰. В любом случае ты ответишь: «Бакс дать не могу, но держи половину», – и отдашь ему монету. Тогда он может сказать... – Эл поднял костлявый палец. – Он может сказать что-то вроде: «Почему ты здесь?» или «Откуда ты пришел?» Он *может* сказать: «Ты не тот парень». Вряд ли скажет, но это возможно. Я много чего не знаю. Что бы он ни сказал, оставь его у сушильного сарая – там он обычно сидит – и иди к воротам. Он скорее всего скажет тебе вслед: «Я *знаю*, ты можешь дать мне бакс, жадюга», – но не обращай на это внимания. Не оглядывайся. Перейди железнодорожные пути – и окажешься на пересечении Главной улицы и Лисбон-стрит. – Тут он насмешливо улыбнулся. – А потом, дружище, мир – твой.

⁹ Серебряный сертификат (англ.).

¹⁰ Герой повести английского писателя Роальда Даля «Чарли и шоколадная фабрика».

– Сушильный сарай?

Я смутно помнил, что рядом с тем местом, где теперь находилась закусочная, вроде бы *что-то* стояло, может, и сушильный сарай старой фабрики Ворамбо, но здание это, для чего бы оно ни использовалось, давно снесли. И будь в дальней стене чисто прибранной кладовки, то есть в торце «Алюминейра», окошко, оно бы смотрело на вымощенный камнем двор и магазин верхней одежды, который назывался «Уютный уголок Мэна». Перед Рождеством я купил там теплую куртку «Норс фейс», и по очень хорошей цене.

– Забудь про сушильный сарай, просто запомни все, что я тебе сказал. А теперь снова повернись... правильно... и сделай два-три шага вперед. Маленьких шажка. Детских. Будто в темноте пытаешься найти верхнюю ступеньку лестницы... Осторожно...

Я в точности выполнил его указания, чувствуя себя полным идиотом. Один шаг... Мне пришлось наклонить голову, чтобы не зацепиться за алюминиевый потолок... Два шага... Теперь я ссутулился. Еще пара шагов, и я буду вынужден опуститься на колени. Этого я делать не собирался, даже по просьбе умирающего.

– Слушай, это глупо. Если только ты не хочешь, чтобы я принес тебе коробку с фруктовым коктейлем или пару пакетиков желе, мне здесь нече...

Тут моя нога ушла вниз, как происходит, когда спускаешься по ступенькам. Да только она по-прежнему твердо стояла на темно-сером линолеуме. Я отлично ее видел.

– Поехали. – Хриплость ушла из голоса Эла, во всяком случае, временно: удовлетворенность добавила ему мягкости. – Ты ее нашел, дружище.

Но что я нашел? Что именно я испытывал? Похоже, воображение сыграло со мной злую шутку, поскольку, что бы я ни чувствовал, я видел, что нога по-прежнему стоит на полу. Только...

Вы знаете, как в яркий, солнечный день, закрыв глаза, можно увидеть то, на что вы перед этим смотрели? Что-то похожее произошло и со мной. Когда я посмотрел на свою ногу, я увидел, что она на полу. А когда моргнул – за миллисекунду до или через миллисекунду после того, как мои глаза закрылись, – заметил, что моя нога на ступеньке. И уже не под тусклым светом лампочки в шестьдесят ватт, а под яркими лучами солнца.

Я замер.

– Иди дальше, – подбодрил меня Эл. – Ничего с тобой не случится, дружище. Просто иди дальше. – Он закашлялся, и в его вновь охрипшем голосе послышалось отчаяние. – *Мне надо, чтобы ты пошел дальше.*

И я пошел.

Да поможет мне Бог, пошел.

Глава 2

1

Я сделал еще шаг вперед, на следующую ступеньку. Глаза по-прежнему говорили мне, что я в кладовке «Закусочной Эла», но я стоял выпрямившись, и моя макушка больше не скребла потолок. Разумеется, такого быть не могло. Мой желудок нервно дернулся в ответ на путаницу, устроенную органами чувств, и я почувствовал, как сандвич с яичным салатом и кусок яблочного пирога, съеденные за ленчем, готовятся к катапультированию.

Сзади – уже издалека, будто нас разделяли пятнадцать ярдов, а не пять футов, – послышался голос Эла:

– Закрой глаза, дружище, так будет легче.

Едва я это сделал, путаница исчезла. Словно я перестал пытаться увидеть кончик собственного носа. Или, скорее, надел очки для просмотра трехмерного фильма. Я двинул правой ногой и спустился на очередную ступеньку. Я находился *на лестнице*. Теперь, с отключенным зрением, мое тело в этом не сомневалось.

– Еще две, потом открывай глаза, – посоветовал Эл. Расстояние между нами снова увеличилось. Казалось, он отошел в другой конец закуской, а не стоял у двери кладовки.

Я поставил на первую ступеньку левую ногу, на вторую – правую. И тут же в голове послышался хлопок, какой ощущаешь, сидя в самолете, если давление резко меняется. Темнота под веками сменилась краснотой, кожей я почувствовал тепло. Солнечный свет. Никаких сомнений. И серный запах, ранее слабый, заметно усилился. В кладовке он едва чувствовался, а теперь раздражал. Опять-таки, никаких сомнений.

Я открыл глаза.

Уже не в кладовке. Уже не в «Закусочной Эла». И хотя дверь из кладовки вела только в зал, я оказался под синим небом. Во дворе. Правда, не вымощенном камнем. Под ногами я видел грязный, крошащийся бетон. И привычные магазины куда-то подевались. Несколько больших металлических контейнеров стояло у белой оштукатуренной стены на месте «Уютного уголка Мэна». В контейнерах что-то лежало, прикрытое грубой коричневой мешковиной.

Я повернулся, чтобы взглянуть на большой серебристый трейлер, который занимала «Закусочная Эла», но трейлер исчез.

2

Там, где ему полагалось быть, возвышалась громада – будто сошедшая со страниц романов Диккенса – ткацко-прядельной фабрики Ворамбо, которая работала на полную мощность. Я слышал грохот красильных машин и сушилок, шуршание огромных плоско-прядельных машин, которые когда-то занимали второй этаж (я видел фотографии в маленьком здании Исторического общества Лисбона, что на Главной улице: на машинах работали женщины в платках и комбинезонах). Светло-серый дым поднимался над тремя высокими трубами, в восьмидесятые годы поваленными мощным ураганом.

Я стоял рядом с большим зеленым зданием, вероятно, сушильным сараем. Он занимал половину двора и поднимался на добрых двадцать футов. Я сошел с лестницы, но теперь никаких ступенек не видел. Не видел пути назад. И запаниковал.

– Джейк? – Голос Эла, но далекий-предалекий. Казалось, он донесся до моих ушей случайно, благодаря какому-то акустическому трюку, словно пролетел многие мили по длинному узкому каньону. – Ты сможешь вернуться так же, как вышел. Нашупай ступеньки.

Я поднял левую ногу, опустил и нашупал ступеньку. Паника отступила.

– Иди, – прозвучало едва слышно. Голос словно подпитывался собственным эхом. – Осмотрись, а потом возвращайся.

Поначалу я никуда не пошел, постоял, вытирая рот тыльной стороной ладони. По ощущениям, глаза вылезали из орбит. Волосы, похоже, стояли дыбом, по загривку и спине ползали мурашки. Меня охватил страх – чего там, ужас, – но его уравнивало (пока) набирающее силу любопытство. Я видел собственную тень на бетоне, точно очерченную, словно вырезанную из черной материи. Видел пятна ржавчины на цепи, которая отделяла сушильный сарай от остального двора. Ощущал отвратительный запах дыма, поднимавшегося из трех труб, достаточно сильный, чтобы защищать глаза. Инспектору из агентства по защите окружающей среды хватило бы одного вдоха, чтобы в мгновение ока остановить все производство. Да только... я сомневался, что во всей стране сыщется такое агентство. Я знал, где нахожусь. Штат Мэн, Лисбон-Фоллс, сердце округа Андрокоггин.

Вопрос состоял в другом: *в каком году?*

3

На цепи висела табличка с надписью на обратной стороне, так что я не мог ее прочитать. Двинулся к табличке, тут же вернулся назад. Закрыв глаза и, шаркая, принялся разыскивать ступеньки. Когда левая нога наткнулась на первую ступеньку лестницы, ведущей в кладовку «Закусочной Эла» (я на это истово надеялся), остановился, нашупал в заднем кармане и вытащил сложенный листок бумаги, служебную записку от моего многоуважаемого заведующего кафедрой: «Хорошего тебе летнего отдыха, и не забудь про июльский рабочий день». На мгновение я задался вопросом, как он отнесется к предложению Джейка Эппинга включить в программу следующего учебного года шестинедельный семинар «Литература о путешествиях во времени». Потом оторвал сверху полоску и бросил на первую ступеньку невидимой лестницы. Она, разумеется, упала на землю, но отметила нужное место. Я полагал, что в этот теплый, тихий день ее никуда не сдует, однако все-таки нашел небольшой кусок бетона и воспользовался им как пресс-папье, на всякий случай. Теперь он лежал и на ступеньке, и на бумажной полоске. Только никакой ступеньки *не было*. В голове мелькнула строка из старой песни: *Поначалу есть гора, а потом и нет горы, но затем опять гора*.

«Осмотри», – предложил мне Эл, и я решил последовать его совету. Пришел к выводу, что еще какое-то время сохраню здравый ум, раз уж до сих пор не рехнулся. Если, конечно, не увижу стадо розовых слонов или НЛЮ, зависший над автомобильным салоном Джона Крафтса. Я пытался сказать себе, что этого нет, что так не бывает, но тщетно. Философы и психологи могут спорить о том, что реально, а что нет, однако большинство людей, живущих обычной жизнью, знает и принимает мир, который видит и ощущает вокруг себя. Таков и я. Если отбросить все остальное, для галлюцинации этот мир слишком уж вонял.

Я подошел к цепи, висевшей на уровне моего бедра, нырнул под нее. На другой стороне таблички обнаружилась надпись черной краской: «**ПРОХОД ЗАПРЕЩЕН ДО ЗАВЕРШЕНИЯ РЕМОНТА СТОЧНОЙ ТРУБЫ**». Я огляделся, убедился, что в непосредственной близости никакого ремонта не ведется, обошел угол сушильного сарая и чуть не наступил на мужчину, гревшегося на солнышке. Впрочем, загар в его планы не входил. Иначе он снял бы старое черное пальто, которое укутывало его, точно бесформенная тень. На обоих руках налипли засохшие сопли. Тело, упрятанное под пальто, высохло до крайности. Обильно

тронутые сединой черные волосы патлами свисали на небритые щеки. Никто не смог бы представить себе более типичного алкаша.

Нахлобученную на голову мягкую фетровую шляпу с продольной ложбиной он, казалось, позаимствовал из какого-то фильма в жанре нуар пятидесятих годов, где у всех женщин большой бюст, а мужчины говорят очень быстро и из уголка рта у них свешивается сигарета. И да, из-под ленты на шляпе, словно древний репортерский пропуск, торчала желтая карточка. В свое время наверняка ярко-желтая, но потускневшая от прикосновений множества грязных пальцев.

Когда моя тень упала ему на колени, Человек с желтой карточкой поднял голову и оглядел меня мутными глазами.

– Ты, на хрен, кто? – просипел он. Прозвучало это как: «Тын-ахх-то».

Эл не проинструктировал меня на предмет всех ответов, так что я выбрал, как мне думалось, наиболее безопасный:

– Не твое, на хрен, дело.

– Иди на хрен.

– Как скажешь. В этом наши желания совпадают.

– Чё?

– Хорошего тебе дня.

Я повернулся к открытым воротам, за которыми пролегали железнодорожные пути. За ними, слева, увидел незнакомую мне автостоянку. Ее заполняли автомобили, в большинстве своем выдавшие виды и достаточно старые, чтобы коротать век в автомобильном музее. «Бьюики» с «мышинными норками»¹¹, «форды» с носами-торпедами.

Они принадлежат реальным фабричным рабочим, подумал я. Реальным рабочим, которые сейчас трудятся в цехах за почасовую оплату.

– У меня желтая карточка из зеленого дома. – В голосе алкаша слышались агрессивность и тревога. – Так что дай мне бакс, потому что сегодня – день двойной выплаты.

Я протянул ему монету в пятьдесят центов, чувствуя себя актером, который произносит в пьесе только одну реплику.

– Бакс дать не могу, но держи половину.

Потом отдашь ему монету, проинструктировал меня Эл, но делать этого не пришлось. Желтая Карточка выхватил ее у меня и поднес к лицу. Я уж подумал, что он собирается проверить пятидесятицентовик на зуб, но алкаш сжал длинные пальцы в кулак, и монета исчезла. Затем он вновь поднял глаза, на его лице было написано почти комичное недоверие.

– Ты кто? Что ты здесь делаешь?

– Будь я проклят, если знаю, – ответил я и повернулся к воротам, ожидая, что в спину полетят другие вопросы, но их так и не последовало.

4

Самым новым автомобилем на стоянке оказался «плимут-фьюри», модель середины или конца пятидесятих. Пластина с номерным знаком очень походила на древнюю версию той, что крепилась над задним бампером моей «субару». Ее по требованию моей бывшей украшала розовая ленточка – символ борьбы с раком молочной железы. На пластине, на которую я сейчас смотрел (оранжевой – не белой), вместо ленточки *была надпись* «КРАЙ ОТДЫХА – МЭН». Как и в большинстве штатов, в нашем номерные знаки включали цифры и буквы; скажем, на моей «субару» – 23383 IY, но номерной знак этого почти нового красно-белого «плимута-фьюри» состоял исключительно из цифр: 90-811. Никаких букв.

¹¹ Имеются в виду декоративные отверстия на крыльях моделей «бьюиков».

Я прикоснулся к багажнику. Твердый, теплый от солнца. Реальный.

Перейди железнодорожные пути, и окажешься на пересечении Главной улицы и Лисбон-стрит. А потом, дружище, мир – твой.

Перед старой фабрикой железнодорожных путей не было – в мое время, – но теперь я отчетливо их видел. И отнюдь не старые и ржавые. Отполированные рельсы сверкали на солнце. А где-то вдалеке слышалось «чух-чух» настоящего поезда. Когда поезда в последний раз проходили через Лисбон-Фоллс? Наверное, когда фабрика еще не закрылась, а компания «Ю-Эс джипсам», которую местные прозвали «Ю-Эс обдери», работала двадцать четыре часа в сутки.

Да только она и работает двадцать четыре часа в сутки, подумал я. Готов спорить на любые деньги. Как и фабрика. Потому что я не во втором десятилетии двадцать первого века.

Я прошел дальше, не отдавая себе в этом отчета – совсем как лунатик. И теперь стоял на углу Главной улицы и шоссе 196, также известной как Старая льюистонская дорога. Только ничего старого в ней не было. А за перекрестком, на противоположном углу...

Да, «Кеннебек фрукт компани» – претенциозное название для магазинчика, балансировавшего на грани закрытия – или это мне так казалось – все десять лет, что я учительствовал в ЛСШ. Невероятно, но его *raison d'être*¹² и единственным средством выживания служил «Мокси», самый своеобразный из прохладительных напитков. Владелец «Фрукт компани», пожилой добряк по имени Фрэнк Аничетти, как-то объяснил мне, что население мира естественным образом (возможно, генетически) делится на две части: немногочисленных, но избранных Богом, которые ставят «Мокси» выше любого другого прохладительного напитка... и остальных. Фрэнк называл остальных «несчастливым, дефективным большинством».

«Кеннебек фрукт компани» моего времени представлял собой выцветшую желто-зеленую коробку с грязной витриной, лишенной товаров... разве что там иногда спал кот. Крыша просела после многих снежных зим. В торговом зале для продажи предлагались только сувениры, связанные с «Мокси»: ярко-оранжевые футболки с надписью «Я НАСЛАДИЛСЯ МОКСИ!», ярко-оранжевые шляпы, старинные календари, жестяные таблички. Они *выглядели* старинными, но скорее всего их изготовили пару лет назад в Китае. Большую часть года покупатели в магазин не заходят, да и полки пустуют... хотя здесь все-таки продаются расфасованные сладости и пакеты картофельных чипсов (если вам нравятся подсолненные и с уксусом). В холодильном шкафу для прохладительных напитков – только «Мокси». Холодильный шкаф для пива пуст.

Каждый июль Лисбон-Фоллс устраивает фестиваль «Мокси» штата Мэн. С оркестрами, фейерверками и парадом – клянусь, это правда, – с платформами и местными королевами красоты, одетыми в закрытые купальники цвета «Мокси», то есть оранжевые и такие яркие, что могут вызвать ожог сетчатки. Церемониймейстер парада всегда наряжается доком Мокси, что подразумевает белый халат, стетоскоп и одно из этих старомодных налобных зеркал на голове. Два года тому назад церемониймейстером была директор ЛСШ Стелла Лэнгли, и теперь ей жить с этим вечно.

В дни фестиваля «Кеннебек фрукт компани» оживает и прилично зарабатывает, в основном на обалдевших туристах, которые едут в западную, курортную часть Мэна. В остальное время года это магазин-призрак, где стоит слабый запах «Мокси», всегда напоминающий мне – видимо, потому что я принадлежу к «несчастному, дефективному большинству» – мастерол, невероятно вонючую мазь, которой мать натирала мне грудь и шею, если я простужался.

¹² Смысл существования (*фр.*).

Теперь же, на другой стороне Старой льюистонской дороги, я видел бурлящее жизнью, процветающее заведение. Над дверью висела вывеска с двумя надписями: «ОСВЕЖИСЬ С “СЕВЕН-АП”» наверху и «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В “КЕННЕБЕК ФРУТ КО”» внизу – такая яркая, что слепило глаза. Стены сияли свежей краской, крыша не поддавалась погодным катаклизмам. Люди входили и выходили. А в витрине вместо кота...

Боже мой, апельсины. В магазине с названием «Кеннебек фрукт компани» когда-то торговали фруктами. Кто бы мог подумать?

Я уже начал переходить улицу, но тут же отступил назад, заметив приближающийся ко мне рейсовый автобус. В окошечке над разделенным надвое лобовым стеклом виднелось название маршрута: «ЛЬЮИСТОНСКИЙ ЭКСПРЕСС». Когда автобус затормозил у остановки на перекрестке, я увидел, что большинство пассажиров курит. Вероятно, в салоне воздух по химическому составу приближался к атмосфере Сатурна.

Как только автобус продолжил путь (оставив после себя синюшное облако выхлопных газов с запахом несгоревшего дизельного топлива, который добавился к сероводородной вони дыма, поднимавшегося из труб фабрики Ворамбо), я перешел улицу, задавшись вопросом: а что будет, если меня собьет автомобиль? Я просто исчезну? Приду в себя, очнувшись на полу в кладовке Эла? Вероятно, ни то ни другое. Может, я умру здесь, в прошлом, по которому тоскует столько людей. Они тоскуют, потому что забыли, как плохо пахло это прошлое, а может, никогда и не принимали во внимание эту особенность славных пятидесятых.

У стены «Фрут компани», упираясь в деревянную обшивку согнутой ногой в черном сапоге, стоял какой-то паренек. В рубашке с поднятым воротничком и с прической (я ее узнал по старым фильмам) а-ля ранний Элвис. В отличие от учеников, которых я привык видеть на своих занятиях, этот не пытался отпустить козлиную бородку, его подбородок был девственно чист. Я понял, что в мире, где я сейчас пребывал (очень надеюсь, временно), его бы пинком вышвырнули из ЛСШ, шагни он на порог хотя бы с одним волоском на лице. Вышвырнули бы незамедлительно.

Я кивнул ему. Джеймс Дин¹³ ответил тем же и поздоровался:

– Хай-йо, папаша.

Я вошел в магазин. Над дверью звякнул колокольчик. Пахло не пылью и медленно гниющим деревом, а апельсинами, яблоками, кофе и ароматизированным табаком. Справа была стойка с раскрытыми комиксами: «Арчи», «Бэтмен», «Капитан Марвел», «Пластичный человек», «Байки из склепа». Над этой сокровищницей, от одного вида которой любой завсегдатай аукциона «Ибэй» мог забиться в судорогах, висел лист бумаги с рукописной надписью: «КОМИКСЫ 5 центов штука, ТРИ ЗА 10, ДЕВЯТЬ – ЗА ЧЕТВЕРТАК. *ПОЖАЛУЙСТА, НЕ ТРОГАЙТЕ, ЕСЛИ НЕ СОБИРАЕТЕСЬ ПОКУПАТЬ*».

Слева стояла стойка с газетами. «Нью-Йорк таймс» я не нашел, только несколько экземпляров «Портленд пресс гералд» и один – «Бостон глоуб». Заголовок «Глоуб» кричал: **«ДАЛЛЕС НАМЕКАЕТ НА УСТУПКИ, ЕСЛИ КРАСНЫЙ КИТАЙ ОТКАЖЕТСЯ ОТ ПРИМЕНЕНИЯ СИЛЫ НА ФОРМОЗЕ»**. Обе газеты датировались вторником, 9 сентября 1958 года.

5

Я взял «Глоуб», стоившую восемь центов, и направился к мраморному прилавку с газировкой, которого в мое время не существовало. За прилавком стоял Фрэнк Аничетти. По всем признакам – он, вплоть до полукружий седых волос над ушами. Только эту версию – назовем

¹³ Американский киноактер.

ее Фрэнк Один-Ноль – отличала худоба и бифокальные очки без оправы. И более высокий рост. Чувствуя себя незнакомцем в собственном теле, я уселся на высокую табуретку.

Он указал на газету:

– Вам этого хватит или налить какой-нибудь газировки?

– Что-нибудь холодное, но только не «Мокси», – услышал я собственный голос.

Фрэнк Один-Ноль улыбнулся:

– «Мокси» не держим, сынок. Не желаете рутбира¹⁴?

– Звучит неплохо, – ответил я, не погрешив против истины. В горле пересохло, лоб горел, будто поднялась температура.

– Пять или десять?

– Простите?

– Бира на пять или десять центов? – Первое слово он произнес на мэнский манер: «би-и-йа».

– А-а... Полагаю, на десять.

– Что ж, я полагаю, вы полагаете правильно. – Он открыл морозильник и достал заиндевелую кружку размером с графин для лимонада. Наполнил ее из крана, и я почувствовал запах рутбира, сильный и резкий. Фрэнк Один-Ноль снял пену рукояткой деревянной ложки, долил кружку до самого края и поставил передо мной на мраморный прилавок. – Пожалуйста. Вместе с газетой – восемнадцать центов. Плюс один для губернатора.

Я протянул старинный доллар Эла, и Фрэнк Один-Ноль отсчитал сдачу.

Я отпил рутбира сквозь пену и чуть не ахнул. Такой... насыщенный. Такой вкусный. Лучше и не скажешь. Этот мир, отстоявший от нашего более чем на пятьдесят лет, пах гораздо хуже, чем я мог себе представить, но рутбир вкусом отличался в лучшую сторону. И еще как отличался.

– Замечательный рутбир.

– Правда? Рад, что вам понравилось. Вы не местный, да?

– Да.

– Из другого штата?

– Висконсин, – ответил я. Если и солгал, то не совсем. Моя семья жила в Милуоки, пока мне не исполнилось одиннадцать. Потом отца взяли преподавателем английского языка в Университет южного Мэна. С тех пор я этот штат не покидал.

– Вы выбрали для приезда очень удачное время, – кивнул Аничетти. – Большинство летних гостей разъехалось, и цены сразу пошли вниз. Ваш рутбир, к примеру. После Дня труда десятицентовая кружка стоит всего лишь дайм¹⁵.

Звякнул колокольчик над дверью, заскрипели половицы. Приветливым таким скрипом. В последний раз, когда я рискнул зайти в «Кеннебек фрукт» в надежде купить упаковку «Тамс» (меня ждало разочарование), они стонали.

За прилавок зашел подросток лет семнадцати. С коротко стриженными черными волосами. Его сходство с мужчиной не вызывало сомнений, и я осознал, что это Фрэнк Аничетти моего времени. А мужчина, снявший пену с кружки рутбира, – его отец. Фрэнк Два-Ноль даже не взглянул на меня – еще один покупатель.

– Тит уже поставил пикап на подъемник, – доложил он отцу. – Говорит, к пяти все будет готово.

– Так это хорошо. – Аничетти-старший достал сигарету, закурил. Только тут я впервые заметил на мраморном прилавке рядок маленьких керамических пепельниц. С надписью на боку: «ВКУСА «ВИНСТОН» ЛУЧШЕ НЕТ – ЭТАЛОН СИГАРЕТ». Фрэнк Один-

¹⁴ Газированный напиток, популярный в Северной Америке.

¹⁵ Десять центов.

Ноль посмотрел на меня. – Добавить в рутбир шарик ванильного мороженого? За счет заведения. Нам нравится окружать туристов заботой, особенно если они приезжают по окончании сезона.

– Благодарю, но мне и так хорошо. – И я говорил чистую правду. Не сомневался, что от добавки сладкого моя голова просто взорвется. Да и рутбир мне дали крепкий – прямо-таки газированный эспрессо.

Подросток улыбнулся мне – по сладости улыбка не уступала содержимому кружки. Никакого намека на пренебрежение, которое источал поклонник Элвиса, встреченный мною у магазина.

– В школе мы читали рассказ о том, что местные едят туристов, если они приезжают после окончания сезона.

– Фрэнки, разве можно говорить такое гостю? – Но мистер Аничетти улыбался, произнося эти слова.

– Все нормально. Я сам разбирал с учениками этот рассказ. Ширли Джексон, правильно? «Летние люди».

– Совершенно верно, – согласился Фрэнк. – Я не совсем его понял, но мне он понравился.

Я отпил еще глоток рутбира и с ласкающим слух стуком поставил кружку на мраморный прилавок. Не особо удивился, обнаружив, что кружка практически пуста. *Могу ведь и подсесть на этот рутбир*, подумал я. «Мокси» ему и в подметки не годится.

Старший Аничетти выпустил струю дыма к потолку, где неторопливо вращающиеся лопасти вентилятора перепаживали синеватое облако.

– Вы преподаете в Висконсине, мистер?..

– Эппинг. – Вопрос застал меня врасплох, и я не подумал о том, чтобы назваться вымышленной фамилией. – Да. Но этот год у меня субботный.

– Это означает, что он на год в творческом отпуске, – пояснил Фрэнк.

– Я знаю, что это означает, – ответил мистер Аничетти. Попытался изобразить раздражение, но получилось не очень. Я решил, что отец и сын нравятся мне ничуть не меньше рутбира. Мне нравился и продвинутый юнец с улицы, хотя бы по одной причине: он не знал, что уже стал штампом. Этот мир вызывал ощущение защищенности, ощущение – ну, не знаю – предопределенности. Конечно же, ложное ощущение, поскольку опасностью он не уступал любому другому. Но я обладал информацией, которой – как я верил часом ранее – мог располагать лишь Бог. Я знал, что паренек, полюбивший рассказ Ширли Джексон (пусть он «не совсем его понял»), проживет и этот день, и все другие дни последующих пятидесяти с небольшим лет. Не погибнет в автомобильной аварии, не умрет от сердечного приступа, не заболеет раком легких, вдыхая отцовский сигаретный дым. В ближайшие пятьдесят лет ничего такого с Фрэнком Аничетти не случится.

Я посмотрел на настенные часы («НАЧНИ СВОЙ ДЕНЬ С УЛЫБКИ, ВЫПЕЙ БОД-РЯЩЕГО КОФЕ» – было написано на циферблате): двенадцать двадцать две. Для меня это ничего не значило, но я изобразил удивление. Допил мой *би-и-йя* и поднялся.

– Должен идти, если не хочу опоздать на встречу с друзьями в Касл-Рок.

– Только не разгоняйтесь на сто семнадцатом, – предупредил Аничетти. – Дорога – черт ногу сломит. – И вновь я обратил внимание на чересчур заметный мэнский выговор. Какого не слышал уже многие годы. Затем осознал, что так оно и есть, в прямом смысле слова, и чуть не рассмеялся.

– Не буду. Большое спасибо. Сынок? Тот рассказ Ширли Джексон.

– Да, сэр?

Еще и *сэр*. Но совершенно без сарказма. Почтительность – ничего больше. Я уже решил для себя, что тысяча девятьсот пятьдесят восьмой – очень хороший год. За исключением, разумеется, фабричной вони и сигаретного дыма.

– Там нечего понимать.

– Нечего? Мистер Марчант говорит совсем другое.

– При всем уважении к мистеру Марчанту, передай ему мнение Джейка Эппинга. Иногда сигара – просто курево, а рассказ – просто рассказ.

Он рассмеялся:

– Обязательно. Завтра на третьем уроке!

– Хорошо. – Я кивнул его отцу, меня подмывало сказать ему, что благодаря «Мокси» (которой он не держал... пока) этот магазин простоит на углу Главной улицы и Старой льюистонской дороги много лет после его смерти. – Спасибо за рутбир.

– Приходите в любое время. Я думаю о том, чтобы сбросить цену на большую кружку.

– До дайма?

Он улыбнулся. Естественно и искренне, как сын.

– Вы быстро все схватываете.

Звякнул колокольчик. Вошли три женщины. Никаких брюк. Платья до середины голени. И шляпки! Две с белыми вуальками. Женщины начали рыться в ящиках с фруктами, выбирая лучшие. Я уже шагнул к двери, потом повернулся.

– Можете сказать, что такое зеленый дом?

Отец и сын обменялись веселыми взглядами, напомнившими мне старый анекдот. Турист из Чикаго за рулем роскошного спортивного автомобиля останавливается у фермерского дома в сельской глубинке. Старик фермер сидит на крыльце, курит трубку из стержня кукурузного початка. Турист выходит из «ягуара» и спрашивает: «Эй, старина, не подскажете, как добраться до Ист-Мачиаса?» Старик пару раз задумчиво затягивается, выпускает струю дыма и отвечает: «Проще всего – рукой»¹⁶.

– Вы и впрямь из другого штата? – спросил Фрэнк. Мэнского в его выговоре было куда меньше, чем у отца.

Он больше смотрит телик, подумал я. Лучшее средство избавления от местного выговора – телевидение.

– Да.

– Странно, потому что я слышу гнусавый говор янки.

– Это юперский диалект, – ответил я. – Верхний полуостров... – Да только – черт! – ВП в Мичигане.

Но оба Аничетти, похоже, не имели об этом ни малейшего понятия. Более того, молодой Фрэнк отвернулся и начал мыть посуду. Вручную.

– Зеленый дом – это винный магазин, – ответил Аничетти. – На другой стороне улицы, если хотите приобрести пинту горячительного.

– Я думаю, рутбира мне хватит. Спросил из любопытства. Хорошего вам дня.

– И вам тоже, друг мой. Приходите к нам опять.

Я прошел мимо выбиравшего фрукты трио, пробормотал: «Дамы», – когда поравнялся с ними, и пожалел, что у меня нет шляпы, чтобы приподнять ее. Мягкой фетровой, с продолжной ложбинкой, какие можно увидеть в старых фильмах.

¹⁶ Игра слов, основанная на особенностях чикагского выговора. Когда турист произносит название нужного ему места (East Machias), старику фермеру слышится: «Ease My Itchy Ass», то есть: «Эй, старина, не подскажете, как добраться до моего зудящего зада?»

6

Продвинутый юнец покинул свой пост, и я подумал, а не пройтись ли мне по Главной улице, чтобы посмотреть, как она изменилась, но тут же отказался от этой мысли. Незачем искушать судьбу. Вдруг кто-нибудь спросит о моей одежде? Я полагал, что мои пиджак спортивного покроя и слаксы более-менее сойдут, но мало ли. Да еще волосы, которые касались воротника. В мое время для учителя средней школы такое считалось вполне нормальным – даже консервативным, – однако могло вызвать недоуменные взгляды в десятилетие, когда мужчины не выходили из парикмахерской без выбритой сзади шеи, а баки позволяли себе только фанаты рокабилли вроде того парня, что назвал меня папашей. Разумеется, я всегда мог притвориться туристом, ведь в Висконсине мужчины носили более длинные волосы, и все это знали, – но не только прическа и одежда вызывали ощущение, что я выделяюсь среди остальных, будто какой-то инопланетянин, неудачно маскирующийся под человека.

Если на то пошло, я чувствовал себя не от мира сего. Нет, крыша у меня не поехала – человеческий разум достаточно хорошо приспособливается ко всякого рода неожиданностям, и чтобы слететь с катушек, требуется огромное их количество, – но чужаком я себя ощущал, это точно. Все думал о женщинах в длинных платьях и шляпках, женщинах, которые никогда не рискнули бы показать на публике бретельку бюстгалтера. И о вкусе этого рутбира. Таком *ядреном*.

На другой стороне улицы, напротив «Кеннебек фрут компани», располагался куда более скромный «ВИННЫЙ МАГАЗИН ШТАТА МЭН». Так гласила надпись крупными буквами над маленькой витриной. И да, фасад был выкрашен светло-зеленой краской. Внутри я разглядел моего друга, прежде гревшегося на солнце у сушильного сарая. Длинное черное пальто болталось на его тощих плечах. Шляпу он снял, и волосы торчали в разные стороны, совсем как на карикатуре о вечном недотепе, который только что сунул палец в электрическую розетку. Он что-то доказывал продавцу, размахивая обеими руками, и в одной я видел драгоценную желтую карточку. В другой – как я понимал – была зажата монета в пятьдесят центов, полученная мной от Эла Темплтона. Продавца в короткой белой тунике, очень напоминавшей халат Дока Мокси на ежегодном параде, жесты и слова Желтой Карточки не впечатляли.

Я остановился у перекрестка, дождался, пока проедут автомобили, перешел на ту сторону Старой льюистонской дороги, где находилась фабрика Ворамбо. Двое мужчин толкали через двор тележку, нагруженную рулонами материи, курили и смеялись. Я задался вопросом, а известно ли им, что творит с их легкими сигаретный дым на пару с загрязняющими атмосферу производственными выбросами фабрики, и решил, что нет. Возможно, оно и к лучшему, подумал я, но размышления на эту тему более приличествовали учителю философии, а не парню, который зарабатывал на хлеб насущный, знакомя шестнадцатилеток с нетленными творениями Шекспира, Стейнбека и Ширли Джексон.

Когда они скрылись на фабрике, закатив тележку между ржавыми металлическими челюстями ворот высотой в три этажа, я вернулся к цепи с табличкой **«ПРОХОД ЗАПРЕЩЕН ДО ЗАВЕРШЕНИЯ РЕМОНТА СТОЧНОЙ ТРУБЫ»**. Велел себе идти не слишком быстро и не глазеть по сторонам – не делать *ничего такого*, что могло бы привлечь внимание, – но получалось не очень. Я уже находился буквально на пороге времени, из которого пришел, и стремление поторопиться стало неодолимым. Во рту пересохло, выпитое бултыхалось в желудке. А если я не смогу вернуться? А если оставленной мной метки уже нет? Или она есть, но нет ступеней?

Спокойно, сказал я себе. *Спокойно*.

Быстро огляделся – не смог устоять – перед тем, как нырнуть под цепь, но двор целиком принадлежал мне. Откуда-то издалека, как во сне, вновь донеслось «чух-чух» железнодорожного дизеля. Этот звук вызвал в моей памяти очередную строку из песни: *«В этом поезде – исчезающий железнодорожный блюз...»*

Я пошел вдоль зеленой стены сушильного сарая, сердце громко стучало где-то у самого горла. Полоска бумаги, придавленная куском бетона, лежала на прежнем месте: пока все шло хорошо.

Я легонько пнул ее ногой, думая: *Пожалуйста, Господи, пусть сработает, пожалуйста, Господи, позволь мне вернуться.*

Мысок туфли отбросил кусок бетона – я увидел, как он отлетел в сторону, – но остановился, наткнувшись на невидимую ступеньку. Эти два взаимоисключающих события произошли одновременно. Я еще раз огляделся, хотя никто не мог видеть меня в этом узком проулке, если только не стоял напротив входа или выхода из него. Никто и не увидел.

Я поднялся на одну ступень. Моя нога чувствовала ее, пусть глаза по-прежнему говорили, что я стою на потрескавшемся бетоне. Рутбир опять бултыхнулся в животе. Я закрыл глаза, и мне сразу полегчало. Поднялся на вторую ступеньку, третью. Ступеньки были невысоки. На четвертой солнце перестало греть спину, а темнота под веками стусилась. Я попытался подняться на пятую ступеньку, но таковой не оказалось. Вместо этого я стукнулся головой о низкий потолок кладовки. Кто-то ухватил меня под локоть, и я чуть не вскрикнул.

– Расслабься, – услышал я голос Эла. – Расслабься, Джейк. Ты вернулся.

7

Он предложил мне выпить кофе, но я отрицательно покачал головой. Желудок все еще не пришел в норму. Эл наполнил свою чашку, и мы прошли к кабинке, в которой сидели до этого безумного путешествия. Мои бумажник, мобильник и деньги горкой лежали на столе. Эл сел со стоном боли и облегчения. Теперь он выглядел не таким измученным и чуть расслабился.

– Итак, ты ушел и вернулся. Что скажешь?

– Эл, не знаю, что и думать. Я потрясен до глубины души. Ты обнаружил это случайно?

– Абсолютно. Меньше чем через месяц после того, как перебрался сюда. Еще не успел отряхнуть пыль Сосновой улицы с каблуков. В первый раз я в прямом смысле *свалился* с этих ступеней, совсем как Алиса в кроличью нору. Подумал, что рехнулся.

Я мог себе это представить. Меня-то он подготовил, не так чтобы очень, но все-таки. С другой стороны, сомневаюсь, чтобы кто-то мог подготовить человека к путешествию во времени.

– Долго меня не было?

– Две минуты. Как и всегда, я тебе говорил. Не важно, на сколько ты там остаешься. – Он закашлялся, сплюнул в новую салфетку, сложил ее, убрал в карман. – И с последней ступеньки ты всякий раз спускаешься за две минуты до полудня девятого сентября тысяча девятьсот пятьдесят восьмого года. Каждое путешествие – первое. Куда ты ходил?

– В «Кеннебек фрут». Выпил рутбира. Превосходнейшего.

– Да, там все вкуснее. Меньше консервантов или чего-то там еще.

– Ты знаешь Фрэнка Аничетти? Я встретил его, семнадцатилетнего.

Почему-то, несмотря на все, я ожидал, что Эл рассмеется, но он воспринял мои слова как нечто само собой разумеющееся.

– Естественно. Я встречал Фрэнка много раз. Но он видит меня лишь однажды – в смысле там. Для Фрэнка всякий раз – первый. Он заходит в магазин, да? Возвращается с «Шеврона». «Тит уже поставил пикап на подъемник, – сообщает он отцу. – Говорит, к пяти

все будет готово». Я слышал это не меньше пятидесяти раз. Я не всегда иду в магазин, когда появляюсь там, но если иду, слышу этот разговор. Потом заходят женщины и начинают выбирать фрукты. Миссис Саймондс с подругами. Будто снова и снова смотришь один фильм.

– Всякий раз – первый, – медленно повторил я, с паузами между словами, чтобы эта идея лучше отложилась в голове.

– Точно.

– И каждый человек, которого ты видишь, *тебя* видит впервые, независимо от того, сколько раз вы до этого встречались?

– Точно.

– Я могу вернуться, и у нас состоится тот же разговор с Фрэнком и его отцом, но они этого знать не будут.

– Именно. Или ты можешь что-то изменить, скажем, заказать банановый сплит вместо рутбيرا, и разговор потечет в ином русле. Единственный, кто что-то подозревает, – Человек с желтой карточкой, но он уже пропил мозги и не понимает, что чувствует. Если вообще что-либо чувствует. Причина проста: благодаря случаю он сидит очень близко от «кроличьей норы», или как еще ее называть. Может, она излучает какую-то энергию. Этот алкаш...

Но Эл закашлялся и не смог продолжить. Я с болью в сердце наблюдал, как он сложился пополам, держась за бок и пытаясь не показывать мне, как ему плохо: внутри у него, наверное, все разрывалось. *Долго он не продержится*, подумал я. *Не пройдет и недели, как его уложат на больничную койку. Разве не потому он меня позвал? Чтобы поделиться своим секретом, прежде чем рак навеки заткнет ему рот.*

– Я думал, что днем смогу все тебе рассказать, но не получается, – вновь заговорил Эл, справившись с приступом. – Нужно поехать домой, принять лекарство, отдохнуть. Раньше никогда не принимал ничего сильнее аспирина, и этот оксиконтин вырубает меня. Я сплю шесть часов, а потом на какое-то время мне становится лучше. И сил прибавляется. Сможешь прийти ко мне в половине десятого?

– Я бы пришел, если б знал, где ты живешь, – ответил я.

– Маленький коттедж на Виноградской улице. Номер девятнадцать. Ищи садового гнома на лужайке у крыльца. Мимо не проскочишь. Он размахивает флагом.

– О чем мы будем говорить, Эл? Я хочу сказать... ты мне все *показал*. Теперь я тебе верю. – Да, я поверил... но надолго ли? Мой визит в пятьдесят восьмой год уже начал таять в памяти, становясь похожим на сон. Еще несколько часов (может, дней), и я наверняка смогу убедить себя, что мне все это привиделось.

– Поговорить нам надо о многом, дружище. Ты придешь? – Он не упомянул *просьбу умирающего*, но это читалось в его глазах.

– Хорошо. Тебя подвезти до дома?

Тут его глаза сверкнули.

– У меня есть пикап, а езды тут пять кварталов. Такое расстояние я могу проехать и сам.

– Конечно, можешь. – Я надеялся, что в моем голосе слышится уверенность, которой я сам не чувствовал. Поднялся и начал раскладывать свои вещи по карманам. Нашел в одном пачку денег, которую получил от Эла, достал. Теперь я понимал, откуда взялись изменения на пятерке. Вероятно, их хватало и на других купюрах.

Я протянул деньги Элу, однако тот покачал головой:

– Нет, оставь, у меня их достаточно.

Но я положил деньги на стол.

– Если каждый раз – первый, почему остаются деньги, которые ты приносишь? Почему они не исчезают, когда идешь туда в следующий раз?

– Понятия не имею, дружище. Я же говорил, что многого не понимаю. Есть закономерности, некоторые я уяснил, однако далеко не все. – Его лицо осветила слабая, но определенно радостная улыбка. – Ты ведь принес с собой рутбир? По-прежнему плещется в желудке, или как?

Если на то пошло, рутбир плескался.

– А теперь иди. Увидимся вечером, Джейк. Я отдохну, и тогда мы поговорим.

– Можно еще вопрос?

Он махнул мне рукой, мол, валяй. Я заметил, что его ногти, всегда чистые и ухоженные, пожелтели и потрескались. Еще один признак. Не такой явный, как потеря тридцати фунтов веса, но все равно плохой. Мой отец говорил, что можно многое сказать о здоровье человека, взглянув на его ногти.

– Знаменитый толстобургер.

– А что с ним? – Но в уголках рта Эла уже затеплилась улыбка.

– Ты продаешь дешево, потому что дешево покупаешь, верно?

– Мясной фарш из «Ред энд уайт», – ответил он. – Пятьдесят четыре цента за фунт. Захожу туда каждую неделю. Точнее, заходил до моего последнего путешествия, когда я уехал далеко от Фоллс. Веду дела с мистером Уорреном, мясником. Если я прошу десять фунтов фарша, он говорит: «Сейчас сделаем». Если двенадцать или четырнадцать, говорит: «Придется подождать минуту, пока я накручу свежего. Семейное торжество?»

– Всегда одно и то же.

– Да.

– Потому что всегда первый раз.

– Именно. Как в библейской истории с хлебами и рыбами, если об этом подумать. Я покупаю один и тот же фарш из недели в неделю. Накормил им сотни, даже тысячи людей, несмотря на эти глупые разговоры о котобургерах, а его не стало меньше.

– Ты покупаешь одно и то же мясо, снова и снова. – Я пытался донести до себя эту мысль.

– Одно и то же мясо, в одно и то же время, у одного и того же мясника, который всегда говорит одно и то же, если я не скажу чего-то нового. Признаюсь тебе, дружище, иной раз меня подмывало подойти к мистеру Уоррену и спросить: «Как здесь житуха, мистер Уоррен, старый лысый ублюдок? В последнее время трахал молоденьких цыпочек?» Потом он бы ничего не вспомнил. Но я этого не сделал, потому что он милейший человек. Большинство людей, которых я там встретил, очень милые. – Тут на его лице отразилась грусть.

– Я не понимаю, как ты можешь покупать мясо там... Готовить из него тут... Снова покупать там.

– Ты не одинок, дружище. Я чертовски рад, что ты по-прежнему здесь... Ведь я мог тебя потерять. Более того, тебя могло не оказаться на месте, когда я звонил в школу.

Отчасти мне именно этого и хотелось, однако я промолчал. К чему говорить лишнее? Он, конечно, заболел, но не ослеп.

– Приходи ко мне вечером. Я расскажу тебе, что задумал, а потом ты решишь, как поступить. Но решать придется быстро, потому что время не ждет. Звучит смешно, учитывая, куда ведут невидимые ступени из моей кладовки, правда?

Я еще медленнее повторил:

– Каждый... раз... первый.

Он вновь улыбнулся.

– Вижу, это ты уяснил. Так я увижу тебя вечером? Дом девятнадцать по Виноградной улице. Ищи гнома с флагом.

8

Из «Закусочной Эла» я ушел в половине четвертого. Следующие шесть часов не показались мне настолько необычными, как визит в Лисбон-Фоллс пятидесятилетней давности, но странностей тоже хватало. Время и едва волокло ноги, и бежало стремглав. Я вернулся в свой дом в Сабаттусе (когда развалился наш семейный союз, мы с Кристи продали дом, в котором жили в Лисбон-Фоллс, а выручку разделили). Решил прилечь, но заснуть, разумеется, не смог. Двадцать минут лежал на спине, вытянувшись во весь рост, глядя в потолок, потом пошел в ванную, чтобы отлить. Наблюдая, как моча льется в унитаз, подумал: «Это же переработанный организмом рутбир тысяча девятьсот пятьдесят восьмого года». Но поблизости вертелась и другая мыслишка: «Это все чушь собачья, Эл каким-то образом загипнотизировал меня».

И мысли двоились, понимаете?

Я попытался добить оставшиеся сочинения, однако нисколько не удивился, когда из этого ничего не вышло. Пустить в ход устрашающую красную ручку мистера Эппинга? Оценить написанное? Не смешите меня. Я едва мог связать пару слов. В итоге включил ящик (еще одно словечко из славных пятидесятых – современные плоские телевизоры ящиками не назовешь), пощелкал каналами. На ТМС наткнулся на старый фильм «Девушка угонщика». Когда понял, что пристально, чуть ли не до головной боли вглядываюсь в старые автомобили и молодых людей, не уверенных в своем будущем, выключил телевизор. Приготовил стир-фрай¹⁷, но кусок в горло не лез, хоть я и проголодался. Сидел, уставившись в тарелку, и думал об Эле Темплтоне, который снова и снова скармливал людям гамбургеры из одних и тех же двенадцати фунтов говяжьего фарша, год за годом. Точно, то самое чудо с хлебами и рыбами, и плевать он хотел на слухи о кото– или песобургерах, вызванные низкими ценами. Мясо он покупал за такие гроши, что каждый проданный им толстобургер приносил фантастическую прибыль.

Осознав, что бесцельно кружу по кухне, что не могу ни спать, ни читать, ни смотреть телевизор, а отлично приготовленный ужин вывален в раковину и пропущен через измельчитель, я прыгнул в машину и вернулся в Лисбон-Фоллс. Часы показывали без четверти семь, так что мест для парковки на Главной улице хватало. Я поставил автомобиль напротив «Кеннебек фрут», посидел за рулем, глядя на облупившуюся краску на стенах магазина, который в свое время процветал. Рабочий день закончился, и «Кеннебек фрут» выглядел так, будто его должны снести со дня на день. О человеческом присутствии говорили только несколько рекламных плакатов «Мокси» в запыленной витрине («ПЕЙТЕ «МОКСИ» *НА ЗДОРОВЬЕ!*» – призывал самый большой из них), но выглядели они старомодно, словно висели здесь уже долгие годы.

Тень «Фрут» протянулась через улицу, накрыв мой автомобиль. Справа от меня, на месте винного магазина, стояло аккуратное кирпичное здание, в котором размещалось отделение «Ки-банка». Кому теперь нужен зеленый дом, когда можно зайти в любой продуктовый магазин штата и выйти оттуда с пинтой «Джека» или квартой кофейного бренди? Не пряча покупку в пакет из тонкой бумаги. В наши дни мы используем полиэтилен. Проживет века. И раз уж речь зашла о продуктовых магазинах, я не помнил ни одного под названием «Ред энд уайт». Если ты хотел купить продукты в Фоллс, то ехал в ИГА, расположенный в квартале по шоссе 196, напротив старой железнодорожной станции. Последнюю делили магазин футболок и тату-салон.

¹⁷ Горячее блюдо быстрого приготовления: все ингредиенты жарятся в глубокой сковороде на максимальном огне.

При этом прошлое чувствовалось здесь очень явственно, возможно, благодаря золотистому отливу, который придавал всему уходящий летний свет: мне он всегда казался сверхъестественным. Будто пятьдесят восьмой год никуда и не делся, а прячется за тонкой пеленой разделяющих нас лет. И если только случившееся со мной днем – не плод моего воображения, он так прятался.

Он хочет, чтобы я что-то сделал. Что-то такое, что он сделал бы сам, если бы не рак. Он сказал, что вернулся в прошлое и оставался там четыре года (по крайней мере у меня сложилось впечатление, что он так сказал), но этих четырех лет ему не хватило.

Хотелось ли мне спуститься по этим ступеням и провести в прошлом больше четырех лет? По существу, поселиться там? Вернуться через две минуты... но уже перевалив за сорок, с сединой, пробивающейся на висках? Я не мог представить себе, что соглашусь, однако и не догадывался, какое важное дело заставило Эла пойти на такое. Знал только одно: просить четыре года, или шесть, а то и восемь лет моей жизни – это чересчур, даже для умирающего.

До встречи с Элом оставалось более двух часов. Я решил вернуться домой, еще раз приготовить что-нибудь и заставить себя поесть, а затем попытаться добить сочинения. Я, может, и принадлежал к тем считанным людям, которые совершали путешествие во времени – если на то пошло, круг этих людей за всю историю человечества, возможно, ограничивался Элом и мной, – но ученики моего поэтического семинара все равно имели право на оценку.

По пути в город радиоприемник молчал, а теперь я его включил. Как и в случае с телевизором, сигнал поступал с управляемого компьютерами космического спутника, находившегося в двадцати двух тысячах миль от Земли. На это известие встреченный мной сегодня подросток – Фрэнк Аничетти – отреагировал бы широко раскрывшимися глазами (но, возможно, не отмел бы его с ходу как чистую выдумку). Я настроился на «Шестидесятые на шестом» и попал на «Дэнни энд зе Джуниорс», исполнявших «Рок-н-ролл будет здесь всегда»: несколько страстных гармоничных голосов пели, перекрывая грохочущее пианино. За ними последовал Литл Ричард, во всю мощь легких прооравший «Люсиль», потом – Эрни Кей-Доу, простонавший «Тещу»: *«Она думает, мы ждали ее совета, но лучше бы ей убраться на край света»*. Все песни звучали свежо и сладко, как апельсины, которые сегодня днем выбирали миссис Саймондс с подругами.

Звучали как новые.

Хотел ли я провести несколько лет в прошлом? Нет. Но я *хотел* вернуться туда. Хотя бы только для того, чтобы услышать, как пел Литл Ричард, когда его песни поднимались на верхние строчки хит-парадов. Или сесть в самолет «Транс уорлд эйрлайнз», не снимая обуви, не подвергаясь сканированию, не проходя через рамку металлодетектора.

А еще я хотел выпить того самого рутбيرا.

Глава 3

1

Гном держал в руках флаг, но не американский. И не флаг штата Мэн с лосем. На этом флаге в вертикальную синюю полосу, которую украшала звезда, упирались две широкие горизонтальные: верхняя – белая, нижняя – красная. Проходя мимо, я погладил гнома по островерхой шляпе и поднялся на крыльцо маленького домика Эла на Виноградской улице, вспоминая шуточную песню Рея Уайли Хаббарда: «Отвали, мы из Техаса».

Дверь открылась прежде, чем я нажал кнопку звонка. Эл надел халат поверх пижамы, а его седые волосы спутались и свисали косматыми лохмами, но сон (и, естественно, болеутоляющие таблетки) пошел ему на пользу. Он по-прежнему выглядел больным, однако морщины у рта чуть разгладились, и походка стала более уверенной. Ведя меня через крошечную прихожую в гостиную, он уже не зажимал левую подмышку правой рукой, не боялся, что развалится на ходу.

– Чуть больше похож на себя, верно? – спросил он хриплым голосом, усаживаясь в кресло перед телевизором. Точнее, встав у кресла и рухнув в него.

– Да. Что сказали врачи?

– Тот, что из Портленда, говорит, что надежды нет, даже с химией и облучением. Тот, что из Далласа, повторил его слова. В тысяча девятьсот шестьдесят втором году. Приятно думать, что хоть что-то остается неизменным, правда?

Я открыл рот, закрыл. Иногда сказать нечего. Иногда ты просто тушуешься.

– Нет нужды ходить вокруг да около. Я знаю, близкая смерть приводит в замешательство людей, особенно если в ней можно винить только собственные вредные привычки, но у меня нет времени на все эти мысли. Скоро я окажусь в больнице, хотя бы по той причине, что не смогу сам дойти до туалета и вернуться обратно. Не хочу выхаркивать мозги, сидя в собственном дерьме.

– А что будет с закуской?

– На закусочной поставлен крест, дружище. Да и будь я здоров как бык, она бы проработала лишь до конца месяца. Ты ведь знаешь, что я только арендовал это место?

Я этого не знал, но понимал, что к чему. Хотя фабрика Ворамбо сохранила свое название, на самом деле она превратилась в торговый центр, то есть Эл платил деньги какой-то корпорации.

– Договор аренды заканчивается, а «Милл эссошэйтс» понадобилось это место, чтобы поставить здесь – тебе это понравится – магазин «Эл-Эл Бин экспресс». Кроме того, они говорят, что мой «Алюминеир» – бельмо на глазу.

– Это же бред! – воскликнул я с таким праведным негодованием, что Эл хохотнул. Смешки попытались перейти в кашель, но он с ним справился. В собственном доме, где его никто не видел, он не пользовался носовыми платками и салфетками, чтобы сплевывать мокроту. На столе возле кресла лежала пачка гигиенических прокладок. Мой взгляд то и дело возвращался к ним. Я изо всех сил старался смотреть куда-то еще, скажем, на фотографию на стене (Эл обнимал какую-то симпатичную женщину), но потом все равно тарасился на прокладки. Они открывали правду о состоянии человека: если вам нужны прокладки «Стейфри макси», чтобы впитывать отходящую мокроту, значит, у вас чертовски серьезные проблемы.

– Спасибо тебе за поддержку, дружище. Пожалуй, мы можем за это выпить. Спиртное уже не для меня, но в холодильнике есть чай со льдом. Надеюсь, тебя не затруднит принести.

2

В закускойной он использовал прочную, ничем не примечательную стеклянную посуду, однако мне показалось, что этот кувшин – уотерфордский¹⁸. В нем плавал надрезанный лимон без кожуры, чтобы сок смешивался с чаем. Я положил в два стакана лед, наполнил их и вернулся в гостиную. Эл сделал долгий глоток и от удовольствия закрыл глаза.

– Как же хорошо. Сейчас в мире Эла – полный порядок. Это чудесные таблетки. Разумеется, вызывают чертовское привыкание, но за чудеса надо платить. Даже немного подавляют кашель. Боль начнет возвращаться к полуночи, однако нам хватит времени, чтобы поговорить. – Он снова отпил чая и бросил на меня взгляд, полный печального изумления. – Похоже, перед смертью простые человеческие радости становятся чертовски приятными. Никогда бы не подумал.

– Эл, что случится с этой... с этой дырой в прошлое, если они увезут твой трейлер и построят на его месте магазин?

– Я знаю об этом не больше, чем о том, как могу снова и снова покупать одно и то же мясо. Думаю, она исчезнет. Думаю, это такая же причуда природы, как Старый Служака¹⁹, или тот странный балансирующий камень²⁰ в Австралии, или река, которая при некоторых фазах луны течет вспять. Дело это тонкое, дружище. Минимальное смещение земной коры, изменение температуры, несколько динамитных шашек – и ничего нет.

– То есть ты не думаешь, что произойдет... ну, не знаю... какой-то катаклизм? – Перед моим мысленным взором возникла дыра в кабине самолета, летящего на высоте тридцать шесть тысяч футов, через которую наружу высосало все, включая пассажиров. Однажды я видел такое в фильме.

– Я так не думаю, но кто скажет заранее? Знаю лишь одно: с этим ничего не поделаешь. Разве что я напишу тебе дарственную. Тогда ты сможешь пойти в местное отделение Национального общества по сохранению исторического наследия и сказать: «Послушайте, нельзя строить магазин во дворе старой фабрики Ворамбо. Там находится временной тоннель. Я знаю, в это трудно поверить, но позвольте вам показать».

На мгновение я попытался рассмотреть этот вариант, потому что соглашался с Элом: портал в прошлое, безусловно, требует нежного обращения. Ни Эл, ни я ничего о нем не знали. Возможно, он мог лопнуть, как мыльный пузырь, если бы трейлер основательно трянуло. Потом я подумал о федеральном правительстве. Узнав о существовании портала, они могли послать в прошлое спецназовцев, чтобы изменить то, что сочтут нужным. Я, опять же, не знал, возможно ли такое, но если да, мне определенно не хотелось, чтобы о существовании портала узнали люди, одарившие нас биологическим оружием и умными бомбами. Не хватало только, чтобы они полезли со своими игрушками в живую невооруженную историю.

В эту минуту – *нет, в эту секунду* – до меня дошло, что задумал Эл. Недоставало только деталей. Я поставил стакан с ледяным чаем и поднялся.

– Нет. Ни за что. Никогда.

Он воспринял мои слова спокойно. Я мог бы предположить, что спокойствие – результат действия оксиконтин, но знал, что это не так. Он же видел, что я не собираюсь уходить, а слова значения не имели. Мое любопытство (не говоря уж о моей увлеченности) обострилось до предела, как иглы дикобраза. Потому что мне очень хотелось знать детали.

¹⁸ Уотерфорд – город в Ирландии, славящийся своим хрусталем.

¹⁹ Самый знаменитый гейзер в Йеллоустонском национальном парке.

²⁰ Имеется в виду одно из наиболее примечательных каменных формирований в районе города Глен-Инс.

– Я вижу, что могу опустить предисловие и сразу перейти к делу, – заговорил Эл. – Это хорошо. Присядь, Джейк, и я объясню тебе причину, по которой сразу не отправил в рот весь запас этих маленьких розовых таблеток. – И когда я не сел, добавил: – Ты же все равно хочешь услышать, так чего упираться? Я не могу заставить тебя что-то сделать здесь, в две тысячи одиннадцатом году, и мне тем более не заставить тебя сделать что-то там. Когда ты попадешь туда, Эл Темплтон будет четырехлетним карапузом в Блумингтоне, штат Индиана, бегущим по двору в маске Одинокого рейнджера и иной раз подпускающим в штанишки. Так что садись. Как говорят в рекламе, ты не обязан это делать.

Точно. С другой стороны, моя мать всегда говорила, что *речи дьявола сладки*.

Но я сел.

3

– Дружище, ты знаешь выражение «переломный момент»?

Я кивнул. Чтобы его знать, не требовалось работать учителем английского языка и литературы, не требовалось даже знать грамоту. Переломный момент – один из надоевших языковых штампов, которые изо дня в день слышатся в информационных выпусках кабельных телевизионных каналов. Наряду с «проведем параллель» и «в этот момент времени». Но больше всего меня раздражают (и я снова и снова яростно ругаю за это моих скучающих учеников) совершенно бессмысленные «некоторые говорят» и «многие верят».

– Ты знаешь, откуда оно взялось? Где использовалось в самом начале?

– Нет.

– В картографии. Водосборный бассейн²¹ – это территория, обычно гора или лес, с которой вода стекает в реку. История – это река. Можно так сказать?

– Да. Полагаю, что можно. – Я отпил чая.

– Иногда события, меняющие историю, широкомасштабны – как затяжные ливневые дожди над всем водосборным бассейном, которые могут заставить реку выйти из берегов. Но наводнения бывают и в солнечные дни. Ливневые паводки. Все, что для этого требуется, – сильнейший, достаточно продолжительный ливень в одной части водосборного бассейна. Такие же точечные воздействия бывают и в истории. Хочешь примеры? Скажем, одиннадцатое сентября. Или Буш, победивший Гора в двухтысячном.

– Нельзя сравнивать национальные выборы с ливневым паводком, Эл.

– Может, и нельзя, но выборы двухтысячного выбиваются из общего ряда. Допустим, ты бы мог вернуться во Флориду осенью двухтысячного и потратить двести тысяч долларов на поддержку Гора?

– Тут возникает пара проблем, – ответил я. – Во-первых, у меня нет двухсот тысяч долларов. Во-вторых, я школьный учитель. Я знаю все о материнском комплексе Томаса Вулфа, но когда дело касается политики, я профан.

Он нетерпеливо махнул рукой, отчего перстень морпеха чуть не слетел с его похудевшего пальца.

– Деньги – не проблема. Просто поверь мне в этом. Пока. А точная информация бьет любой опыт. Вроде бы во Флориде разница составила менее шестисот голосов. Как думаешь, ты смог бы купить шестьсот голосов в день выборов, имея в кармане двести штук, если бы возникла такая необходимость?

²¹ «Переломный момент» по-английски – watershed moment; основное значение слова watershed – водораздел, водосборный бассейн.

– Возможно, – ответил я. – Вероятно. Наверное, я без особого труда выявил бы те избирательные участки, где велика апатия и традиционно низка явка избирателей, а потом пошел бы туда с толстой пачкой денег.

Эл улыбнулся, продемонстрировав отсутствие зубов и больные десны.

– Почему нет? В Чикаго это срабатывало долгие годы.

Идея купить президентскую должность за сумму, которой не хватило бы на два седана «мерседес-бенц», заставила меня промолчать.

– Но когда мы говорим о реке истории, переломные моменты часто связаны с попытками убийства... и теми, что удались, и теми, что провалились. Австрийского эрцгерцога Франца Фердинанда застрелил психически не уравновешенный мальчишка Гаврило Принцип, и разразилась Первая мировая война. С другой стороны, после того как Клаусу фон Штауффенбергу не удалось убить Гитлера в сорок четвертом году – почти получилось, но не до конца, – война продолжилась и погибли еще миллионы людей.

Я тоже видел этот фильм.

– Мы ничего не сможем изменить ни для эрцгерцога Фердинанда, ни для Адольфа Гитлера. Они вне нашей досягаемости.

Я уже хотел сказать, что напрасно он ставит меня на одну доску с собой, но промолчал. У меня сложилось ощущение, будто я читаю какую-то очень мрачную книгу. Скажем, роман Томаса Харди. Вы уже понимаете, чем все закончится, но это не портит впечатления – наоборот, завораживает. Словно наблюдаешь, как мальчишка гонит поезд по электрической дороге все быстрее и быстрее, и ждешь, когда же он слетит с рельсов на одном из поворотов.

– Если говорить об одиннадцатом сентября, придется ждать сорок три года. Тебе будет почти восемьдесят, если доживешь.

И вот теперь мне стало понятно, откуда взялся флаг Одинокой звезды: это был сувенир из последнего путешествия Эла в прошлое.

– Ты не смог дожить до шестьдесят третьего, да?

На это он не ответил, просто смотрел на меня. Его глаза, мутные и рассеянные днем, теперь ярко блестели. И помолодели.

– Ведь ты об этом? О Далласе в шестьдесят третьем?

– Совершенно верно, – ответил он. – Я хотел, да не вышло. Но ты не болен, дружище. Ты здоров и в расцвете сил. Ты можешь вернуться туда и не допустить этого.

Он наклонился вперед, его глаза не просто блестели – пылали.

– Ты можешь изменить историю, Джейк. Ты это понимаешь? *Джон Кеннеди останется в живых.*

4

Я знаю основные принципы написания триллеров (поскольку немало прочел их за свою жизнь), и главное тут – заставлять читателя строить догадки. Но если в свете этих экстраординарных событий у вас уже сложилось впечатление о моем характере, вы поймете: я хотел, чтобы меня убедили. Кристи Эппинг стала Кристи Томпсон (найди свою половинку на собрании АА, помните?), и я остался один. У нас не было детей, за которых мы могли бы бороться в суде. Конечно, я работал и знал свое дело, но солгал бы, сказав, что нахожу работу невероятно интересной. За всю жизнь я только раз пустился в авантюру – отправился с приятелем путешествовать автостопом по Канаде, а если учесть, какие канадцы в большинстве своем веселые и гостеприимные, авантюрой это и не назовешь. Но теперь, внезапно, мне предложили стать главным игроком не просто в истории Америки – в *мировой* истории. Поэтому... да, да, да, я хотел, чтобы меня убедили принять вызов.

Но при этом боялся.

– А если что-то пойдет не так? – Я допил ледяной чай четырьмя большими глотками, кубики льда застучали о зубы. – Что, если мне удастся, одному Богу известно как, не допустить убийства, но это изменит все к худшему? Что, если я вернусь сюда, а тут будет фашистский режим? Или настолько загрязненная окружающая среда, что все должны ходить в противогазах?

– Тогда ты снова вернешься туда, – ответил Эл. – В девятое сентября тысяча девятьсот пятьдесят восьмого года, за две минуты до полудня. И все отменишь. Каждое путешествие – первое, помнишь?

– Звучит неплохо, но вдруг изменения будут такими кардинальными, что твоей маленькой закусочной здесь не окажется?

Он улыбнулся:

– Тогда тебе придется прожить оставшиеся годы в прошлом. Но разве это так плохо? Ты учитель английского языка и литературы, а эта профессия востребована всегда, однако тебе, возможно, и не придется работать. Я прожил там четыре года, Джейк, и сколотил небольшой капитал. Знаешь как?

Я мог бы высказать достаточно обоснованную догадку, но покачал головой.

– Делал ставки. Осторожно, чтобы не вызвать подозрений – не хотел, чтобы какой-нибудь букмекер подослал ко мне своих громил, – но, зная победителей каждого спортивного состязания между летом пятьдесят восьмого и осенью шестьдесят третьего, можно позволить себе осторожничать. Не обещаю тебе королевскую жизнь, потому что такая жизнь опасна. Но ты сможешь жить в достатке. И я думаю, закусочная останется здесь. Для меня же осталась, а я много чего изменил. Иначе не получается. Даже прогулка к магазину на углу, чтобы купить булку и кварту молока, изменяет будущее. Когда-нибудь слышал об «эффекте бабочки»? Занятная гипотеза, которую можно свести к идее о том...

Он вновь начал кашлять, и впервые после того, как он впустил меня в дом, приступ затянулся. Эл схватил из пачки прокладку. Прижал ко рту как кляп, потом согнулся пополам. Отвратительные рвотные звуки поднимались из его груди. Казалось, половина внутренних органов оторвалась и теперь колотится друг о друга, будто электромобили в парке развлечений. Наконец приступ закончился. Эл глянул на прокладку, поморщился, сложил ее и бросил в мусорную корзину.

– Извини, дружище. Эта оральная менструация – такая гадость.

– Господи, Эл!

Он пожал плечами:

– Если не можешь относиться к этому с юмором, зачем жить? На чем я остановился?

– «Эффект бабочки».

– Точно. Согласно этой гипотезе маленькие события могут иметь большие, да что там, огромные последствия. Идея такая: если какой-нибудь парень убьет бабочку в Китае, то через сорок лет – или через четыреста – в Перу будет землетрясение. Ты тоже думаешь, что это бред?

И я так думал, но вспомнил избитый парадокс относительно путешествий во времени и привел его:

– Да, конечно, но, допустим, ты отправишься в прошлое и убьешь собственного дедушку?

Он в недоумении вытаращился на меня:

– На хрена?

Хороший вопрос. Я попросил его продолжать.

– Сегодня днем ты изменил прошлое по мелочам, хотя бы тем, что зашел в «Кеннебек фрут»... Но ступени, ведущие в кладовку и в две тысячи одиннадцатый год, остались на месте, так? И Фоллс не претерпел никаких изменений.

– Это так. Но ты говоришь о более серьезном изменении. О спасении жизни Джей-Эф-Кея.

– Я говорю о большем, потому что это тебе не какая-то китайская бабочка, дружище. Я также говорю о спасении жизни Эр-Эф-Кея, потому что если Джон выживет в Далласе, Роберт скорее всего не станет баллотироваться в президенты в шестьдесят восьмом году. Страна не будет готова к тому, чтобы заменить одного Кеннеди другим.

– Ты не знаешь этого наверняка.

– Нет, но послушай. Ты думаешь, Роберт Кеннеди окажется в отеле «Амбассадор» в четверть первого ночи пятого июня тысяча девятьсот шестьдесят восьмого года, если ты спасешь жизнь Джону Кеннеди? А если и окажется, думаешь, Серхан Серхан будет по-прежнему работать на кухне?

Возможно, но вероятность этого ничтожно мала. Если вводишь в уравнение миллион переменных, разумеется, ответ должен измениться.

– А Мартин Лютер Кинг? Будет ли он в Мемфисе в апреле шестьдесят восьмого? Выйдет ли на балкон мотеля «Лоррейн», чтобы его застрелил Джеймс Эрл Рей? Как думаешь?

– Если исходить из «гипотезы бабочки», вероятно, нет.

– И я так думаю. А если Эм-Эл-Кей останется жив, не будет и расовых бунтов, которые последовали за его смертью. Может, и Фреда Хэмптона²² не застрелят в Чикаго.

– Кого?

Мой вопрос он проигнорировал.

– Возможно, не будет и Симбионистской армии освобождения²³. Не будет САО – не похитят Патти Херст. И это пусть в малой степени, но поспособствует ослаблению страха белых среднего класса перед черной угрозой.

– Я теряю нить. Не забудь, у меня диплом по английскому языку и литературе.

– Ты теряешь нить, потому что о Гражданской войне девятнадцатого столетия знаешь больше, чем о той, что раздирала страну после убийства Кеннеди в Далласе. Если я спрошу тебя, кто играл главные роли в «Выпускнике», уверен, ты мне ответишь. А на вопрос, кого пытался убить Ли Освальд за несколько месяцев до того, как застрелил Кеннеди, скажешь: «Что?» Потому что каким-то образом эта информация затерялась.

– Освальд пытался убить кого-то до Кеннеди?

Я слышал об этом впервые, да и вообще большую часть знаний об убийстве Кеннеди почерпнул из фильма Оливера Стоуна. В любом случае Эл не ответил. Он, похоже, оседлал любимого конька.

– А Вьетнам? Именно Джонсон начал эту безумную эскалацию. Кеннеди отдавал предпочтение «холодной войне», в этом сомнений нет, но Джонсон поднял ее на следующий уровень. Он страдал комплексом «мои-яйца-больше-твоих», тем же, что и Дабыя²⁴, заявивший перед телекамерами: «Пусть попробуют»²⁵. Кеннеди умел менять свою позицию. Джонсон и Никсон – нет. Из-за них мы потеряли во Вьетнаме почти шестьдесят тысяч солдат. Вьетнамцы, северные и южные, потеряли *миллионы*. Получился бы счет мясника таким же длинным, если бы Кеннеди не убили в Далласе?

– Я этого не знаю. И ты, Эл, тоже.

²² Активный член иллинойского отделения партии «Черных пантер». Застрелен 4 декабря 1969 г. в своей квартире во время полицейского рейда.

²³ Североамериканская леворадикальная организация, действовавшая в период с 1973 по 1975 г. Получила всемирную известность благодаря взятию в заложники внуки миллиардера Патрисии Херст, которая впоследствии присоединилась к САО.

²⁴ Прозвище Джорджа Буша-младшего, 43-го президента США.

²⁵ Так высказался Джордж Буш-младший о нападениях иракских сил сопротивления на американские войска.

– Это правда, но я стал очень прилежным исследователем новейшей американской истории и думаю, что спасение его жизни многое могло улучшить. И уж точно не ухудшило бы. Если что-то пойдет не так, ты просто вернешь все на круги своя. Это не сложнее, чем стереть ругательство с классной доски.

– Или я не смогу вернуться и ничего не узнаю.

– Чушь собачья. Ты молод. Если тебя не собьет такси или не свалит инфаркт, ты проживешь достаточно долго, чтобы узнать, как все обернулось.

Я молчал, глядя на собственные колени, и думал. Эл мне не мешал. Наконец я поднял голову.

– Ты, конечно же, многое прочитал об убийстве и об Освальде.

– Все, до чего смог добраться, дружище.

– Так ты уверен, что это сделал он? Потому что есть тысяча версий заговора. Даже я это знаю. Допустим, я вернусь туда и остановлю его, а какой-то парень уложит Кеннеди выстрелом с Травяного холма, или как он там назывался.

– Травяной бугор. Я практически уверен, что стрелял только Освальд. Версии заговора с самого начала казались бредом, и большинство с годами стало еще бредовой. Взять, к примеру, идею, что стрелял не Освальд, а кто-то похожий на него. В восемьдесят первом году тело эксгумировали и проверили ДНК. Оказалось, это он. Отвратительный маленький говнюк. – Эл помолчал, потом добавил: – Я с ним встречался, знаешь ли.

Я уставился на него:

– Бред!

– Да, встречался. Он говорил со мной. В Форт-Уорте. Он и Марина – его жена, русская, – приехали в гости к брату Освальда, который жил в Форт-Уорте. Если Ли кого-нибудь и любил, так это своего брата Бобби. Я стоял около забора из штакетника, огораживавшего двор Бобби Освальда. Привалился к телеграфному столбу, курил и делал вид, что читаю газету. Сердце выдавало не меньше двухсот ударов в минуту. Ли и Марина вышли вместе. Она несла Джун, их дочь. Тогда совсем малышку, ей не исполнилось и года. Ребенок спал. Оззи был в брюках цвета хаки, с отутюженными стрелками, но заляпанных грязью, и рубашке а-ля «Лига плюща», с пуговицами на истершемся воротничке. Он уже не стригся как морпех, но волосы отрастил слишком короткие, чтобы за них можно было ухватиться. Марина... святой Иисус, от одного взгляда на нее дух захватывало! Черные волосы, синие глаза, идеальная кожа. Будто чертова кинозвезда. Если попадешь туда, сам все увидишь. Она что-то сказала ему на русском, когда они шли по дорожке. Он ответил. Ответил с улыбкой – и тут же толкнул ее. Она чуть не упала. Ребенок проснулся и заплакал. Все это время Освальд продолжал улыбаться.

– Ты это видел? На самом деле? Ты видел *его*? – Несмотря на мое собственное путешествие в прошлое, я процентов на пятьдесят верил, что рассказ Эла – чистая выдумка или намеренная ложь.

– Да. Она миновала калитку и прошла дальше, опустив голову, прижимая ребенка к груди, словно меня и не было. Он проследовал за ней, так близко, что я уловил аромат «Олд спайс», которым он брызгался, чтобы скрыть запах пота. Я видел угри, рассыпанные по его носу. Его одежда и обувь, с ободранными мысками и стоптанными каблуками, не оставляли сомнений в том, что у него нет горшка, куда поссать, и окна, чтобы выплеснуть мочу, но, посмотрев ему в лицо, ты понимал: это совершенно не важно. Для него – не важно. Освальд считал себя большой шишкой.

Эл на короткое время задумался, потом покачал головой:

– Нет, беру свои слова обратно. Освальд *знал*, что он большая шишка. И просто ждал, когда это дойдет до остального мира. Он находился совсем рядом, на расстоянии вытянутой руки... И не думай, что эта мысль не пришла мне в голову...

- Так почему ты этого не сделал? Почему не закончил погоню и не пристрелил его?
- На глазах у жены и ребенка? Ты смог бы это сделать, Джейк?

Мне не пришлось долго обдумывать вопрос.

- Пожалуй, нет.

– Я тоже не смог. По нескольким причинам. Одна из них – отвращение к тюрьме штата... и к электрическому стулу. Мы же находились на улице, помнишь?

- А-а-а...

– Вот именно. Он улыбался, подходя ко мне. Нагло и самодовольно. Эта улыбка на всех его фотографиях. Так он улыбался и в полицейском участке Далласа, после того как его арестовали за убийство президента и копа-мотоциклиста, попавшегося ему на пути, когда он пытался сбежать. Он спросил меня: «На что смотрим, сэр?» Я ответил: «Ни на что, дружище». Он сказал: «Вот и занимайтесь своим делом».

Марина ждала его дальше, футах в двадцати, укачивала девочку, чтобы та успокоилась и уснула. День выдался чертовски жарким, но Марина повязала голову платком, как делали в те годы многие европейские женщины. Он подошел к ней, схватил за локоть – как коп, а не муж – и говорит: «Pokhoda! Pokhoda!»²⁶ Иди, иди. Она что-то сказала ему, возможно, попросила какое-то время понести ребенка. Это моя догадка, ничего больше. Но он лишь оттолкнул ее со словами: «Pokhoda, сука». Иди, сука. Она пошла. К автобусной остановке. Такие дела.

- Ты говоришь по-русски?

- Нет, у меня хороший слух и есть компьютер. Во всяком случае, здесь.

- Ты видел его позже?

– Только на расстоянии. К тому времени я уже заболел. – Эл улыбнулся. – Такого жареного на открытом огне мяса, как в Форт-Уорте, не найти во всем Техасе, а я не мог его есть. Иногда мир очень жесток. Я пошел к врачу, узнал диагноз, который уже мог бы поставить себе сам, и вернулся в двадцать первый век. В принципе увидел все, что хотел. Тощего парня, бывшего жену и ожидавшего подходящего момента, чтобы стать знаменитым. – Эл наклонился вперед. – Знаешь, каким был человек, изменивший историю Америки? Он напоминал мальчишку, который бросается камнями в других мальчишек, а потом убегает. До того как вступить в Корпус морской пехоты – чтобы стать морпехом, как его брат Бобби, божественный Бобби, – он успел пожить в двух десятках мест, от Нового Орлеана до Нью-Йорка. Его переполняли большие идеи, и он не понимал, почему люди не хотят его слушать. Его это злило, приводило в ярость, но эта стервозная, ханжеская улыбка никогда не сходила с губ Освальда. Знаешь, как его называл Уильям Манчестер?

- Нет. – Я также не знал, кто такой Уильям Манчестер²⁷.

– Жалкий бродяга. Манчестер обсуждал и все версии заговора, которые пышно расцвели после убийства Кеннеди... И после того, как застрелили самого Освальда. Я хочу сказать, это ты знаешь?

– Естественно. – В моем голосе слышались раздраженные нотки. – Его застрелил какой-то тип по имени Джек Руби. – Хотя, с учетом продемонстрированных мной информационных пробелов, я признавал, что Эл имел право сомневаться в глубине моих познаний.

– По мнению Манчестера, если положить на одну чашу весов убитого президента, а на другую – жалкого бродягу Освальда, чаши не уравновесятся. никоим образом не уравновесятся. И чтобы придать смерти Кеннеди какую-то значимость, на вторую чашу надо положить что-то тяжелое. Отсюда и множество версий заговора. Это дело рук мафии – Кен-

²⁶ Здесь и далее русские слова, написанные в оригинале латиницей, оставлены в авторской редакции.

²⁷ Американский писатель, биограф, историк, автор знаменитой книги «Смерть президента Кеннеди».

неди заказал Карлос Марчелло²⁸. Или КГБ. Или Кастро, в отместку за попытки ЦРУ убить его отравленными сигарами. До сих пор есть люди, которые верят, что за убийством стоял Линдон Джонсон, мечтавший стать президентом. Но на поверку... – Эл покачал головой. – Почти наверняка это был Освальд. Ты слышал о бритве Оккама, правда?

Приятно, когда хоть что-то знаешь.

– Это основополагающий принцип, который иногда называют законом минимального действия. Если что-то можно объяснить двумя или несколькими способами, правильным обычно является самое простое объяснение. Так почему ты не убил его позже? Ты тоже служил в морской пехоте. Когда ты узнал, чем болен, почему просто не убил этого ничтожного сукина сына?

– Потому, что девяносто пять процентов уверенности – не сто. Потому, что, при всей его мерзости, у него была семья. Потому, что после ареста Освальд сказал, что его подставили, и я хотел убедиться, что он солгал. Я не думаю, что в этом жестоком мире кто-то может быть в чем-то уверен на все сто процентов, но мне хотелось дойти, скажем, до девяноста восьми. Хотя я не собирался ждать до двадцать второго ноября, а потом останавливать его в Техасском хранилище школьных учебников... Слишком уж рискованно бы все получилось... по одной серьезной причине, о которой я должен тебе рассказать.

Глаза Эла больше не сверкали, морщины на лице вновь углубились. Я буквально видел, как уходят его последние силы.

– Я все это записал. Хочу, чтобы ты прочел. Более того, зазубрил. Лежит на телевизоре, дружище. Сделаешь? – Он устало улыбнулся и добавил: – Я уже не смогу.

На телевизоре лежала толстая тетрадь в синей обложке. С отпечатанной ценой: двадцать пять центов. Название магазина я видел впервые.

– Что это за «Кресджес»?

– Сеть универсальных магазинов, которая теперь называется «Кей-март». Не обращай внимания на обложку, сосредоточься на том, что внутри. Хронометраж перемещений Освальда и все улики против него... Но тебе это не понадобится, если ты готов заменить меня и остановить этого маленького хорька в апреле шестьдесят третьего, за полгода до приезда Кеннеди в Даллас.

– Почему в апреле?

– Именно тогда кто-то попытался убить генерала Эдвина Уокера... только он уже не был генералом. В шестьдесят первом его уволил из армии сам Джей-Эф-Кей. Генерал Эдди раздавал подчиненным пропагандистскую литературу сторонников сегрегации и приказывал внимательно все прочитать.

– Освальд пытался его застрелить?

– Это ты и должен проверить. Та же винтовка, тут нет никаких сомнений – баллистическая экспертиза доказала. Я выжидал, желая убедиться, что стрелял именно он. Мог позволить себе не вмешиваться, ведь в тот раз Освальд промахнулся. Пуля изменила траекторию, задев деревянную рейку в кухонном окне Уокера. Совсем немного, но этого хватило. Пуля буквально скользнула по волосам, а щепки зацепили Уокера руку, так что он отделался несколькими царапинами. Я не говорю, что этот человек заслуживал смерти – мало кто совершает столько зла, что заслуживает пули, – но я бы не задумываясь отдал Уокера за Кеннеди.

В последний монолог Эла я не вслушивался. Пролистывал его «Книгу Освальда», плотно исписанные страницы. Сначала я легко разбирал каждую букву, но ближе к концу почерк начал дрожать. Последние страницы писал тяжело больной человек. Я захлопнул тетрадь.

²⁸ Глава итальянской мафии в Новом Орлеане в 1940—1970-х гг.

– Если бы ты смог подтвердить, что Освальд стрелял в генерала Уокера, это рассеяло бы твои сомнения?

– Да. Мне требовалось убедиться, что он на такое способен. Оззи – нехороший человек, Джейк, – в пятьдесят восьмом люди назвали бы его гнидой. Он бил жену и практически держал ее под замком, потому что она не знала языка, – но это не доказывает, что он убийца. И вот еще что. Даже если бы мне не пришлось возвращаться с неоперабельным раком, я знал, что могу не получить другого шанса все исправить, убей я Освальда, а кто-то другой все равно возьми и застрели президента. Когда человеку за шестьдесят, со здоровьем у него уже не очень. Ты понимаешь, о чем я.

– А убивать обязательно? Ты не мог... ну, не знаю... как-то подставить его?

– Возможно, но к тому времени я уже заболел. И я не уверен, что смог бы сделать это здоровым. Более простой вариант – покончить с ним, убедившись, что в Кеннеди стрелял именно он. Все равно что прихлопнуть осу до того, как она тебя ужалит.

Я молча размышлял. Настенные часы показывали половину одиннадцатого. Эл начал разговор словами о том, что останется в форме до полуночи, но хватало одного взгляда на него, чтобы понять: прогноз чрезмерно оптимистичен.

Я отнес стаканы на кухню, вымыл, поставил на сушилку. В голове бушевал торнадо, который засасывал и вращал не коров, столбы и клочки бумаги, а имена с фамилиями: Ли Освальд, Бобби Освальд, Марина Освальд, Эдвин Уокер, Фред Хэмптон, Патти Херст. В этом вихре ярко сверкали аббревиатуры, кружились, как хромированные элементы отделки, сорванные с дорогих автомобилей: ДФК, РФК, МЛК, САО. Смерч сопровождался звуком, двумя русскими словами, вновь и вновь произносимыми с монотонным, тягучим южным выговором: «Pokhoda, сука».

Иди, сука.

5

– Сколько у меня времени на раздумья?

– Немного. Закусочная простоит до конца месяца. Я советовался с адвокатом, как выиграть еще немного времени – подать на них в суд или что-то такое, – но он сильно сомневается. Когда-нибудь видел объявление в мебельном магазине: «ДОГОВОР АРЕНДЫ ЗАКОНЧИЛСЯ, ПОЛНАЯ ЛИКВИДАЦИЯ»?

– Конечно.

– В девяти случаях из десяти это рекламный трюк, но мой случай как раз десятый. Я говорю не о какой-то захолустной лавчонке, которой хочется занять мое место, – я говорю о «Бине», а среди мэньских торговых сетей «Эл-Эл Бин» – что самая большая обезьяна в джунглях. К первому июля закусочная сгинет, как «Энрон». Но это не главное. К первому июля я тоже могу уйти. Подхватчу простуду и умру в три дня от пневмонии. Или от инфаркта либо инсульта. Или от передозировки оксиконтин. Медсестра, которая приходит ко мне каждый день, всякий раз спрашивает, слежу ли я за тем, чтобы не превышать назначенную дозу, и я слежу, но она все равно тревожится, что однажды утром найдет меня мертвым. Под действием таблеток я могу принять лишку. Таблетки тормозят дыхание, и легкие не вентилируются. А еще я сильно похудел.

– Правда? Я и не заметил.

– Никто не любит остряков, дружище, – сам поймешь, дожив до моих лет. В любом случае я хочу, чтобы помимо тетради ты взял вот это. – Он протянул мне ключ. – От закусочной. Вдруг зайдешь ко мне завтра и услышишь от медсестры, что ночью я умер. Тогда тебе придется действовать быстро. При условии, что ты действительно решишь действовать.

– Эл, ты ведь не собираешься...

– Просто стараюсь подстраховаться. Потому что это важно, Джейк. Для меня – важнее всего на свете. Если ты когда-нибудь хотел изменить мир, это твой шанс. Спаси Кеннеди, спаси его брата. Спаси Мартина Лютера Кинга. Останови расовые бунты. Останови Вьетнам – вдруг тебе удастся и это? – Он наклонился вперед. – Избавься от одного жалкого бродяги, дружище, и ты спасешь миллионы жизней.

– Это классный рекламный трюк, – ответил я, – но ключ мне не нужен. Когда завтра взойдет солнце, ты по-прежнему будешь ехать в большом голубом автобусе.

– С вероятностью девяносто пять процентов. Но этого недостаточно. Возьми чертов ключ.

Я взял чертов ключ и положил в карман.

– А теперь тебе надо отдохнуть.

– Еще одно, прежде чем ты уйдешь. Я должен рассказать тебе о Каролин Пулин и Энди Каллеме. Присядь, Джейк. Это займет пять минут.

Я остался на ногах.

– Нет. Ты выдохся. Тебе надо поспать.

– В морге отосплюсь. Присядь.

6

По словам Эла, обнаружив «кроличью нору» – так он называл портал, – поначалу он использовал ее, чтобы покупать продукты и делать ставки у льюистонского букмекера, накапливая деньги времен пятидесятых годов. Иногда посреди недели он устраивал себе выходной, ездил на озеро Себаго, которое кишело рыбой, пригодной в пищу и очень вкусной. Людей волновали радиоактивные осадки после испытаний атомных бомб, а страхам перед отравлением ртутью, которая накапливалась в рыбе, еще только предстояло появиться. Эл называл эти выезды (обычно на вторник и среду, но иногда до пятницы) мини-отпусками. Погода всегда стояла хорошая (само собой, одна и та же погода), и рыба ловилась потрясающе (он, вероятно, ловил одних и тех же рыб).

– Я знаю, что ты испытал, Джейк. Первые несколько лет я сам пребывал в шоке. Хочешь, скажу, что поражало больше всего? Спускаешься по этим ступеням в разгар январского бурана – и выходишь в сентябрьский солнечный свет. Даже пиджак надевать не надо.

Я кивнул и попросил его продолжить. Его порозовевшие было щеки вновь стали бледно-серыми, и он постоянно кашлял.

– Если дать человеку достаточно времени, он привыкает ко всему, и, начав сживаться с новой ситуацией, я пришел к выводу, что наткнулся на «кроличью нору» не без причины. Именно тогда и появились первые мысли о Кеннеди. Но твой вопрос уже изогнулся уродливой дугой: можно ли изменить будущее? Меня не волновали последствия – во всяком случае, тогда. Хотелось только знать, можно или нельзя. В одну из поездок на Себаго я достал нож и вырезал: «ЭЛ Т. 2007», – на дереве, росшем рядом с домиком, в котором я жил. Вернувшись сюда, прыгнул в машину и поехал на озеро Себаго. Домиков не нашел. Их место занял туристический отель. Но дерево росло на прежнем месте. С вырезанной мной надписью. Края букв и цифр сгладились, но прочитать ее не составляло труда: «ЭЛ Т. 2007». Так я понял, что будущее изменить можно. И *тогда* я начал думать об «эффекте бабочки».

– В те времена в Фоллс выходила газета «Лисбон уикли энтерпрайз», и в две тысячи пятом году библиотека отсканировала все микрофильмы и ввела в компьютерную базу данных. Это значительно ускорило дело. Я начал искать несчастный случай, который произошел осенью или ранней зимой пятьдесят восьмого. Определенный несчастный случай. При необходимости я мог бы дойти до начала пятьдесят девятого, но нашел искомое пятнадцатого ноября тысяча девятьсот пятьдесят восьмого года. Двенадцатилетняя девочка по имени

Каролин Пулин охотилась с отцом на другой стороне реки, в той части Дарэма, которая называлась Боуи-Хилл. Примерно в два часа дня – в субботу – охотник из Дарэма, Эндрю Каллем, выстрелил в оленя в той же части леса, но вместо оленя попал в девочку. Несмотря на то что она находилась в четверти мили от него. Я думал об этом, знаешь ли. Освальд стрелял в генерала Уокера с расстояния менее сотни ярдов, но пуля чиркнула по оконному переплету и прошла мимо. Пуля, парализовавшая Пулин, пролетела более четырехсот ярдов – гораздо больше, чем та, что убила Кеннеди, – и по пути не задела ни одного ствола, ни одной ветки. Задень она хоть один сучок, девочка не пострадала бы. Так что я об этом задумался.

Именно тогда мне в первый – но не в последний – раз пришла в голову фраза: «Жизнь может развернуться на пяточке». Эл схватил из пачки еще одну прокладку, прокашлялся, сплюнул, сложил прокладку, бросил в мусорную корзину. Потом попытался глубоко вдохнуть – получилось не очень – и продолжил. Я его не останавливал. Рассказ заморозил меня.

– Я ввел ее имя в поисковую строку базы данных «Энтерпрайз» и нашел еще несколько статей. Каролин закончила Лисбонскую среднюю школу в шестьдесят пятом году – на год позже своих ровесников – и поступила в Университет Мэна. Получила диплом по специальности «управление бизнесом». Стала бухгалтером. Живет в Грее, менее чем в десяти милях от озера Себаго, где я проводил свои мини-отпуска, и все еще работает по договорам. Догадайся, кто один из ее самых крупных клиентов?

Я покачал головой.

– Джон Крафтс, он живет здесь, в Фоллс. Сквигги Уитон, один из продавцов салона и завсегдатай закусочной, однажды рассказал мне, что они проводят ежегодную инвентаризацию и «дама-бухгалтер» возится с бумагами. Ну я и нашел повод заглянуть к ним. Ей теперь шестьдесят пять и... Ты знаешь, что некоторые женщины в этом возрасте выглядят красавицами?

– Да, – ответил я и подумал о матери Кристи, которая по-настоящему расцвела только после пятидесяти.

– Каролин Пулин из таких. Классическое лицо – пару сотен лет назад в нее обязательно влюбился бы художник. Водопад длинных белоснежных волос падает на спину.

– Похоже, ты сам в нее влюблен, Эл.

Ему хватило сил, чтобы показать мне средний палец.

– Она в хорошей физической форме... насколько можно ожидать от незамужней женщины, которая каждый день садится в инвалидное кресло и вылезает из него, садится в свой специально переоборудованный минивэн и вылезает. Не говоря уже о том, что она ложится в кровать и поднимается с нее, садится в ванну и вылезает из нее, и так далее. И она все делает сама – Сквигги говорит, что она не нуждается ни в чьей помощи. На меня это произвело впечатление.

– И ты решил спасти ее. Провести эксперимент.

– Я вышел через «кроличью нору», только на этот раз прожил в домике на Себаго больше двух месяцев. Сказал хозяину, что получил деньги от умершего дядюшки. Ты должен это запомнить, дружище. Богатый дядюшка – беспроигрышный вариант. Все верят в него, поскольку сами хотят иметь такого дядюшку. И вот приходит день – пятнадцатое ноября тысяча девятьсот пятьдесят восьмого года. Я не стал связываться с Пулинами. Отталкиваясь от моей идеи остановить Освальда, я сосредоточился на Каллеме, стрелке. Собрал о нем информацию, выяснил, что он живет в миле от Боуи-Хилла, около старого фермерского клуба Дарэма. Собирался перехватить его до того, как он уйдет в лес. Получилось немного иначе. Из домика на Себаго я уехал достаточно рано – и поступил правильно, потому что буквально через милю у автомобиля, взятого мной напрокат в «Хертце», спустило колесо. Я достал запаску, поставил, и хотя колесо выглядело совершенно нормальным, через милю спустило и оно. На попутке я добрался до автозаправочной станции «Эссо» в Наплесе.

Парень, работавший в мастерской, сказал, что он чертовски занят и не может поехать со мной ставить новое колесо на хертцевский «шевроле». Я думаю, ему совершенно не хотелось пропускать субботнюю охоту. Двдцатка изменила его приоритеты, но тем не менее я попал в Дарэм уже после полудня. Поехал по старой окружной Понд-роуд, кратчайшему пути, и знаешь что? Мост над Чакл-Брук рухнул в эту чертову воду. Меня встретили высокие красно-белые барьеры, бочки с горячей соляжкой и большущий оранжевый щит с надписью «ПРОЕЗДА НЕТ». К тому времени я уже начал понимать, что происходит, и у меня засосало под ложечкой от предчувствия, что мне не удастся осуществить задуманное, сделать то, ради чего я этим утром вышел из дома. Учти, за руль я сел в восемь часов, вроде бы предусмотрел все, и с запасом, но мне понадобилось больше четырех часов, чтобы преодолеть восемнадцать миль. Однако я не сдался. Поехал по дороге Методистской церкви, выжимая из арендованной колываги последние силы, оставляя за собой длиннющий шлейф пыли, – тогда ездили по грунтовкам. Я видел легковушки и пикапы, припаркованные на обочине или опушке леса, и охотников, которые шагали с преломленными ружьями на сгибе руки. Каждый приветственно скидывал руку – в пятьдесят восьмом люди дружелюбнее, это точно. Я махал в ответ, но все время ждал, что колесо спустит. Или лопнет на ходу, скинув меня с дороги в кювет, потому что я гнал со скоростью миль шестьдесят в час. Помню, как один охотник похлопал по воздуху, давая понять, что мне лучше притормозить, но я не последовал его совету. Взлетел на Боуи-Хилл и только проскочил старый молельный дом квакеров, как заметил четырехдверный пикап, припаркованный у кладбища, с надписью на водительской двери «СТРОИТЕЛЬНЫЕ И СТОЛЯРНЫЕ РАБОТЫ ПУЛИНА». Кабина пустовала. Пулин с дочерью уже ушли в лес и сейчас, возможно, сидели где-то на полянке, перекусывали и болтали, как болтают отцы с дочерьми. Или по крайней мере как я это себе представлял, потому что дочери у меня никогда не было...

Он вновь надолго закашлялся, и приступ закончился жуткими влажными хрипами.

– Ах, черт, до чего же больно! – простонал он.

– Эл, тебе надо остановиться.

Он махнул рукой, ладонью вытер пятно крови под нижней губой.

– Мне нужно выговориться, поэтому заткнись и не мешай. Я долго не отрывал взгляда от пикапа, продолжая мчаться со скоростью шестьдесят миль, а когда вновь посмотрел на дорогу, увидел, что она перегорожена упавшим деревом. Едва успел затормозить. Я прикинул, что дерево не такое уж и большое, а до того, как у меня обнаружился рак, силы мне хватало. Да еще я просто рассвирепел. Короче, вылез из «шевроле» и принялся оттаскивать дерево. Пока этим занимался – проклиная всех и вся, – с другой стороны подъехал автомобиль. Из него выходит мужчина в оранжевом охотничьем жилете. Я не знаю, он мне нужен или нет – «Энтерпрайз» фотографию Каллема не публиковал, – но возраст вроде бы подходящий. Он говорит: «Давайте я помогу, старина». «Премного вам благодарен, – отвечаю я и протягиваю руку. – Билл Лейдлоу». Он пожимает мою руку и говорит: «Энди Каллем». Все-таки он. Учитывая трудности, которые мне пришлось преодолеть, чтобы добраться до Дарэма, я едва поверил своим ушам. Словно выиграл в лотерею. Мы взялись за дерево и на пару оттащили его с дороги. Когда закончили, я сел на землю и схватился за сердце. Он спросил, все ли со мной в порядке. «Не знаю, – говорю я. – Инфаркта у меня никогда не было, но, судя по ощущениям, он самый». Вот почему мистеру Энди Каллему не удалось поохотиться в тот ноябрьский день, Джейк, и, соответственно, он не подстрелил маленькую девочку. Он отвозил бедного Билла Лейдлоу в Центральную больницу штата Мэн в Льюистоне.

– Ты это сделал? Правда, сделал?

– Будь уверен. В больнице я сказал, что съел на ленч «большого старого героя» – так тогда называли итальянский сандвич, – и мне поставили диагноз: острое несварение желудка. Я заплатил двадцать пять долларов наличными, и меня отпустили. Каллем меня

дождался и отвез к моему «шевроле». Как тебе такое участие? В тот же вечер я вернулся в две тысячи одиннадцатый год... разумеется, через две минуты после того, как отбыл. С теми же ощущениями, какие возникают при смене часовых поясов, только безо всякого самолета. Сразу поехал в городскую библиотеку, где посмотрел статью о школьном выпускном вечере за шестьдесят пятый год. Раньше ее иллюстрировала фотография Каролин Пулин. Тогдашний директор – Эрл Хиггинс, он уже давно на том свете – наклонялся, чтобы передать ей аттестат. Она сидела в инвалидном кресле, в мантии и шапочке. Подпись под фотографией гласила: «Каролин Пулин достигла главной цели на долгом пути к выздоровлению».

– Ты ее увидел?

– Историю о выпускном вечере я нашел, будь уверен. Церемония окончания школы всегда попадает на первую полосу газеты маленького города, ты это знаешь, дружище. Но теперь статью сопровождала фотография мальчишки с паршивой битловской стрижкой и подписью: «Лучший ученик Тревор Бриггс, по прозвищу Бадди, произносит прощальную речь перед участниками выпускной церемонии». Они перечислили всех выпускников, чуть больше сотни, однако Каролин Пулин я среди них не нашел. Поэтому заглянул в статью о выпускной церемонии шестьдесят четвертого года, в котором она закончила бы школу, если бы не ранение в позвоночник. И попал в десятку. Ни фотографии, ни особого упоминания, но законное место в списке. Между Дэвидом Платтом и Стефани Роутиер.

– Обычная выпускница, марширующая под бравурную музыку.

– Именно. Потом я вбил ее имя и фамилию в поисковую строку «Энтерпрайз» и нашел еще несколько упоминаний после шестьдесят четвертого года. Не так чтобы много, три или четыре. Примерно столько, наверное, и должно быть о ничем не примечательной женщине, ведущей обычную жизнь. Она поступила в Университет штата Мэн, защитила диплом по специальности «управление бизнесом», потом продолжила учебу в магистратуре в Нью-Хэмпшире. Я нашел еще одну статью, за семьдесят девятый год, вышедшую незадолго до закрытия «Энтерпрайз». Она называлась «БЫВШАЯ ЖИТЕЛЬНИЦА ЛИСБОНА ВЫИГРЫВАЕТ НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОНКУРС ЛИЛЕЙНИКОВ». С фотографией Каролин – здоровой, улыбающейся, с цветами в руках. Она живет... жила... не знаю, как правильно, может, и так, и этак... в городке неподалеку от Олбани, штат Нью-Йорк.

– Замужем? Дети?

– Вряд ли. На фотографии она держит свои лучшие лилейники, но кольца не руке не видно. Знаю, о чем ты думаешь. Ничего не изменилось, за исключением того, что она ходит на своих двоих. Но так ли это? Она жила в другом месте и общалась совсем с другими людьми, с которыми никогда бы не встретилась, если бы Каллем подстрелил ее и она осталась в Фоллс. Понимаешь, о чем я?

В тот момент я не мог сказать, что понимаю, а что – нет, но согласно кивнул. Потому что хотел, чтобы он закончил прежде, чем рухнет замертво. И перед уходом намеревался уложить его в постель.

– Я говорю тебе, ты можешь изменить прошлое, но это не так-то просто. В то утро я чувствовал себя человеком, пытающимся выбраться из нейлонового чулка. Он растягивается, а потом возвращается на прежнее место, крепкий, как и раньше. Однако в конце концов мне удалось его прорвать.

– Почему ты столкнулся с такими трудностями? Потому что прошлое *не хочет* меняться?

– *Что-то* не хочет, чтобы оно менялось, я в этом абсолютно уверен. Но изменить прошлое можно. Если сделать поправку на сопротивление – можно. – Эл смотрел на меня, его глаза сверкали на изможденном лице. – В любом случае историю Каролин Пулин можно закончить словами: «После этого она жила долго и счастливо». Так?

– Так.

– Загляни под заднюю обложку тетради, которую я тебе дал, дружище, и, возможно, ты изменишь мнение. Там распечатка, которую я сделал сегодня.

Я заглянул и увидел кармашек из плотной бумаги для хранения служебных записок и визитных карточек. Внутри лежал сложенный лист. Я достал его, развернул, долго на него смотрел. Это была компьютерная распечатка первой полосы газеты «Лисбон уикли энтерпрайз». Под названием стояла дата: 18 июня 1965 года. Статье предшествовал заголовок: **«ВЫПУСКНОЙ КЛАСС ЛСШ УХОДИТ СО СЛЕЗАМИ СЧАСТЬЯ»**. На фотографии лысый мужчина (академическую шапочку он сунул под мышку, чтобы не свалилась с головы) наклонялся к девушке, которая сидела в инвалидном кресле. Мужчина держался за один край аттестата, она – за другой. Под фотографией значилось: «Каролин Пулин достигла главной цели на долгом пути к выздоровлению».

Я в недоумении уставился на Эла:

– Если ты изменил будущее и спас ее, как такое может быть?

– Каждое путешествие – сброс на ноль, дружище. Помнишь?

– Господи! Когда ты отправился останавливать Освальда, все, что ты сделал, чтобы спасти Пулин, стерлось?

– Да... и нет.

– Что значит – да и нет?

– Путешествию в прошлое, чтобы спасти Кеннеди, предстояло стать последним, но я мог не спешить в Техас. С какой стати? В сентябре пятьдесят восьмого Кролик Оззи – так его прозвали братья-морпехи – еще не вернулся в Америку. Он плавал по Тихому океану в составе своего подразделения, защищал демократию для Японии и Тайваня. Поэтому я вновь отправился в пансионат «Тенистые домики» на Себаго и болтался там до пятнадцатого ноября. По второму разу. Но когда наступил этот день, я выехал еще раньше, и чертовски правильно сделал, потому что теперь не отделался двумя спущенными колесами. У моего чертова «шевроле» полетел коленвал. И мне пришлось заплатить шестьдесят долларов механику на автозаправочной станции в Наплсе, чтобы тот одолжил мне на день свой автомобиль. В залог я оставил ему перстень морпеха. На этом мои злоключения не закончились, но сейчас я не буду о них вспоминать...

– Опять рухнул мост в Дарэме?

– Не знаю, дружище, той дорогой я не поехал. По моему разумению, человек, который не извлекает уроков из прошлого, – идиот. Но я теперь точно знал, с какой стороны подъедет Эндрю Каллем, и успел вовремя. Дерево перегораживало дорогу, как и прежде, и когда он подъехал, я попытался его оттащить, как и прежде. На пару мы справились с деревом, а потом я почувствовал боли в груди, как и прежде. Мы разыграли ту же комедию, Каролин Пулин и ее отец отлично провели субботу в лесу, а пару недель спустя я попрощался с Мэном и на поезде укатил в Техас.

– Тогда почему я держу в руках фотоснимок с выпускного, на котором она сидит в инвалидном кресле?

– Потому что каждое путешествие через «кроличью нору» – сброс на ноль. – Вновь Эл просто смотрел на меня, чтобы увидеть, когда до меня дойдет. И до меня дошло, где-то через минуту.

– Я?..

– Совершенно верно, дружище. Ты сегодня купил кружку рутбира за десять центов. И вернул Каролин Пулин в инвалидное кресло.

Глава 4

1

Я помог Элу добраться до спальни, и он пробормотал: «Спасибо, дружище», – когда я опустился на колено, чтобы расшнуровать ему туфли и снять их. Возмутился он, лишь услышав мое предложение сопроводить его в ванную.

– Улучшать мир – важно, но не менее важно добираться до унитаза самостоятельно.

– Пока ты уверен, что тебе это *удастся*.

– Сегодня – уверен, а завтра будет новый день. Иди домой, Джейк. Начни читать тетрадь... там много чего написано. А утром, которое вечера мудренее, придешь сюда и скажешь, что решил. Я никуда не денусь.

– С вероятностью девяносто пять процентов?

– Как минимум девяносто семь. Если на то пошло, я не настолько плох. Сомневался, что мы с тобой продвинемся так далеко. Успеть рассказать... И добиться, чтобы ты поверил... У меня гора с плеч свалилась.

Я еще не знал, поверил ли, пусть сегодня сам побывал в прошлом, но говорить об этом не стал. Пожелал Элу доброй ночи, напомнил, что нельзя терять счет принятым таблеткам («Да, да»), и отбыл. С минуту постоял на дорожке, глядя на гнома с флагом Одинокой звезды.

«Не связывайтесь с Техасом»²⁹, – подумал я... но, возможно, именно это мне и предстояло. И, учитывая трудности, с которыми столкнулся Эл, изменяя прошлое – спустившие колеса, сломанный двигатель, рухнувший мост, – я легко мог представить, что Техас попытается разобраться и со мной.

2

После столь бурного дня я не думал, что мне удастся заснуть раньше двух или трех утра, и несколько бы не удивился, если бы не сомкнул глаз до рассвета. Но иногда тело диктует правила. К тому времени как я добрался до дома и смешал себе некрепкий напиток (один из маленьких плюсов возвращения к холостяцкой жизни – возможность держать дома спиртное), веки у меня отяжелели. А когда допил виски и прочитал десяток страниц «Книги Освальда», глаза уже слипались.

Я ополоснул стакан в раковине, отправился в спальню (оставляя след из одежды, за что Кристи закатила бы мне жуткий скандал) и упал на широкую кровать, в которой теперь спал один. Подумал о том, чтобы потянуться и выключить лампу на прикроватном столике, но рука будто налилась свинцом. Казалось, что сочинения в затихшей учительской я правил очень и очень давно. Последнее, впрочем, не удивляло: всем известно, что время, при всей его неумолимой жесткости, иной раз на удивление пластично.

Я искалечил эту девочку. Вернул в инвалидное кресло.

Спускаясь по ступенькам из кладовки, ты не знал, кто такая Каролин Пулин, так что не кати на себя бочку. А кроме того, возможно, где-то она ходит сейчас на своих ногах. Возможно, проход через эту нору создает альтернативные реальности, или потоки времени, или что-то еще.

²⁹ Так звучит рекламный лозунг департамента транспортных средств Техаса, появившийся в 1986 г. в ходе рекламной кампании за чистоту техасских дорог.

Каролин Пулин, получающая аттестат в инвалидном кресле. В том году, когда первое место в хит-парадах заняла песня «Держись, Слупи» в исполнении «Маккойс».

Каролин Пулин, прогуливающаяся по своему саду с лилейниками. В тысяча девятьсот семьдесят девятом году, когда первое место заняла песня Христианской ассоциации молодежи группы «Виллидж пипл». Каролин Пулин, иногда опускающаяся на колено, чтобы вырвать сорняк-другой, затем поднимающаяся и идущая дальше.

Каролин Пулин в лесу, вместе с отцом, перед тем как стать калекой.

Каролин Пулин в лесу, вместе с отцом, на пороге превращения в обычную девушку маленького американского городка. И в каком месте этого временного потока она находилась, когда в экстренных выпусках новостей по радио и телевидению сообщили, что тридцать пятого президента Соединенных Штатов застрелили в Далласе?

Джон Кеннеди останется в живых. Ты можешь его спасти, Джейк.

Но станет ли мир от этого лучше? Нет никаких гарантий.

Я чувствовал себя человеком, пытающимся выбраться из нейлонового чулка.

Я закрыл глаза и увидел листки, слетающие с календаря. Так без лишних изысков показывали уходящее время в старых фильмах. Я видел, как они вылетают из окна моей спальни, словно птицы.

Прежде чем я провалился в сон, мне в голову успело прийти еще одно воспоминание: идиот-десятиклассник с идиотским подобием бородки, улыбаясь, бормочет: «Гарри-Жаба прыгает по а-ве-ню!» И Гарри, останавливающий меня, когда я хочу призвать нахала к порядку: «Не берите в голову. Я к этому привык».

На том я и отрубился.

3

Я проснулся от утреннего света и пения птиц, пощупал лицо, в уверенности, что плакал, перед тем как открыть глаза. Должно быть, мне приснилось, пусть я и не помнил подробностей, что-то очень грустное, потому что я не из плаксивых.

Сухие щеки. Никаких слез.

Не отрываясь от подушки, я повернул голову, чтобы взглянуть на часы на прикроватном столике. Без двух минут шесть. Судя по яркости света, ожидалось прекрасное июньское утро, и занятия в школе закончились. Первому дню летних каникул учителя обычно радуются не меньше учеников, но меня не отпускала печаль. Печаль. И не только потому, что предстояло принять трудное решение.

На полпути к душе в моей голове вспыхнули три слова: *Кавабанга, Буффало Боб*³⁰.

Я остановился, голый, и широко раскрытыми глазами уставился на собственное отражение в зеркале гардероба. Теперь я вспомнил сон, и меня уже не удивляло, что я проснулся грустным. Мне приснилось, что я сижу в учительской, читаю сочинения учеников-взрослых, а в расположенном дальше по коридору спортивном зале катится к завершению очередной четверти баскетбольный матч. Моя жена только что вернулась из центра реабилитации. Я надеюсь, что к моему приезду она будет дома и мне не придется просидеть час на телефоне, чтобы отыскать ее и вытащить из какого-нибудь местного бара.

В этом сне я кладу сочинение Гарри Даннинга на стопку других сочинений и начинаю читать:

Это был не день а вечер. Вечером который изменил мою жизнь, стал вечер когда мой отец убил мою мать и двух братьев...

³⁰ Слово «кавабанга» в детской телевизионной программе «Хауди-Дуди» (1947–1960) произносил при встрече вождь племени уругнек Удар Грома. Буффало Боб Смит – бессменный ведущий «Хауди-Дуди».

Понятное дело, такое сочинение завладело моим вниманием, и быстро. Чего там, оно зацепило бы любого. Но мои глаза начало щипать, лишь когда я добрался до той части, где говорилось о его одежде. Про одежду он упомянул не случайно. Когда дети выходят из дома одним особенным осенним вечером с пустыми сумками, надеясь набить их сладостями, детские наряды обычно отражают сиюминутные увлечения. Пять лет назад каждый второй подросток появлялся у моей двери в очках Гарри Поттера и с переведенным на лоб шрамом в форме молнии. Когда, много лун тому назад, я сам впервые отправился выклянчивать сладости (мать по моему настоятельному требованию следовала за мной в десяти футах), на мне был костюм снежного штурмовика из фильма «Империя наносит ответный удар». Так что не стоило удивляться, что Гарри Даннинг остановил свой выбор на куртке из оленьей замши.

– Кавабанга, Буффало Боб, – поздоровался я со своим отражением и внезапно рванул к кабинету. Я не держу дома работ учеников – никто из учителей не держит, они бы завалили весь дом, – но у меня вошло в привычку ксерить лучшие сочинения. Они служили отличным подспорьем в учебном процессе. Сочинение Гарри я бы никогда не использовал – слишком уж оно было личное и предназначалось исключительно для моих глаз, – но я помнил, что вроде бы все равно снял копию, раз уж оно вызвало у меня столь сильную эмоциональную реакцию. Выдвинул нижний ящик и принялся рыться в этом сорочьем гнезде из папок и бумаг. Нашел искомое пятнадцать минут спустя, изрядно вспотев. Сел за стол и начал читать.

4

Это был не день а вечер. Вечером который изменил мою жизнь, стал вечер когда мой отец убил мою мать и двух братьев и тяжело ранил меня. От него досталось и моей сестре, и она ушла в кому. Через три года она умерла, не очнувшись. Ее звали Эллен и я очень ее любил. Она любила собирать цвиты и ставеть их по вазам. То, что случилось в тот вечер, выглядело как фильм ужасов. Я больше не хочу в кино на фильмы ужасов потому что пережил один вечером Хэллоуина в 1958.

Мой брат Трой слишком вырос, чтобы ходить по домам требуя у хозяев сладость или гадость (15). Он сидел рядом с моей мамой, смотрел телевизор и говорил, что поможет нам съесть сладости, которые мы принесем и Эллен, она сказала нет ты не поможешь, надевай хэлуинский костюм и иди сам собирай сладости, и все рассмеялись потому что мы все любили Эллен, ей было только семь и выглядела она настоящей Люсиль Болл³¹ могла рассмешить любого даже моего отца (если он был трезвым, потому что пьяным он всегда злился). Она оделась, как принцесса Летоосень Зимавесенняя (я заглянул в словарь чтобы посмотреть, как это пишется) а я – как Буффало Боб, оба из шоу «ХАУДИ-ДУДИ» которое мы любили смотреть. «Скажите, детки, который час?» и «Давайте услышим это от Арахисовой галереи³²» и «Кавабанга, Буффало Боб!!!» Мы с Эллен обожали это шоу: она любила принцессу а я любил Буффало Боба. Мы хотели чтобы наш брат Тагга (его имя было Артур, но все называли его Таггой, я уже не помню почему) оделся мэром Файнесом Т. Бластером³³, но он отказался, заявил что это передача для малышей и он оденется «Франкиштеном» хотя даже Эллен сказала что маска очень страшная.

³¹ Американская комедийная актриса, звезда телесериала «Я люблю Люси».

³² Трибуна на сорок детей в студии, где снималась программа «Хауди-Дуди».

³³ Еще один персонаж программы «Хауди-Дуди».

Опять же Тагга начал вешать мне лапшу на уши чтобы я отдал ему мою духовушку «Дейзи» потому что в шоу у Буффало Боба никогда никакого оружия нет. И моя мама на это сказала: «Ты можешь взять духовушку Гарри потому что это не настоящая винтовка и даже не стреляет игрушечными пулями так что Буффало Боб возражать не будет». Это последнее что она мне сказала и я рад, что сказала хорошее потому что могла и отругать.

Мы уже собрались уходить и я сказал подождите минуточку мне надо в туалет потому что я очень взволновался. Они все рассмеялись, даже мама и Трой, сидевшие на диване но желание сделать пи-пи спасло мне жизнь потому что именно в тот момент отец вошел с молотком. Мой отец он становился злобным когда напиться и бил мою мать «снова и снова». Один раз когда Трой попытался остановить его он сломал Тройу руку. В тот раз его чуть не посадили в тюрьму (моего отца). В любом случае мои отец и мать разъехались к тому времени, о котором я пишу, и она думала о разводе, но тогда в 1958 это было не так легко как сейчас.

В общем, он вошел в дверь и я находился в ванной и писал и услышал голос матери: «Убирайся отсюда с этой штуковиной, ты не имеешь права быть здесь». А потом она начала кричать. И они все начали кричать...

Сочинение на этом не заканчивалось – продолжалось еще три ужасные страницы, – но дочитывал его уже не я.

5

До половины седьмого оставалось еще несколько минут, но я нашел телефон Эла в справочнике и без колебаний набрал номер. И не разбудил его. Он взял трубку после первого гудка. Голос его больше напоминал рычание собаки, чем человеческую речь.

– Эй, дружище, ты у нас ранняя пташка?

– Я хочу тебе кое-что показать. Школьное сочинение. Ты знаешь того, кто его написал. Должен знать. Его фотография висит на «Стене славы».

Он закашлялся, прежде чем ответить:

– На «Стене славы» много знаменитостей, дружище. Я думаю, там есть и Фрэнк Аничетти, времен первого фестиваля «Мокси». Уточни, пожалуйста.

– Я лучше тебе покажу. Можно приехать?

– Если не боишься увидеть меня в халате, приезжай. Но теперь я должен прямо спросить тебя, раз уж ночь прошла, а утро, как известно, вечера мудренее. Ты принял решение?

– Я думаю, что сначала должен совершить еще одно путешествие.

И положил трубку до того, как он задал следующий вопрос.

6

При вливающемся в окно гостиной свете раннего утра Эл выглядел совсем плохо. Белый махровый халат болтался на нем, как обвисший парашют. Отказ от химиотерапии сохранил ему волосы, но они заметно поредели и стали тонкими, как у младенца. Глаза, похоже, запали еще сильнее. Он дважды прочитал сочинение Гарри Даннинга, уже собрался отложить, потом прочитал в третий раз. Наконец посмотрел на меня:

– Иисус Христос на ломаной повозке.

– Я плакал, когда читал это впервые.

– Неудивительно. Меня особенно зацепила часть с духовушкой «Дейзи». В пятидесятых реклама духовых винтовок «Дейзи» красовалась на обратной стороне каждого чертова комикса. Любой пацан в моем квартале – думаю, вообще любой пацан – мечтал о двух вещах: духовой винтовке «Дейзи» и енотовой шапке, как у Дейви Крокетта³⁴. Он прав, никаких пулек, даже игрушечных, но мы заливали в ствол немного масла для тела «Джонсонс беби», потом закачивали воздух, нажимали спусковой крючок – и из ствола вылетало облачко синеватого дыма. – Он вновь посмотрел на ксерокопию. – Этот сукин сын убил жену и троих детей молотком? Го-о-осподи!

Он только начал размахивать им, – написал Гарри. – Я вбежал в гостиную и стены забрызгала кровь и что-то белое лежало на диване. Мозги моей матери. Эллен, она лежала на полу стулом-качалкой придавило ей ноги и кровь текла из ушей и по волосам. Телик работал и показывал ту передачу, которую любила моя мама об Эллери Куине, разгадывающим преступления.

Преступление, совершенное тем вечером, не имело ничего общего с элегантными детективными головоломками, которые распутывал Эллери Куин. Бойня, не больше и не меньше. Десятилетний мальчик, захотевший пописать перед тем, как отправиться просить сладость за обещание не делать гадость, вернулся из ванной в тот самый момент, когда его пьяный, рычащий отец расколол надвое череп Артура Даннинга по прозвищу Тагга, пытавшегося уползти на кухню. Потом он увидел Гарри, а тот поднял духовушку «Дейзи» и сказал: «Не подходи ко мне, папочка, а не то я тебя застрелю».

Даннинг бросился на мальчишку, размахивая окровавленным молотком. Гарри выстрелил в него из духовушки (я буквально услышал: «Ка-чух!») – хотя никогда из нее не стрелял), потом отбросил винтовку и метнулся в спальню, которую делил с уже убитым Таггой. Входя в дом, его отец не захлопнул дверь, и где-то – «по звуку в тысяче миль», так написал уборщик – смеялись соседи, а дети во все горло вопили: «Сладость или гадость?»

Даннинг, конечно, убил бы оставшегося сына, если бы не споткнулся о перевернувшийся «стул-качалку». Он растянулся на полу, поднялся и побежал в комнату младших сыновей. Гарри пытался забраться под кровать. Отец вытащил его оттуда и ударил по голове молотком. Наверняка бы убил, если бы залитая кровью рукоятка не провернулась в руке. Вместо того чтобы раскроить голову, молоток только задел ее над правым ухом.

Я не потерял сознание но почти. Продолжал пытаться заползти под кровать и едва почувствовал как он ударил меня по ноге но он ударил и сломал ее в четырех разных местах.

Живший в том же квартале мужчина, который, охотясь за сладостями, обходил дома с дочерью, вбежал в открытую дверь. Несмотря на бойню в гостиной, соседу достало духу схватить лопату для выгребания золы со стойки с инструментами у дровяной печи на кухне. Ею он и огрел Даннинга по затылку, когда тот пытался перевернуть кровать, чтобы добраться до истекающего кровью, полубессознательного сына.

Потом я потерял сознание как Эллен только мне повезло и я очнулся. Доктора сказали что могли ампутировать мне ногу но в конце они этого не сделали.

Да, ногу ему сохранили, и со временем он стал уборщиком в Лисбонской средней школе, известным поколениям учеников как Гарри-Жаба. Были бы дети добрее, знай они причину его хромоты? Едва ли. Подростки, конечно, существа эмоционально нежные и в

³⁴ Американский народный герой освоения Дикого Запада. Погиб в битве при Аламо в 1836 г.

высшей степени ранимые, однако с сочувствием у них не очень. Это приходит позже, если вообще приходит.

– Октябрь тысяча девятьсот пятьдесят восьмого, – прорычал Эл. – И я должен поверить, что это совпадение?

Я вспомнил, что сказал юному Фрэнку Аничетти о рассказе Ширли Джексон, и улыбнулся.

– Иногда сигара – просто курево, а совпадение – просто совпадение. Я знаю только одно: это еще один переломный момент.

– А почему я не видел этой истории в «Энтерпрайз»?

– Это случилось не здесь. В Дерри, в северной части штата. Когда Гарри поправился и выписался из больницы, его взяли к себе дядя и тетя, жившие в Хейвене, городке, расположенном в двадцати пяти милях к югу от Дерри. Они усыновили мальчика, и он начал работать на семейной ферме, когда стало ясно, что в школу ему не ходить.

– Прямо-таки «Оливер Твист» или что-то в этом роде.

– Нет, они на самом деле хорошо к нему относились. Вспомни, в те дни не было вспомогательных классов, да и выражение «умственно отсталый» еще не изобрели.

– Знаю, – сухо ответил Эл. – Тогда «умственно отсталый» означало, что ты кретин, тупица или просто слабоумный.

– Но он не был таким – ни тогда, ни теперь, – заметил я. – По большому счету, я думаю, причина – главным образом в пережитом шоке. В психологической травме. Ему потребовались годы, чтобы оправиться от того вечера, а когда это наконец удалось, ходить в школу было уже поздно.

– Но он все-таки получил аттестат, только уже в зрелом возрасте. Чуть ли не стариком. – Эл покачал головой. – Жизнь впустую.

– Чушь, – не согласился я. – Хорошая жизнь никогда не проходит впустую. Могло ли его ждать лучшее будущее? Да. Могу ли я этому поспособствовать? Судя по вчерашнему, возможно, могу. Но главное не в этом.

– Тогда в чем? Потому что для меня это та же Каролин Пулин, а с ней мы уже все доказали. Сделай это – и мир не взорвется, как проколотый воздушный шарик. Налей мне еще чашку кофе, Джейк? И себе налей, раз уж ты там. Он горячий, судя по твоему виду – самое то.

Наливая кофе, я заметил сдобные рогастики. Предложил один Элу, однако он покачал головой.

– Твердая пища вызывает у меня боли при движении по пищеводу. Но если хочешь впихнуть в меня немного калорий, в холодильнике стоит шестибаночная упаковка «Эншуэ»³⁵. По мне, вкус как у охлажденных соплей, но я могу переправить эту отраву в желудок.

Когда я принес смесь в фужере для вина, который отыскал в буфете, он хрипло рассмеялся.

– Думаешь, вкус от этого улучшится?

– Возможно. Если представишь себе, что это «Пино нуар».

Эл выпил половину, и я видел, что он усиленно борется с рвотным рефлексом, чтобы не дать смеси выплеснуться наружу. Этот поединок он выиграл, отодвинул фужер, взялся за кружку кофе. Пить не стал, просто обхватил ладонями, словно хотел вобрать в себя часть тепла. Наблюдая за ним, я сделал перерасчет времени, которое ему осталось.

– Итак, что тут особенного?

Не будь он так сильно болен, сообразил бы сам. Ума ему хватало.

³⁵ Марка питательных смесей для зондового кормления.

– Дело в том, что Каролин Пулин – не самый подходящий объект для эксперимента. Ты спас ей не жизнь, Эл, только ноги. И в обоих вариантах все у нее более-менее сложилось – и когда Каллем подстрелил ее, и когда ты ему помешал. Опять же, она не выходила замуж. То есть никаких детей. Получается... – Я замылся. – Не обижайся, Эл, но ты выступил в роли врача, который сохранил воспалившийся аппендикс. Аппендикс, конечно, счастлив, но проку от него никакого, даже от здорового. Ты понимаешь, о чем я?

– Да. – Но мне показалось, что он немного рассердился. – Ничего лучше Каролин Пулин я найти не смог. В моем возрасте время ограничено, даже если нет жалоб на здоровье. Я нацелился на больший приз.

– Я тебя не критикую. Однако семья Даннингов подходит для эксперимента гораздо больше, потому что речь идет не о парализованной девочке, какие бы беды это ни принесло ей и ее семье. Мы говорим о четверых убитых и одном покалеченном на всю жизнь. Кроме того, мы его знаем. После вручения ему аттестата об окончании средней школы я привозил его к тебе в закусочную, чтобы съесть бургер, а ты, увидев шапочку и мантию, угостил нас за счет заведения. Помнишь?

– Да. Тогда я и сфотографировал его для моей «Стены».

– Если я смогу это сделать... Если не позволю его отцу размахивать молотком... Как думаешь, останется ли там эта фотография?

– Не знаю, – ответил Эл. – Возможно, и нет. Возможно, я не вспомню, что она там висела.

Углубляться в теорию мне не хотелось, поэтому я оставил его ответ без комментариев.

– И подумай об остальных детях – Трое, Эллен и Тагге. Конечно же, кто-то из них женится или выйдет замуж, если они вырастут. И возможно, Эллен станет великой комедийной актрисой. Разве он не написал, что в семье ее считали такой же забавной, как Люсиль Болл? – Я наклонился вперед. – Я хочу лучше понять, что происходит, если ты вмешиваешься в переломный момент. Мне это необходимо, прежде чем я решусь замахнуться на что-то значительное вроде убийства Кеннеди. Что скажешь, Эл?

– Скажу, что понимаю, о чем ты. – Эл с трудом поднялся. У меня защемило сердце только от одного взгляда на него, но когда я начал вставать, он остановил меня взмахом руки.

– Нет, оставайся здесь. Я для тебя кое-что приготовил. В другой комнате. Сейчас принесу.

7

Он вернулся с жестяной коробкой. Протянул мне и велел отнести на кухню. Сказал, что на столе будет проще раскладывать. Когда мы сели, он открыл жестянку ключом, который носил на груди, как медальон. Достал пухлый конверт из плотной коричневой бумаги. Открыл и вытряс внушительную стопку купюр. Я вытащил одну и в недоумении уставился на нее. Двадцатка, но вместо Эндрю Джексона на меня смотрел Гроувер Кливленд, которого, пожалуй, никто не включил бы в десятку лучших американских президентов. На обратной стороне неслись к неизбежному лобовому столкновению локомотив и пароход, а над ними красовались слова: «**FEDERAL RESERVE NOTE**»³⁶.

– Похоже на деньги для «Монополии».

– Нет. Тут их не так много, как может показаться, потому что самая крупная купюра – двадцатка. Нынче, когда полный бак обходится в тридцать, а то и тридцать пять долларов, купюра в пятьдесят не вызывает удивленных взглядов и в небольшом магазинчике. Тогда все было иначе, а удивленные взгляды нам ни к чему.

³⁶ Банкнота Федеральной резервной системы (англ.).

– Это выигрыши по ставкам?

– Отчасти. Но в основном мои сбережения. Между пятьдесят восьмым и шестьдесят вторым я работал поваром, как и здесь, а одинокий мужчина может накопить немалую сумму, если не связывается с дорогими женщинами. А я не связывался. Как, впрочем, и с дешевыми. Оставался на дружеской ноге со всеми, но ни с кем не сближался. Того же и тебе советую. И в Дерри, и в Далласе, если ты туда отправишься. – Он поводит по деньгам исхудалым пальцем. – Здесь чуть больше девяти тысяч, если мне не изменяет память. Это примерно шестьдесят сегодняшних.

Я посмотрел на кучу купюр.

– Деньги возвращаются. Остаются независимо от того, сколько раз ты используешь «кроличью нору». – Мы это уже обговаривали, но я никак не мог себя убедить.

– Да, хотя они одновременно и там. Полный сброс на ноль, помнишь?

– Разве это не парадокс?

Он посмотрел на меня, изможденный, еле сдерживаясь.

– Я не знаю. Задавать вопросы, на которые нет ответов, – потеря времени, а у меня его осталось не много.

– Извини, извини. Что еще у тебя в коробке?

– Всякие мелочи. Но вся прелесть в том, что много тебе и не нужно. Это совсем другое время, Джейк. Ты можешь прочитать о нем в книгах по истории, но не поймешь его, не пожив там. – Он передал мне карточку социального страхования. За номером 005-52-0223. На имя Джорджа Т. Амберсона. Потом достал из коробки ручку.

– Распишись.

Я взял ручку, из тех, что раздавали на презентациях. По корпусу шла надпись «ДОВЕРЬТЕ ВАШ АВТОМОБИЛЬ ЧЕЛОВЕКУ СО ЗВЕЗДОЙ «ТЕКСАКО»». Чувствуя себя Даниэлем Уэбстером³⁷, заключающим договор с дьяволом, я расписался на карточке. Когда попытался вернуть ее Эл, тот покачал головой.

За карточкой социального страхования последовало водительское удостоверение, выданное Джорджу Т. Амберсону в штате Мэн, в котором указывалось, что ростом я шесть футов и пять дюймов, глаза синие, волосы каштановые, вес сто девяносто фунтов. Родился двадцать второго апреля тысяча девятьсот двадцать третьего года и проживал в доме девятнадцать по аллее Синей птицы в Сабаттусе. По этому же адресу я жил и в две тысячи одиннадцатом году.

– Шесть футов пять дюймов, так? – спросил Эл. – Пришлось прикинуть.

– Достаточно близко. – И я расписался на водительском удостоверении, картонном прямоугольнике канцелярского бежевого цвета. – Без фотографии?

– Штату Мэн до этого еще жить и жить, дружище. Остальным сорока восьми тоже.

– Сорока *восьми*?

– Гавайи станут штатом только в следующем году.

– Ох. – У меня перехватило дыхание, словно кто-то врезал мне в солнечное сплетение. – И что... если тебя остановят за превышение скорости, коп предполагает, что ты именно тот, чье имя указано на удостоверении?

– Почему нет? Если в пятьдесят восьмом году ты обмолвишься об атаке террористов, люди подумают, что речь о подростках, гонящихся за коровами. Подпиши это.

Он протянул мне клиентские карточки компании «Хертц» и газовой компании «Ситис сервис», кредитные карты «Дайнерс клуб» и «Американ экспресс». «Амэкс» выпускал карточки из целлулоида, «Дайнерс клуб» – из картона. Владелец значился Джордж Т. Амберсон. Имя и фамилия были впечатаны на пишущей машинке.

³⁷ Главный герой американского фильма «Дьявол и Даниэль Уэбстер» (1941).

– На следующий год сможешь получить настоящую пластиковую карточку «Амэкс», если захочешь.

Я улыбнулся:

– А чековая книжка?

– Я мог бы тебе ее сделать, но смысл? Вся документация с упоминанием Джорджа Амберсона будет потеряна при следующем сбросе на ноль. Вместе с деньгами, которые я положил бы на счет.

– Ох. – Я определенно тупил. – Точно.

– Не вини себя, тебе это еще в диковинку. Ты сможешь положить деньги на счет. Но не советую класть больше тысячи. Лучше держать деньги наличными, там, где в любой момент можешь их взять.

– На случай если придется быстро возвращаться?

– Верно. И кредитные карточки нужны только для подтверждения личности. Счета, которые я открыл, чтобы получить их, стерлись, когда ты прошел через «кроличью нору». Но они могут оказаться полезными... Как знать?

– Джордж получает почту на аллею Синей птицы, дом девятнадцать?

– В пятьдесят восьмом аллея Синей птицы присутствовала только на плане развития Сабаттуса, дружище. Микрорайон, где ты теперь живешь, еще не построили. Если тебя кто-нибудь спросит, отвечай, что этого требует бизнес. Они это проглотят. В пятьдесят восьмом бизнес – идол, которому все поклоняются, хотя никто не понимает, что это такое. Держи.

Он бросил мне роскошный мужской бумажник. Я вытаращился на него.

– Из *страусиной* кожи?

– Я хотел, чтобы ты выглядел процветающим. Найди какие-нибудь фотографии и положи в бумажник вместе с документами. Я приготовил тебе и другие мелочи. Несколько шариковых ручек, вот эта удобная вещичка, одновременно и нож для вскрытия писем, и линейка. Механический карандаш «Скрипто», защита для нагрудного кармана – в пятьдесят восьмом они считались необходимостью, а не причудой. Часы «Булова» на хромированном эластичном браслете «Шпайдел». У всех крутых такие, сынок. С остальным разберешься сам. – Эл надолго закашлялся, скрючился от боли. Когда приступ закончился, на его лице выступили крупные капли пота.

– Эл, когда ты все это собрал?

– Когда понял, что до шестьдесят третьего мне не дожить. Я покинул Техас и отправился домой. Уже думал про тебя. Разведенный, без детей, умный и, что главное, молодой. Ой, совсем забыл. Это же семечко, из которого все выросло. Имя и фамилию я взял с надгробия на кладбище церкви Святого Кирилла, а потом написал письмо-заявление заведующему канцелярией штата Мэн.

Он протянул мне мое свидетельство о рождении. Я пробежался пальцами по выпуклым буквам. Чувствовалось, что бумага государственная.

Когда поднял голову, увидел, что Эл положил на стол еще один листок. С заголовком «СПОРТИВНЫЕ СОБЫТИЯ 1958–1963».

– Не теряй его. И не потому, что это твой кормилец. Просто тебе придется отвечать на множество вопросов, если этот листок попадет не в те руки. Особенно когда результаты начнут совпадать.

Я уже начал укладывать все обратно в коробку, но Эл покачал головой.

– В моем стенном шкафу для тебя припасен портфель «Лорд Бакстон», потертый по краям.

– Зачем он мне? У меня есть рюкзак. Лежит в багажнике.

Эл улыбнулся.

– Там, куда ты собрался, рюкзаки носят только бойскауты, да и то если отправляются в поход либо на слет округа или штата. Тебе придется многому научиться, дружище, но действуй осторожно, избегай ненужного риска – и ты справишься.

Я осознал, что на самом деле собираюсь отправиться туда и произойдет это немедленно, практически без подготовки. Ощутил себя человеком, который забрел в лондонские доки семнадцатого века и внезапно понял, что его сейчас шайхайнут³⁸.

– Но чем я занимаюсь? – чуть ли не проблеял я.

Эл вскинул брови, кустистые и теперь почти такие же седые, как и волосы.

– Ты спасаешь семью Даннингов. Разве не об этом мы говорили?

– Я о другом. Что я делаю, если люди спросят меня, как я зарабатываю на жизнь? Что мне им сказать?

– Твой богатый дядюшка умер, помнишь? Говори, что помаленьку проматываешь свалившиеся на тебя деньги, надеясь, что их хватит, пока ты пишешь книгу. Разве в каждом преподавателе английского языка и литературы не сидит несостоявшийся писатель? Или я ошибаюсь?

Если по-честному, он не ошибался.

Эл смотрел на меня, изнуренный, сильно похудевший, и в его взгляде таилось сочувствие. Возможно, даже жалость. Наконец он заговорил, очень мягко:

– Трудно даже представить себе, так?

– Да. И... Эл... Послушай... я всего лишь *обычный человек*.

– То же самое можно сказать об Освальде. Ничтожество, стрелявшее из укрытия. А из сочинения Гарри Даннинга следует, что его отец – всего лишь злобный пьяница с молотком.

– Теперь он не пьяница. Умер от острого желудочного отравления в Шоушенкской тюрьме. Возможно, паленый самогон. Это...

– Я знаю, что такое самогон. Видел не раз, когда служил на Филиппинах. И пил, к сожалению. Но Даннинг еще будет жив, когда ты туда попадешь. И Освальд тоже.

– Эл... Я знаю, ты болен, и знаю, что боль не отпускает тебя. Но ты можешь поехать со мной в закусочную? Я... – В первый и последний раз я воспользовался его любимым словечком: – Дружище, я не хочу делать первый шаг в одиночестве. Я боюсь.

– Не пропустил бы ни за какие коврижки. – Он сунул руку под мышку и поднялся с гримасой, вжавшей губы в десны. – Возьми портфель. Я пока оденусь.

8

Без четверти восемь Эл отпер дверь серебристого трейлера, дома знаменитого толстобургера. Сверкающие хромом краны над стойкой казались призрачными. Высокие табуреты перед стойкой словно шептали: *Никто больше на нас не сядет*. Большие старомодные сахарницы-шейкеры отвечали им: *Никто больше не насыплет из нас сахар – праздник закончился*.

– Дорогу «Эл-Эл Бину», – прокомментировал я.

– Совершенно верно, – кивнул Эл. – Победное шествие гребаного прогресса.

Он выдохся, жадно хватал ртом воздух, но не остановился. Обойдя стойку, повел меня к двери кладовки. Я следовал за ним, перекидывая портфель с атрибутами моей новой жизни из одной руки в другую. Старомодный портфель, с пряжками. Если бы я пришел с таким в мой класс в ЛСШ, большинство учеников рассмеялось бы. И только некоторые – с более тонким вкусом – заплодировали бы этой ретровещице.

³⁸ То есть похитят для пополнения команды корабля, отправляющегося в дальнейшее плавание (не обязательно в Шанхай).

Эл открыл дверь к запахам овощей, пряностей, кофе. Вновь поднял руку над моим плечом, чтобы включить свет. Я устоял на серый линолеум, как на бассейн, кишущий голодными акулами, а когда Эл хлопнул меня по плечу, подпрыгнул.

– Извини, но ты должен это взять. – Он протянул мне монету в пятьдесят центов. Полбакса. – Человек с желтой карточкой, помнишь его?

– Естественно. – На самом деле я совершенно о нем забыл. Мое сердце билось так сильно, что, казалось, заставляло пульсировать глазные яблоки. Язык вкусом напоминал кусок старого ковра, а беря монету, я чуть не выронил ее.

Напоследок Эл оценивающе оглядел меня.

– Пока джинсы сойдут, но ты должен заглянуть в «Мужскую одежду Мейсона» на Главной улице и купить брюки, прежде чем отправишься на север. «Пендлтоны»³⁹ или твилы цвета хаки – на каждый день. Бан-лон⁴⁰ – для выходов в свет.

– Бан-лон?

– Просто спроси, они знают. Тебе понадобятся рубашки. И вероятно, костюм. А также галстуки и зажим для галстука. Купи себе шляпу. Не бейсболку, а красивую летнюю шляпу.

Из уголков его глаз сочились слезы. И они напугали меня сильнее, чем все, что он мне наговорил.

– Эл? Что не так?

– Я просто испуган, как и ты. Но давай обойдемся без трогательной сцены прощания. Если ты вернешься, то будешь здесь через две минуты, сколько бы ни провел в пятьдесят восьмом году. Этого времени мне хватит лишь для того, чтобы включить кофеварку. Если сработает, мы выпьем по чашке, и ты мне все расскажешь.

Если. Какое важное слово.

– Можешь заодно прочитать молитву. Уложишься в две минуты?

– Конечно. Я помолюсь о том, чтобы все прошло гладко. Не слишком изумляйся тому, где ты, и ни на секунду не забывай, что имеешь дело с опасным человеком. Возможно, более опасным, чем Освальд.

– Я буду осторожен.

– Хорошо. Рот старайся не открывать, пока не освоишь тамошний жаргон и не обвыкнешься. Поспешай не торопясь. Не гони волну.

Я попытался улыбнуться, но не уверен, что у меня получилось. Портфель вдруг стал очень тяжелым, словно в нем лежали камни, а не деньги и фальшивые документы. Я подумал, что сейчас рухну в обморок. И однако, Бог свидетель, какая-то часть меня хотела отправиться туда. Ей просто *не терпелось* отправиться туда. Я хотел увидеть США из кабины «шевроле». Америка приглашала в гости.

Эл протянул исхудавшую, трясущуюся руку.

– Удачи тебе, Джейк. Да благословит тебя Бог.

– Ты хотел сказать, Джордж.

– Джордж, точно. А теперь иди. Как тогда говорили, тебе пора сваливать.

Я повернулся и медленно пошел в кладовку, напоминая человека, который в темноте пытается нащупать верхнюю ступеньку лестницы.

На третьем шаге я ее нащупал.

³⁹ Брюки из шерстяной ткани производства одноименной компании.

⁴⁰ Ткань из объемного эластичного синтетического волокна.

Часть II

Отец уборщика

Глава 5

1

Я прошел вдоль стены сушильного сарая, как и прежде. Нырнул под цепь, на которой висела табличка с той же надписью: **«ПРОХОД ЗАПРЕЩЕН ДО ЗАВЕРШЕНИЯ РЕМОНТА СТОЧНОЙ ТРУБЫ»**. Как и в прошлый раз, обогнул угол большого зеленого куба, и тут что-то врезалось в меня. Для своего роста я недостаточно тяжел, но кое-какое мясо на костяхросло («Ветром тебя не унесет», – говаривал мой отец), и все-таки Желтая Карточка едва не сшиб меня с ног. Словно на меня напало черное пальто, полное машущих крыльями птиц. Алкаш что-то прокричал, но от неожиданности (не от страха, испугаться я просто не успел) я не разобрал ни слова.

Я оттолкнул его, и он врезался в стену сушильного сарая, полы пальто развевались вокруг его ног. Послышался гулкий удар – он приложился затылком к металлу, – и грязная шляпа свалилась на землю. Сам алкаш последовал за шляпой, даже не рухнул, а сложился, как аккордеон. Я пожалел о содеянном еще до того, как сердце успело замедлить свой бег, и пожалел еще больше, когда он поднял шляпу и начал отряхивать с нее пыль. Отчистить шляпу не представлялось возможным, да и его, судя по всему, тоже.

– Вы в порядке? – спросил я и наклонился, чтобы прикоснуться к его плечу, а он пополз от меня вдоль стены сушильного сарая, отталкиваясь руками и скользя на заднице. Мне бы хотелось сказать, что он напоминал покалеченного паука, но это неправда. Он напоминал алкаша, пропившего последние мозги. Человека, которому до смерти было рукой подать, как Элу Темплтону, ведь полвека тому назад Америка не могла предложить ему подобным благотворительные ночлежки и реабилитационные центры. Госпиталь для ветеранов принял бы его, если в свое время он носил форму, но кто доставил бы его в госпиталь? Вероятно, никто, хотя какой-нибудь фабричный мастер мог бы вызвать копов. Те посадили бы его в вытрезвитель на сутки или двое. Если бы он не умер в камере от белой горячки, его бы выпустили, чтобы он пошел на следующий круг. Я пожалел, что здесь нет моей бывшей. Она нашла бы собрание АА и взяла бы его с собой. Да только до рождения Кристи оставался двадцать один год.

Я зажал портфель ногами и протянул к нему руки, чтобы показать, что они пусты, но он отполз еще дальше вдоль стены. Слюна блестела на его заросшем щетиной подбородке. Я огляделся, чтобы убедиться, что мы не привлекаем внимания, увидел, что в этой части двора никого нет, и предпринял еще одну попытку.

– Я толкнул вас только потому, что вы застали меня врасплох.

– Ты, нах, хто? – спросил он, и голос его менял громкость в диапазоне пяти регистров. Если бы я не слышал этот вопрос во время первого визита сюда, не понял бы, о чем он спрашивает... И хотя язык у него по-прежнему заплетался, мне показалось, что интонации изменились. Я бы не стал в этом клясться, но такое ощущение возникло. *Вреда от него никакого, но он не похож на остальных*, сказал Эл. *Словно что-то знает*. По мнению Эла, причина заключалась в том, что в одиннадцать часов пятьдесят восемь минут 9 сентября 1958 года алкаш грелся на солнышке слишком уж близко от «кроличьей норы» и ощущал на

себе ее воздействие. Точно так же, как можно вызвать помехи на экране телевизора, поднеся к нему работающий миксер. Может, Эл правильно определил причину. А может, черт возьми, повышенная чувствительность определялась избытком выпитого.

– Да никто, – ответил я успокаивающим голосом. – Для вас это не имеет никакого значения. Меня зовут Джордж. А вас?

– Хрен моржовый! – фыркнул он, продолжая отползать. Если это было его имя, встречалось оно крайне редко. – Не должно тебя здесь быть.

– Не волнуйтесь, я уже ухожу. – Я взял портфель в руку, чтобы продемонстрировать, что слова у меня не расходятся с делом, а он по уши втянул голову в костлявые плечи. Словно решил, что я сейчас запущу в него портфелем. Он напоминал пса, которого били так часто, что он и не ожидал ничего другого. – Все хорошо, никаких обид, лады?

– Убирайся отсюда, ублюдок. Проваливай, откуда явился, *и оставь меня в покое!*

– Договорились. – Я все еще приходил в себя после внезапного столкновения, и оставшийся адреналин смешивался с жалостью... не говоря уже о раздражении. То же раздражение я испытывал по отношению к Кристи, когда приходил домой и обнаруживал, что она опять пьяна в дым, несмотря на все обещания встать на путь исправления и не сходить с него, раз и навсегда отказавшись от спиртного. Коктейль из этих чувств да еще тепло сентябрьского дня привели к тому, что меня замутило. Не лучшее начало спасательной операции.

Я подумал о «Кеннебек фрукт», о том, до чего же хорош тамошний рутбир. Буквально увидел клуб пара, вырвавшийся из морозильника, когда Фрэнк Аничетти-старший открыл дверцу, чтобы достать большую кружку. Да, вот где царила блаженная прохлада. И я без дальнейшего промедления двинулся в этом направлении, а мой новый, но тщательно состаренный по краям портфель колотил меня по коленке.

– Эй! Эй, как тебя там!

Я обернулся. Алкаш поднимался, опираясь рукой о стену сушильного сарая. Он схватил шляпу и теперь прижимал к животу. Начал лихорадочно ощупывать ее свободной рукой.

– У меня желтая карточка из зеленого дома, так что дай мне бакс, козел. Сегодня – день двойной выплаты.

Мы вернулись в привычную колею. Это успокаивало. Тем не менее мне не хотелось подпускать его слишком близко. Я опасался напугать его или спровоцировать еще одну атаку. Остановился в шести футах и вытянул руку. Монета, которую дал мне Эл, блеснула на ладони.

– Бакс дать не могу, но вот половина.

Он замялся, теперь держа шляпу в левой руке.

– Даже не проси отсосать.

– Соблазнительно, но я устою.

– Чё? – Он перевел взгляд с монеты на мое лицо, снова на монету. Поднял правую руку, чтобы стереть слюну с подбородка, и я заметил еще одно отличие от моего прежнего визита в прошлое. Ничего катастрофического, но я задался вопросом, а так ли прав Эл, утверждая, что всякий раз происходит сброс на ноль.

– Мне без разницы, возьмете вы ее или нет, но определитесь побыстрее. У меня полно дел.

Он схватил монету и тут же отбежал обратно, к стене сушильного сарая. Его глаза стали большими и влажными. На подбородке вновь заблестела слюна. Ничто в мире не сравнится с обаянием окончательно спившегося алкаша. Не могу понять, почему «Джим Бим», «Сигр-эмс» и «Крепкий лимонад Майка» не используют их в журнальной рекламе. «Выпей «Бима» и увидишь та-а-акие глюки!»

– Ты кто? Что ты здесь делаешь?

– Надеюсь, что работаю. Послушайте, вы не обращались к АА с вашей маленькой проблемой по части вы...

– Отвали, Джимла!

Я понятия не имел, что такое джимла, но «отвали» он произнес громко и отчетливо. Я направился к воротам, ожидая, что вдогонку он еще о чем-нибудь спросит. В прошлый раз не спросил – однако эта встреча определенно отличалась от предыдущей.

Потому что на этот раз я имел дело не с Желтой Карточкой, ох не с Желтой. Когда он поднимал руку, чтобы вытереть подбородок, я заметил, что карточка, которую он зажимал пальцами, изменила цвет.

Она осталась грязной, но из желтой превратилась в ярко-оранжевую.

2

Я пересек автомобильную стоянку, вновь, на удачу, похлопал рукой по багажнику красно-белого «плимута-фьюри». Чувствовал, что удача мне определенно потребуется. Миновал железнодорожные пути, опять услышав «чух-чух» настоящего поезда, только расстояние до него определенно увеличилось, потому что на этот раз общение с Желтой Карточкой – точнее, с Оранжевой – чуть затянулось. В воздухе стояла фабричная вонь, мимо проехал тот же автобус. Припозднившись, я не смог прочесть название маршрута, но помнил его с прошлого раза: «ЛЬЮИСТОНСКИЙ ЭКСПРЕСС». Интересно, сколько раз Эл видел этот самый автобус, с этими самыми пассажирами за окнами?

Я поспешил на другую сторону улицы, разгоняя рукой сизое облако выхлопных газов. Поклонник рокабилли стоял на своем посту у двери, и я подумал, а что будет, если обратиться к нему его же словами. Но вовремя сообразил, что только запугаю его, как алкаша у стены сушильного сарая. Если крадешь у таких подростков секретный язык, у них мало что остается. А этот не мог вернуться домой и усесться за «Иксбокс». Поэтому я просто кивнул.

Он кивнул в ответ.

– Хай-йо, чувак.

Я вошел. Звякнул колокольчик. На этот раз я проследовал мимо стойки с дешевыми комиксами к прилавку с газировкой, за которым стоял Фрэнк Аничетти.

– Что я могу вам предложить, мой друг?

На мгновение я запнулся, потому что в прошлый раз он начал с другой фразы. Потом понял, что иначе и быть не могло. В прошлый раз я взял со стойки газету. В этот – нет. Может, каждое возвращение в 1958 год действительно сбрасывало все на ноль (за исключением Желтой Карточки), но когда ты впервые что-то менял, все как бы начиналось с чистого листа. Идея и пугала, и раскрепощала.

– Я бы не отказался от рутбира, – ответил я.

– И я бы не отказался от покупателя, так что мы можем помочь друг другу. За пять центов или за десять?

– Полагаю, за десять.

– Что ж, полагаю, вы полагаете правильно.

Из морозильника появилась покрытая изморозью кружка. Он воспользовался ручкой деревянной ложки, чтобы снять пену. Долил кружку до края и поставил передо мной. Все как в прошлый раз.

– С вас дайм, плюс один цент для губернатора.

Я протянул старинный доллар Эла, а пока Фрэнк Один-Ноль набирал сдачу, оглянулся – и увидел Желтую Карточку, стоявшего напротив винного магазина – *зеленого дома* – и покачивавшегося из стороны в сторону. Его вид напомнил мне об индийском факире из какого-

то старого фильма. Факир играл на дудке, а из плетеной корзины поднималась кобра. По тротуару, точно по графику, к двери приближался Аничетти-младший.

Я повернулся, пригубил рутбир и вздохнул:

– Как же хорошо.

– Да, нет ничего лучше холодного бира в жаркий день. Не местный, верно?

– Из Висконсина. – Я протянул руку. – Джордж Амберсон.

Он пожимал мне руку, когда звякнул колокольчик над дверью.

– Фрэнк Аничетти. А это мой сын, Фрэнк-младший. Поздоровайся с мистером Амберсоном из Висконсина, Фрэнки.

– Добрый день, сэр. – Фрэнки улыбнулся мне, кивнул и повернулся к отцу: – Тит уже поставил пикап на подъемник. Говорит, к пяти все будет готово.

– Так это хорошо. – Я ждал, что Аничетти Один-Ноль закурит, и он меня не разочаровал. Глубоко затянулся, потом спросил: – Приехали по делам или отдохнуть?

Я отреагировал не сразу, и не потому, что не нашелся с ответом. Меня удивило, что эпизод то отклонялся от первоначального сценария, то возвращался к нему. Как бы то ни было, Аничетти этого не замечал.

– В любом случае вы выбрали удачное время. Большинство туристов уехало, а когда такое происходит, мы все расслабляемся. Добавить в ваш бир шарик ванильного мороженого? Обычно это стоит пять центов, но по вторникам я снижаю цену до пятачка.

– Ты это говоришь уже добрых десять лет, – улыбнулся Фрэнк-младший.

– Спасибо, и так хорошо, – ответил я. – Я здесь по делам. Закрываю сделку по покупке недвижимости в... Сабаттусе? Думаю, да. Вы знаете этот город?

– Всего лишь всю жизнь. – Аничетти Один-Ноль выпустил дым через ноздри, пристально всмотрелся в меня. – Далеко же вам пришлось ехать, чтобы закрыть сделку.

Я ответил улыбкой, призванной означать: «Если бы вы знали то, что знаю я». Должно быть, смысл до него дошел, потому что он мне подмигнул. Опять звякнул колокольчик: вошли покупательницы фруктов. Часы с надписью «ВЫПЕЙ БОДРЯЩЕГО КОФЕ» показывали двенадцать двадцать восемь. Вероятно, часть сценария, в которой мы с Фрэнком-младшим обсуждали рассказ Ширли Джексон, из этого дубля выпала. Я допил рутбир тремя большими глотками, и тут у меня схватило живот. В романах у персонажей редко возникает необходимость посетить туалет, однако в реальной жизни стресс часто провоцирует желание справить нужду.

– Скажите, а туалета у вас, случаем, нет?

– К сожалению, нет, – ответил Фрэнк-старший. – Все собираемся соорудить, но летом мы слишком заняты, а зимой никогда нет денег на переделку.

– Вы можете пойти к Титу, это за углом, – посоветовал Фрэнк-младший. Он закладывал мороженое в металлический цилиндр, собираясь приготовить себе молочный коктейль. В прошлый раз этого не было, и я с тревогой подумал о так называемом «эффекте бабочки». Подумал, что наблюдаю, как бабочка расправляет крылья у меня на глазах. Мы изменяли мир. По мелочам, не поддающимся измерению, но да, мы его изменяли.

– Мистер?

– Извини. Вырубился.

На его лице отразилось удивление. Потом он рассмеялся.

– Никогда такого не слышал, но звучит здорово! – Сие означало, что он повторит это слово, если вдруг потеряет ход мыслей. И оно вольтует в сверкающую реку американского сленга не в семидесятых или восьмидесятых, а намного раньше. Но не преждевременно, потому что в этом потоке времени оно появилось точно по сценарию.

– «Тит Шеврон» за углом направо, – пояснил Аничетти-старший. – Если вам... э... срочно, можете воспользоваться нашей ванной наверху.

– Нет, все нормально. – И хотя я уже смотрел на настенные часы, теперь бросил пристальный взгляд на наручные, «Булову» с крутым металлическим браслетом от «Шпайдела». Хорошо, что Аничетти не могли видеть циферблат: я забыл перевести время. – Но мне пора. Дела. Даже если очень повезет, сегодня их не закончить. Не подскажите хороший мотель?

– Вы имеете в виду гостиницу для автомобилистов? – переспросил Аничетти-старший. Загасил окурки в одной из пепельниц с надписью «ВКУСА «ВИНСТОН» ЛУЧШЕ НЕТ», рядом стоявших на прилавке.

– Да. – На этот раз улыбка получилась совсем глупой, да и кишки вновь напомнили о себе. Не найди я в самом скором времени решения этой проблемы, как бы не пришлось звонить 911. – В Висконсине мы называем их мотелями.

– Что ж, я бы предложил «Тамарак мотор корт», в пяти милях отсюда по сто девяносто шестой дороге в сторону Льюистона. Рядом с автокинотеатром.

– Спасибо за подсказку. – Я поднялся.

– Пустяки. А если захотите подстричься перед вашими встречами, попробуйте «Парикмахерскую Баумера». Он знает свое дело.

– Спасибо. Еще одна хорошая подсказка.

– Подсказки бесплатно, рутбир – за американские деньги. Приятного пребывания в Мэне, мистер Амберсон. Фрэнки? Допивай молочный коктейль и возвращайся в школу.

– Будь уверен, папа. – Теперь мне подмигнул Фрэнк-младший.

– Фрэнк? – пронзительно воскликнула одна из женщин. – Эти апельсины свежие?

– Свежие, как твоя улыбка, Леона, – ответил Аничетти-старший, и женщины захихикали. Только не подумайте, что я ехидничаю. Именно захихикали.

Я прошел мимо них, на ходу прошептав:

– Дамы.

Звякнул колокольчик, и я шагнул в мир, который существовал до моего рождения. На этот раз, вместо того чтобы пересечь улицу и направиться ко двору, в котором находилась «кроличья нора», я углубился в него. На другой стороне улицы алкаш в длинном черном пальто отчаянно жестикулировал, стоя перед продавцом в белой тунике. Карточка, которой он размахивал, из желтой стала оранжевой, но в остальном он следовал сценарию.

Я решил, что это добрый знак.

3

Заправочная станция «Тит Шеврон» располагалась за супермаркетом «Ред энд уайт», где Эл снова и снова покупал продукты для своей закусочной. Согласно ценнику в витрине, лобстеры стоили шестьдесят девять центов за фунт. Напротив супермаркета, на том месте, где в две тысячи одиннадцатом году был пустырь, стоял большущий темно-бордовый сарай с широко раскрытыми воротами и выставленной на продажу всевозможной подержанной мебелью. Преобладали детские кроватки, кресла-качалки и мягкие кресла типа «папа отдыхает». Над воротами висела вывеска с названием магазина: «**ВЕСЕЛЫЙ БЕЛЫЙ СЛОН**». Рекламный щит, поставленный так, чтобы попасться на глаза ехавшим по дороге на Льюистон, смело заявлял: «**ЕСЛИ У НАС ЭТОГО НЕТ, ЗНАЧИТ, ВАМ ЭТО НЕ НУЖНО**». В одном из кресел-качалок сидел мужчина – как я предположил, владелец магазина. Он курил трубку и смотрел на меня через дорогу. В майке и мешковатых коричневых брюках, с козлиной бородкой, которую я счел проявлением храбрости на этом конкретном островке в потоке времени. Его волосы, зачесанные назад и смазанные каким-то маслом, курчавились на шее. Он напомнил мне о старом рок-н-рольном видео: Джерри Ли Льюис прыгает на пианино и поет «Большие шары огня». Вероятно, хозяин «Веселого белого слона» пользовался репутацией городского битника.

Я склонил голову. Он едва заметно кивнул в ответ, продолжая дымить трубкой.

На «Шеврон» (обычный бензин – девятнадцать целых девять десятых цента за галлон, высокооктановый – на цент дороже) коротко стриженный мужчина в синем комбинезоне занимался поднятым пикапом – как я догадался, принадлежавшим Аничетти.

– Мистер Тит?

Он оглянулся.

– Да?

– Мистер Аничетти сказал, что я могу воспользоваться вашим туалетом.

– Ключ на внутренней стороне входной двери. – *Две-е-йи.*

– Спасибо.

Ключ висел на кольце с деревянной пластинкой с надписью «МУЖЧИНЫ». Тут же имелся и второй ключ, с надписью «ДЕВУШКИ». Увидь это моя бывшая, взбеленилась бы, не без злорадства подумал я.

В чистеньком туалете сильно пахло табачным дымом. Рядом с унитазом стояла пепельница-урна. Судя по количеству окурков, очень многие посетители этой чистенькой комнаты совмещали приятное с полезным.

Выйдя из туалета, я увидел пару десятков подержанных автомобилей, стоявших на небольшой площадке, которая примыкала к заправочной станции. Легкий ветерок колыхал над ними разноцветные флаги. В 2011-м эти тачки стоили бы тысячи долларов – классика, ни больше ни меньше, – а тут их отдавали за семьдесят пять, максимум сто баксов. За чуть ли не новенький «кэджи» просили восемьсот. Вывеска над будкой, в которой сидела милая девчушка с конским хвостом, жевавшая жвачку и не отрывавшая глаз от «Фотоплея», гласила: **«ВСЕ ЭТИ АВТОМОБИЛИ НА ХОДУ И С ГАРАНТИЕЙ БИЛЛА ТИТА. МЫ ОБСЛУЖИВАЕМ ТО, ЧТО ПРОДАЕМ!»**

Я вернул ключ на дверь, поблагодарил Тита (тот что-то пробурчал, не отрываясь от пикапа) и направился к Главной улице, думая о том, что не помешает постричься, прежде чем идти в банк. От стрижки мои мысли перекинулись к битнику с козлиной бородкой, и я, неожиданно для себя перейдя улицу, остановился перед магазином подержанной мебели.

– Доброе утро.

– Вообще-то уже вторая половина дня, но пусть будет утро, если вам так нравится. – Он попыхивал трубкой, и легкий ветерок донес до меня аромат табака «Черри бленд». Я сразу вспомнил деда, курившего его, когда я был маленьким. Иногда он вдвухал дым мне в ухо, чтобы снять боль. Сомневаюсь, что АМА⁴¹ одобрила бы этот способ лечения.

– Вы продаете чемоданы?

– Да, держу несколько для разнообразия. Не больше двух сотен. Пройдите к дальней стене, а там посмотрите направо.

– Если я куплю один, можно будет оставить его здесь на пару часов, пока я сделаю кое-какие покупки?

– Я работаю до пяти. – Он подставил лицо солнечным лучам. – Дальше – свободное плавание.

4

Я обменял пару старинных долларов Эла на кожаный чемодан, оставил его под прилавком битника, а сам двинулся по Главной улице с портфелем, стукающимся о ногу. Заглянул в витрину зеленого дома и увидел, что продавец сидит за кассовым аппаратом, читает газету. И никаких следов моего приятеля в черном пальто.

⁴¹ Американская медицинская ассоциация.

Заблудиться в торговом районе не представлялось возможным – он занимал только один квартал. Миновав три или четыре магазинчика за «Кеннебек фрукт», я вышел к «Парикмахерской Баумера». В окне вращался красно-белый парикмахерский столб. Рядом с рекламного политического плаката улыбался Эдмунд Маски⁴². Я помнил его стариком с покатыми плечами, но этот Эдмунд выглядел слишком молодым для того, чтобы голосовать, не говоря уже о том, чтобы куда-то избираться. Плакат гласил: «ОТПРАВИМ ЭДА МАСКИ В СЕНАТ США! ГОЛОСУЙТЕ ЗА ДЕМОКРАТА!» Снизу кто-то приклеил белую ленту с надписью от руки: «ГОВОРИЛИ, В МЭНЕ ЭТОМУ НЕ БЫВАТЬ, НО *МЫ ЭТО СДЕЛАЛИ!* СЛЕДУЮЩИЙ ШАГ – ХАМФРИ⁴³ В 1960!»

В парикмахерской у стены сидели два старичка, тогда как третьему подравнивали волосы вокруг плешивой макушки. Оба ожидавших дымили как паровозы. Парикмахер (как я предположил, Баумер) тоже дымил, прищурив один глаз от поднимающегося едкого дыма. Все четверо посмотрели на меня. Взгляды эти меня не удивили: не то чтобы недоверчивые, но точно оценивающие. Кристи придумала им название – янки-взгляды. Есть, оказывается, что-то незыблемое, и так приятно это осознавать.

– Я не из этого города, но я друг, – сообщил я им. – Всю жизнь голосовал только за демократов. – И поднял руку, призывая в свидетели Господа.

Баумер то ли хмыкнул, то ли что-то пробурчал и рассеянно стряхнул упавший с сигареты пепел на пол, где среди срезанных волос валялось несколько раздавленных окурков.

– Гарольд – республиканец. Будьте осторожнее, а не то он вас цапнет.

– Только зубов у него больше нет, – вставил один из стариков, и все рассмеялись.

– Откуда вы, мистер? – спросил Гарольд-республиканец.

– Висконсин. – Я взял журнал «Мэнс эдвенче», пресекая попытки завязать разговор. На обложке недочеловек азиатской наружности с кнутом в затянутой перчаткой руке приближался к очаровательной блондинке, привязанной к столбу. История, которую иллюстрировала картинка с обложки, называлась «ЯПОНСКИЕ СЕКС-РАБЫНИ ТИХОГО ОКЕАНА». Воздух в парикмахерской пропитался удивительной смесью запахов талька, помады и сигаретного дыма. К тому времени, когда Баумер пригласил меня в кресло, я прочитал немалую часть истории о секс-рабынях. Она оказалась не такой возбуждающей, как обложка.

– Путешествуете, мистер Висконсин? – спросил парикмахер, накрывая меня белой вискозной простыней и закрепляя на шее бумажный воротничок.

– Есть такое, – честно признался я.

– Что ж, теперь вы в Божьей стране. Какую длину желаете?

– Настолько коротко, чтобы не выглядеть как... – с губ едва не сорвалось «хиппи», но Баумер этого слова знать не мог, – как битник.

– Да уж, запустили вы их. – Он заработал ножницами. – Еще чуть длиннее – и стали бы похожи на того педика, что хозяйничает в «Веселом белом слоне».

– Я бы этого не хотел.

– Разумеется, сэр, у него тот еще видец.

Закончив, он присыпал мне загривок тальком. Спросил, хочу ли я смазать волосы «Виталисом», «Брилkrimом» или «Уайлдрут крим ойл», потом взял с меня сорок центов.

Я бы заплатил и больше.

⁴² Американский политический деятель.

⁴³ Губерт Горацио Хамфри – американский политический деятель.

5

Мой тысячедолларовый депозит никого в «Хоумтаун траст» не удивил. Возможно, помогла недавняя стрижка, но, думаю, главная причина заключалась в том, что это общество еще предпочитало наличные, а кредитные карточки только начали пробивать себе дорогу... и, вероятно, вызывали подозрения у прижимистых янки. Красотка-кассирша с завитыми мелким бесом волосами и камеей на шее сосчитала мои деньги, записала сумму в гроссбух и подозвала заместителя управляющего, который тоже их пересчитал, проверил запись в гроссбухе, а потом выписал квитанцию, в которой указал и депозит, и общую сумму на моем новом счету.

– Вы уж извините, что говорю об этом, мистер Амберсон, но это слишком большая сумма, чтобы носить ее с собой даже чеками. Вы не хотели бы открыть у нас сберегательный вклад? В настоящий момент мы предлагаем три процента годовых, с ежеквартальной капитализацией. – И он широко раскрыл глаза, дабы показать, что за удивительную сделку предлагает, выглядя при этом точь-в-точь как стародавний кубинский руководитель джаз-оркестра Хавьер Кугат.

– Благодарю, но мне предстоят немалые траты. – Я понизил голос. – Закрываю сделку по купле-продаже недвижимости. Во всяком случае, надеюсь на это.

– Удачи вам. – Управляющий тоже понизил голос, признавая конфиденциальность нашего разговора. – Лорейн выдаст вам чеки. Пятидесяти хватит?

– Более чем.

– Позже мы сможем напечатать другие. С вашим именем и адресом. – Он вопросительно приподнял брови.

– Я направляюсь в Дерри. Буду на связи.

– Отлично. Я доступен по «Дрексел восемь четыре-семь-семь-семь».

Я понятия не имел, о чем речь, пока он не протянул мне визитную карточку. **«Грегори Дьюсен, заместитель управляющего, – прочитал я. – DRexel 8-4777».**

Лорейн выдала мне чеки и чековую книжку из искусственной кожи под аллигатора. Я поблагодарил ее и положил все в портфель. У двери оглянулся. Два кассира работали на арифмометрах, никакой другой техники я не заметил. Те же ручки и нарукавники. Наверное, Чарлз Диккенс чувствовал бы себя здесь как дома. Мне в голову пришла мысль, что жизнь в прошлом в какой-то степени смахивает на жизнь под водой, когда дышать приходится через трубочку.

6

По совету Эла я зашел в «Магазин мужской одежды Мейсона», и продавец заверил меня, что с радостью возьмет чек, если он выдан местным банком. Благодаря Лорейн я без труда выполнил это условие.

В «Веселом белом слоне» битник молчаливо наблюдал, как я перекладываю содержимое трех пакетов в новый чемодан. Когда я защелкнул замки, он высказал свое мнение:

– Станный способ отовариваться, чел.

– Скорее да, чем нет, – ответил я. – Но ведь и мир тоже странный.

Тут он улыбнулся.

– С этим не поспоришь. Дай пять, Джексон. – И он протянул руку ладонью вверх.

На мгновение возникла та же ситуация, что и с «Дрекселом». Но тут я вспомнил фильм «Девушка угонщика»: в пятидесятых этот жест заменял наше стуканье кулаками. Провел

ладонью по его руке, почувствовал тепло и пот, подумал: *Это реально. Это происходит.* И ответил:

– Само собой, чел.

7

Я вернулся на «Тит Шеврон» с наполненным чемоданом в одной руке и портфелем в другой. В 2011 году время только-только перевалило за полдень, но я уже устал. Между заправочной станцией и площадкой для автомобилей стояла телефонная будка. Я вошел внутрь, закрыл дверь и увидел над старинным телефоном-автоматом листок с напечатанной на машинке надписью: «ПОМНИ, ТЕЛЕФОННЫЕ ЗВОНКИ ТЕПЕРЬ СТОЯТ ДАЙМ БЛАГОДАРЯ “МА БЕЛЛ”».

Я пролистал желтые страницы местного телефонного справочника и нашел «Лисбонское такси». На рекламном объявлении фары превратились в глаза, а решетка радиатора – в улыбающийся рот. Обещалось «БЫСТРОЕ И ВЕЖЛИВОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ». Мне понравилось. Я сунул руку в карман, чтобы достать мелочь, однако первым делом нащупал то, чего брать с собой определенно не стоило: «Нокиа», мой мобильник. Древнюю модель по стандартам мира будущего – я собирался поменять его на айфон, – но здесь-то о мобильных слухом не слыхивали. И если бы кто-то его увидел, мне бы задали сотню вопросов, на которые я не сумел бы ответить. Я сунул мобильник в портфель, понимая, что от него необходимо избавиться: держать такую вещь при себе – все равно что ходить с тикающей бомбой.

Я отыскал дайм, бросил в щель, и он тут же вывалился в окошечко возврата монет. Я вытащил его – и сразу понял, в чем проблема. Как и «Нокиа», он прибыл со мной из будущего – медный сандвич размером не больше цента. Я вытащил всю мелочь, порылся, нашел дайм пятьдесят третьего года, полученный, вероятно, в «Кеннебек фрут» – сдача с доллара, уплаченного за рутбир. Начал опускать монету в щель – и тут меня прошиб холодный пот. А если бы мой дайм две тысячи второго года застрял в телефоне-автомате, вместо того чтобы вывалиться в окошечко возврата? И как бы, найдя его, поступил техник «Эй-ти энд ти» обслуживавший телефоны-автоматы в Лисбон-Фоллс?

Он подумал бы, что это шутка. Чей-то изогранный розыгрыш.

Но я в этом сомневался – слишком высококачественный был дайм. Его стали бы показывать друг другу, со временем о нем могла бы написать местная газета. На этот раз мне повезло, однако повезет ли в следующий? Я понял, что надо быть куда бдительнее. С нарастающей тревогой подумал о мобильнике. Потом бросил дайм пятьдесят третьего в щель и услышал длинный гудок. Медленно и осторожно набрал номер, пытаюсь вспомнить, пользовался ли я когда-нибудь телефоном с дисковым набором. Похоже, что нет. Всякий раз, когда я отпускал диск, он крутился в обратную сторону, издавая странные щелчки.

– «Лисбонское такси», – услышал я женский голос. – Ни мили без улыбки. Чем мы можем вам помочь?

8

Дождаясь такси, я прошелся по площадке с автомобилями, которые продавал Тит. Особенно мне приглянулся красный «форд»-кабриолет пятьдесят четвертого года выпуска – «санлайнер», если судить по надписи под хромированной фарой со стороны водителя. С белыми боковинами покрышек и парусиновым верхом. Крутые парни из «Девушки угонщика» называли такие машины брезентухами.

– Неплохая штучка, мистер, – раздался у меня за спиной голос Билла Тита. – Мчится, как огонь в степи, сам проверял.

Я повернулся. Он вытирал руки ничем не уступавшей им по промасленности красной тряпкой.

– Ржавчина на порожках.

– Да, конечно, такой здесь климат. – Он пожал плечами, как бы говоря: «Ну что тут поделаешь». – Самое главное, что двигатель в отличном состоянии и покрышки почти новые.

– Восемь цилиндров?

– «Уай-блок», – ответил он, и я кивнул, будто понимал, о чем речь. – Купил у Арлен Хэдли из Дарэма, после того как умер ее муж. Если Билл Хэдли что и умел, так это заботиться об автомобиле... Но вы их не знаете, потому что не местный, так?

– Да. Я из Висконсина. Джордж Амберсон. – Я протянул руку.

Он покачал головой, улыбнулся.

– Рад познакомиться, мистер Амберсон, но я не хочу, чтобы вы запачкались маслом. Считайте, что мы пожали друг другу руки. Вы покупатель или только смотрите?

– Еще не знаю. – Но я солгал. Я уже думал, что никогда в жизни не видел такого классного автомобиля, как «санлайнер». Открыл рот, чтобы спросить, какой у него расход бензина, однако вовремя осознал, что это бессмысленный вопрос в мире, где можно заполнить бак за два доллара. Вместо этого поинтересовался, механическая ли коробка передач.

– Да. И когда включаешь вторую, надо следить, нет ли копов. Очень быстро набирает скорость. Хотите прокатиться?

– Не могу, – ответил я. – Вызвал такси.

– Это не лучший способ путешествовать. Если купите этого красавца, сможете с шиком вернуться в Висконсин, безо всяких поездов.

– И сколько вы за него просите? На ветровом стекле нет ценника.

– Потому что я выставил его на продажу только позавчера. Не успел написать. – Он достал сигареты. – Триста пятьдесят, но вот что я вам скажу: люблю поторговаться.

Я успел сжать зубы, иначе мое лицо вытянулось бы от удивления, и сказал, что подумаю и, если мысли потекут в правильном направлении, вернусь завтра.

– Лучше возвращайтесь пораньше, мистер Амберсон. Этот автомобиль долго здесь не простоят.

Меня это успокоило. В моем кармане лежали монеты, которыми я не мог оплатить звонок по телефону-автомату, рассчитывались здесь главным образом наличными, диски телефонов-автоматов странно шелкали при наборе номера, но хоть что-то не изменилось.

9

За рулем такси сидел толстяк в мятой шляпе, бейдж на которой гласил: «ЛИЦЕНЗИРОВАННЫЙ ПЕРЕВОЗЧИК». Он непрерывно курил «Лаки страйк» и отдавал предпочтение радиостанции Дабл-ю-джей-эй-би. Мы прослушали «Сладкое время» сестер Макгуайр, «Охотничью собаку» братьев Эверли и «Пожирателя фиолетовых людей» – последнюю спело некое существо по имени Шеб Вули. Без нее я вполне мог бы прожить. После каждой песни три девицы не самыми мелодичными голосами выводили: «Четыр-надцать со-рок, Дабл-ю-джей-эй-би-и-и... Биг-джейб!» Я узнал, что магазин «Романов» проводит ежегодную тотальную распродажу, а в универмаг «Вулвортс» поступили хула-хупы по смехотворной цене – доллар тридцать девять за штуку.

– Никакой пользы от этих чертовых шуток, только учат детей вихлять бедрами, – пробурчал таксист, позволяя окошку засосать пепел с его сигареты. Больше он по пути от «Тит Шеврон» до «Тамарак мотор корт» не произнес ни слова.

Я опустил стекло, чтобы хоть немного избавиться от сигаретного смога, и наблюдал проплывавший за окном другой мир. Жилых микрорайонов, соединивших Лисбон-Фоллс и Льюистон, еще не существовало. Сельский пейзаж Мэна нарушали лишь несколько запра- вочных станций и автокинотеатр «Хай-хэт» (афиша предлагала сдвоенный показ – «Голово- кружение» и «Долгое жаркое лето», оба широкоформатные и в цвете). Коровы встречались гораздо чаще, чем люди.

Гостиница для автомобилистов располагалась в стороне от шоссе, под сенью огром- ных, величественных вязов. Я вытаращился на них: конечно, не стадо динозавров, но близко к тому. Мистер Лицензированный Перевозчик закурил очередную сигарету.

– Отнести чемоданы, сэр?

– Нет, сам справлюсь.

Цифры на счетчике величественностью с вязами соперничать не могли, но говорили о том, что с меня взяли по двойному тарифу. Я дал таксисту два доллара и попросил пятьдесят центов сдачи. Его это вполне устроило: чаевых хватало на пачку «Лаки страйк».

10

Я получил номер (никаких проблем, наличные на стойку, удостоверения личности не требуется) и с удовольствием вздремнул в комнате, где система кондиционирования состояла из вентилятора на подоконнике. Проснулся посвежевшим (хорошо), да только потом выяс- нилось, что вечером уснуть не удастся (уже хуже). После заката автомобили по шоссе про- езжали очень редко, и глубокая тишина вызывала тревогу. Телевизор «Зенит» весил никак не меньше сотни фунтов. На нем стояла комнатная V-образная антенна, а рядом с ней – таб- личка: «НАСТРАИВАЙТЕ АНТЕННУ РУКОЙ! НЕ ИСПОЛЬЗУЙТЕ ФОЛЬГУ! ЗАРАНЕЕ БЛАГОДАРНЫ, АДМИНИСТРАЦИЯ».

Трансляцию вели только три канала. На Эн-би-си по экрану бежали помехи, как бы я ни крутил «рога». На Си-би-эс картинка плыла, и регулировка частоты кадров не помогала. А вот Эй-би-си претензий не вызывал. Показывали «Жизнь и легенду Уайатта Эрпа», с Хью О'Брайаном в главной роли. Он застрелил нескольких преступников, потом пошла реклама сигарет «Вайсрой». Стив Маккуин объяснил, что в сигаретах «Вайсрой» есть все: фильтр – для думающих, вкус – для курящих. Пока он закуривал, я поднялся с кровати и выключил телевизор.

Теперь тишину нарушал только стрекот цикад.

Я разделся до трусов, лег, попытался заснуть. Подумал об отце с матерью. Шестилет- ний папа жил в О-Клэре. Пятилетняя мама – в фермерском доме в Айове. Через три или четыре года дом сгорит дотла, и ее семья переберется в Висконсин, ближе к пересечению жизней родителей, которое со временем приведет к появлению... меня.

Я рехнулся, подумал я. Рехнулся и страдаю жуткими галлюцинациями в какой-то пси- хиатрической клинике. Возможно, какой-нибудь врач пишет обо мне статью в специализи- рованный журнал. Только называется она не «Человек, который принял жену за шляпу»⁴⁴, а «Человек, который думал, что он в 1958 году».

Но я пробежался рукой по шершавому покрывалу, которое еще не откинул, и понял, что все это правда. Подумал о Ли Харви Освальде – однако Освальд принадлежал будущему, и не он тревожил меня в этом музейном номере мотеля.

Я сел на край кровати, открыл портфель и вытащил мобильник, устройство, совершив- шее путешествие во времени и здесь абсолютно бесполезное. Однако не смог устоять: отки- нул крышку, включил. На дисплее высветилось: «СЕТЬ НЕДОСТУПНА». Естественно, а

⁴⁴ Книга английского невролога и психиатра Оливера Сакса.

чего я ожидал? Отличного приема? Жалобного голоса: «Возвращайся домой, Джейк, пока все не испортил»? Глупая, суеверная идея. Если я что-либо испорчу, то смогу все исправить, потому что каждое путешествие – сброс на ноль. Можно сказать, что путешествия во времени снабжены встроенным предохранителем.

Эта мысль грела душу, но наличие сотового телефона в мире, где цветной телевизор считался величайшим прорывом в области бытовой техники, тревожило. Меня бы не вздернули, как ведьмака, однако могли арестовать и держать в тюрьме до приезда из Вашингтона парней Дж. Эдгара Гувера, чтобы те со мной побеседовали.

Я положил мобильник на кровать, потом выгреб из правого кармана всю мелочь, разложил монеты на две кучки. Отчеканенные в пятьдесят восьмом и раньше вернулись в карман. Монеты из будущего я ссыпал в один из конвертов, найденных в ящике стола вместе с гидеоновской Библией и меню навynos от автокинотеатра «Хай-хэт». Потом оделся, взял ключ и вышел из номера.

За дверью стрекот цикад буквально оглушал. В небе висел огрызок луны. Звезды никогда еще не выглядели такими яркими и близкими. По дороге 196 проехал грузовик, затем все вновь стихло. Это была ночь в сельской местности, а сельская местность в столь поздний час спала. Где-то вдалеке локомотив грузового поезда свистком пробил во мраке дыру.

У мотеля стояли только два автомобиля, в номерах свет не горел. Как и в офисе. Ощущая себя преступником, я шагнул в простиравшееся за гостиницей поле. Высокая трава шуршала о мои джинсы, которые завтра я намеревался заменить новенькими банлоновыми брюками.

Проволочная изгородь отмечала границу «Тамарака». Чуть дальше был маленький пруд – селяне называют такие бассейнами. Рядом полдюжины коров спали в теплой ночи. Когда я пролез сквозь изгородь и направился к пруду, одна подняла голову. Потом потеряла ко мне интерес и даже не шелохнулась, когда моя «Нокиа» плюхнулась в воду. Я заклеил конверт с монетами и отправил его вслед за мобильником. Потом вернулся тем же путем, остановился позади мотеля, чтобы убедиться, что сельская местность по-прежнему спит. Она спала.

Я вошел в номер, разделся, лег и мгновенно заснул.

Глава 6

1

Тот же непрерывно кутивший таксист приехал за мной следующим утром. Когда он высадил меня у «Тит Шеврон», кабриолет стоял на прежнем месте. Я этого ожидал, но все равно ощутил облегчение. На этот раз я надел серый неприметный пиджак спортивного покроя, купленный в «Мейсоне». Во внутреннем кармане лежал новенький бумажник из страусиной кожи с пятью сотнями долларов. Тит подошел ко мне, вытирая руки, как мне показалось, все той же тряпкой.

– Утро вечера мудренее, и, проснувшись, я решил, что беру его.

– Это хорошо. – Он кивнул, а потом изобразил на лице сожаление. – Но у меня с утром та же история, мистер Амберсон, и, проснувшись, я понял, что вчера солгал вам, сказав, что могу поторговаться. Знаете, что я услышал за завтраком от жены, когда мы ели оладьи с беконом? Она сказала: «Билл, ты будешь чертовым дураком, если продашь этот «санлайнер» дешевле, чем за три с половиной сотни». Собственно, она сказала, что я уже чертов дурак, раз назвал такую низкую цену.

Я кивнул, словно и не ожидал ничего другого:

– Ладно.

На его лице отразилось изумление.

– Вот что я вам скажу, мистер Тит, – продолжил я. – Я могу выписать вам чек на триста пятьдесят долларов – хороший чек, здешнего отделения «Хоумтаун траст». Можете им позвонить и получить подтверждение. Или могу дать вам триста долларов наличными, которые прямо сейчас достану из кармана. Меньше бумажной волокиты. Что скажете?

Он улыбнулся, продемонстрировав на удивление белоснежные зубы.

– Скажу, что в Висконсине знают, как торговаться. За триста двадцать я прибавлю наклейку и временный номерной знак на четырнадцать дней.

– Триста десять.

– Ох, не заставляйте меня мучиться от стыда. – Но он не мучился, а наслаждался. – Добавьте пятерку, и по рукам.

Я протянул руку.

– Триста пятнадцать меня устроят.

– Заметано. – На этот раз он пожал мне руку, не вспомнив о масле. Кивнул на будку. Сегодня милашка с конским хвостом читала «Конфиденшэл». – Заплатите той молодой даме, которая, так уж вышло, моя дочь. Она выпишет вам квитанцию. Когда закончите, подъезжайте, и я прикреплю наклейку. Добавлю и бак бензина.

Через сорок минут я сидел за рулем «тряпичного форда» пятьдесят четвертого года выпуска, теперь принадлежавшего мне, и ехал на север, к Дерри. Я учился водить на автомобиле с механической коробкой передач, так что проблем не возникло, но впервые ехал на машине с переключателем скоростей на рулевой колонке. Поначалу это казалось странным, однако как только я к этому привык (потом еще пришлось привыкать к включению дальнего света левой ногой), мне понравилось. И Билл Тит оказался прав насчет второй передачи: на ней «санлайнер» летел как ветер. В Огасте я остановился только для того, чтобы сложить верх. В Уотервилле за девятью пять центов отлично пообедал мясным рулетом, получив заодно кусок яблочного пирога с шариком мороженого. По сравнению с этим обедом толстобургер стоил целое состояние. Я ехал, подпевая «Скайлайнерс», «Коустерс», «Дел-Викингс», «Элегантс». Светило теплое солнце, ветер ерошил мою новую короткую

стрижку, платная автострада (согласно рекламным щитам, «Дорога “Миля-в-минуту”») принадлежала практически мне одному. Все мои сомнения словно утонули в коровьем пруду вместе с мобильником и мелочью будущего. Я пребывал в превосходном настроении.

Пока не увидел Дерри.

2

Что-то было не так с этим городом, и, думаю, я понял это с первого взгляда.

Когда автострада «Миля-в-минуту» скукожилась до двух полос с заплатанным асфальтом, я свернул на шоссе 7, где-то в двадцати милях севернее Ньюпорта поднялся на холм – и увидел Дерри, громоздившийся на западном берегу Кендускига под дымным облаком, поднимавшимся из множества труб целлюлозных и текстильных фабрик, работавших на полную катушку. Через центр города тянулась неровная зеленая полоса. С такого расстояния она напоминала шрам. Вокруг этого неровного зеленого пояса простирались исключительно оттенки серого и черного, а небо над городом желтизной напоминало мочу, спасибо выбросам из всех этих труб.

Я проехал мимо нескольких придорожных ларьков, где продавали овощи и фрукты. Люди, стоявшие за прилавками и глазевшие на мой автомобиль, больше напоминали кровосмесительных уродов из фильма «Освобождение», чем фермеров Мэна. Когда я миновал последний ларек, с надписью «ПРИДОРОЖНАЯ ТОРГОВЛЯ ПРОДУКТАМИ БАУЭРСА», большой беспородный пес, похожий на внебрачного бульдожьего отпрыска, выбежал из-за корзин с помидорами, составленных друг на друга, и помчался за мной, лая, пуская слюну и пытаясь ухватить зубами задние колеса «санлайнера». В зеркало заднего вида я заметил, как к нему подошла худая женщина в комбинезоне и принялась лупить штакетиной.

В таком городе родился и рос Гарри Даннинг, и я возненавидел Дерри с первого взгляда. Без какой-то конкретной причины – возненавидел, и все. Центральный торговый район расположился в котловине между тремя крутыми холмами, и там я сразу ощутил клаустрофобию, словно попал на дно колодца. Мой вишнево-красный «форд» слишком выделялся на улице – отвлекающий (и нежеланный, судя по взглядам, которые он притягивал) цветной мазок на фоне черных «плимутов», коричневых «шевроле» и грязных автофургонов. Через центр города протекал канал, черная вода чуть не выплескивалась через замшелые бетонные стены.

Я нашел место для парковки на Кэнал-стрит. Час стоянки стоил пять центов. Я забыл купить шляпу в Лисбон-Фоллс, и через два или три магазина увидел нужный. Назывался он «Выходная и повседневная одежда. Самая изящная галантерея центрального Мэна». Вряд ли у него были конкуренты.

Я припарковался перед аптекой и, выйдя из «санлайнера», остановился, чтобы прочитать объявление в витрине. Каким-то образом оно обобщало чувства, которые я испытывал к Дерри – глубокое недоверие, ощущение едва сдерживаемой жестокости, – лучше, чем что-либо еще в этом городе, где я прожил почти два месяца. Мне не понравилось все, за исключением нескольких человек, с которыми довелось познакомиться. Объявление гласило:

**МЕЛКОЕ ВОРОВСТВО – это НЕ ХОХМА, НЕ
ПРИКОЛ и НЕ ЗАБАВА! МЕЛКОЕ ВОРОВСТВО –
это ПРЕСТУПЛЕНИЕ, И МЫ ПОДАДИМ В СУД.**

**НОРБЕРТ КИН,
ВЛАДЕЛЕЦ и УПРАВЛЯЮЩИЙ.**

И я ни на секунду не усомнился, что тощий мужчина в очках и белом халате, смотревший на меня через витрину, и есть мистер Кин. На его лице не читалось: *Заходи, незнакомец, пройдишь по торговому залу и купи что-нибудь, хотя бы стакан газировки с сиропом.* Эти суровые глаза и поджатые губы говорили другое: *Уходи. Для таких, как ты, здесь ничего нет.* Какая-то часть меня твердила, что это выдумки, но я знал: это правда. Ради эксперимента я приветственно вскинул руку.

Мужчина в белом халате не ответил.

До меня дошло, что канал, который я видел, проходит под расположенным в котловине центром города и сейчас я прямо на нем и стою. По вибрации тротуара я чувствовал ногами бег воды. Неприятное ощущение, будто часть земной тверди размягчилась.

В витрине «Выходной и повседневной одежды» стоял мужской манекен в смокинге, с моноклем в глазу и школьным выпелом в пластмассовой руке. На выпеле я прочитал: «“ТИГРЫ” ДЕРРИ ЗАГРЫЗУТ “БАНГОРСКИХ БАРАНОВ”!» Подумал, что это уж чересчур, хотя мне нравится боевой дух школьных команд. Побить «Бангорских баранов» – куда ни шло... Но грызть их?

Всего лишь оборот речи, сказал я себе и вошел.

Продавец с висевшим на шее сантиметром направился ко мне. Он был одет не в пример лучше меня, но в свете тусклых потолочных ламп его кожа отливала желтизной. У меня возникло нелепое желание спросить: *Вы продадите мне красивую соломенную летнюю шляпу, или лучше сразу катиться к чертовой матери?* Но тут он улыбнулся, спросил, чем может мне помочь, и все вроде бы вернулось в привычную колею. Искомый предмет нашелся, и я приобрел его за три доллара семьдесят центов.

– Жаль, что походить в ней вам удастся очень короткое время, до наступления холодов, – вздохнул он.

Я надел шляпу, поправил ее перед стоявшим за прилавком зеркалом.

– Может, в этом году нас ждет долгое бабье лето.

Осторожно, почти извиняясь, он изменил наклон шляпы. Буквально на чуть-чуть, но я перестал казаться деревенщиной, приехавшим в большой город, а превратился... ну, в элегантно одетого путешественника во времени из центрального Мэна. Я поблагодарил продавца.

– Пустяки, мистер?..

– Амберсон. – Я протянул руку. Он коротко и вяло пожал ее. По ощущениям, его ладонь была присыпана тальком. Я едва поборол желание вытереть руку о пиджак.

– В Дерри по делам?

– Да. А вы местный?

– Живу с рождения, – ответил продавец и вздохнул, словно здешняя жизнь – тяжелая ноша. Исходя из моих первых впечатлений я предположил, что, возможно, так оно и есть. – Чем занимаетесь, мистер Амберсон, если не сочтете мой вопрос бестактным?

– Торговля недвижимостью. Но пока я здесь, хочу заодно найти моего давнего армейского друга. По фамилии Даннинг. Имени не помню, но мы обычно называли его Скип.

Скипа я придумал на ходу, а вот имени отца Гарри Даннинга правда не знал. В своем сочинении Гарри перечислил имена братьев и сестры, но мужчину с молотком называл исключительно «мой отец» или «мой папа».

– Боюсь, ничем не смогу вам помочь, сэр. – Голос продавца звучал отстраненно. Нас больше ничего не связывало, и, пусть магазин пустовал, он хотел, чтобы я ушел.

– Что ж, возможно, вы поможете мне в другом. Подскажите лучший отель в городе.

– Конечно же, «Дерри-таунхаус». Пройдите назад по Кендускиг-авеню, поверните направо, потом вверх по Подъему-в-миллю, это часть Главной улицы. Отель вы узнаете по каретным фонарям.

– Подъему-в-миллю?

– Так мы его называем, сэр. Если у вас больше нет вопросов, у меня дела в подсобке.

Когда я вышел из магазина, небо начало темнеть. И это очень четко отпечаталось у меня в памяти: в сентябре и октябре пятьдесят восьмого года, которые я провел в Дерри, вечер, казалось, всегда наступал раньше положенного.

Через один магазин от «Выходной и повседневной одежды» я увидел «Спортивные товары Мейкена», где проводилась «ОСЕННЯЯ РАСПРОДАЖА ОРУЖИЯ». Двое мужчин целились из охотничьих карабинов, а пожилой продавец в галстук-шнурке (на шее-тростинке) одобрительно на них смотрел. На другой стороне канала теснились бары для рабочего люда, из тех, где можно купить пиво и стопку крепкого за пятьдесят центов, а музыкальные автоматы «Рок-Ола» всегда играют только кантри. Назывались они «Уголок счастья», «Источник желаний» (завсегдатаи, как я потом выяснил, называли его «Ведром крови»), «Два брата», «Золотая стойка» и «Сонный серебряный доллар».

У последнего стояли четверо «синих воротничков», дышали послеполуденным воздухом и смотрели на мой кабриолет. Каждый с кружкой пива и сигаретой. Лица затенены козырьками твидовых кепок. На ногах – большие рабочие ботинки неопределенного цвета, которые мои ученики две тысячи одиннадцатого года называли говнодавами; трое – в подтяжках. Бесстрастные взгляды впились в меня. Я подумал о дворняге, которая бежала за моим автомобилем, лая и пуская слюну, потом пересек улицу.

– Господа, какое тут разливают пиво? – спросил я.

Молчание. Когда я уже отчаялся получить ответ, Бесподтяжечник сподобился разлепить губы.

– «Буд» и «Мик»⁴⁵, какое еще? Ты откуда?

– Висконсин.

– Вот радость-то, – пробурчал другой.

– Поздно для туристов, – добавил третий.

– Я в городе по делам, но подумал, что могу поискать старого армейского друга, раз уж я здесь. – Нет ответа, если не считать таковым окурок, брошенный одним из мужчин на тротуар и затушенный плевром размером с небольшую мидию. Тем не менее я продолжил: – Его зовут Скип Даннинг. Кто-нибудь из вас, часом, не знает Даннинга?

– Охота целоваться со свиньей? – осведомился Бесподтяжечник.

– Простите?

Он закатил глаза, уголки его рта опустились, выражение лица однозначно говорило, что перед ним тупица, которому уже не суждено поумнеть.

– В Дерри полно Даннингов. Загляни в чертов телефонный справочник. – Он направился к двери бара. Его команда последовала за ним. Бесподтяжечник открыл дверь, пропуская их, повернулся ко мне.

– Что в этом «форде»? Восьмицилиндровый?

– «Уай-блок», – ответил я таким тоном, будто знаю, о чем говорю.

– Едет быстро?

– Вполне.

– Тогда, может, тебе сесть в него и подняться на холм? Там есть отличные кабаки. Эти бары – для рабочих. – Бесподтяжечник говорил со мной холодным тоном, с которым я так и не свыкся, хотя постоянно сталкивался с ним в Дерри. – На тебя тут поглядывают. И возможно, будут не только поглядывать, когда закончится смена на «Страйре» и «Бутильере».

– Спасибо. Вы очень добры.

Холода во взгляде не убавилось.

⁴⁵ Сокращенные названия популярных марок пива «Будвайзер» и «Микелоб».

– Ты вообще не понял, да? – бросил он и скрылся в баре.

Я вернулся к кабриолету. С этой серой улицы, пропитанной промышленной вонью, в начавшем угасать дневном свете центр Дерри казался чуть привлекательнее мертвой шлюхи на церковной скамье. Я сел за руль, выжал сцепление, завел двигатель и ощутил сильное желание уехать отсюда. Вернуться в Лисбон-Фоллс, подняться через «кроличью нору» и предложить Элу Темплтону найти другого парня. Только он бы не смог, верно? Его силы иссякли. Да и время подходило к концу. Так что я для него – последний патрон охотника, как говорят в Новой Англии.

Я поехал вверх по Главной улице, увидел каретные фонари (они зажглись в тот самый момент, когда я их заметил) и свернул на разворотный круг перед отелем «Дерри-таунхаус». Пятью минутами позже получил ключ от номера. Так началось мое пребывание в Дерри.

3

К тому времени как я распаковал свои новые вещи (часть оставшихся наличных переключала в бумажник, остальные – за подкладку чемодана), мне уже захотелось поесть, но прежде чем спуститься в ресторан и пообедать, я заглянул в телефонный справочник. И мое сердце упало. Мистер Бесподтяжечник оказал мне не слишком теплый прием, но насчет Даннингов оказался прав: их хватало с лихвой, что в городе, что в четырех или пяти поселках, тоже включенных в справочник. Набралось почти на целую страницу. Наверное, не следовало этому удивляться, потому что в маленьких городках некоторые фамилии множатся, как одуванчики на июньской лужайке. За пять лет преподавания английского и литературы в ЛСШ мне пришлось иметь дело с двумя десятками Старбердов и Лемке. Среди них встречались родные братья и сестры, а также двоюродные, троюродные и так далее. Они женились друг на друге и плодили новых Старбердов и Лемке.

Прежде чем отправиться в прошлое, мне бы выкроить время, чтобы позвонить Гарри Даннингу и узнать, как звали его отца... Это бы все упростило. Я бы и позвонил, если бы Эл меня не заморозил. «Но, – подумал я, – так ли все сложно?» Не требовалось быть Шерлоком Холмсом, чтобы найти семью с детьми, которых звали Трой, Артур (он же Тагга), Эллен и Гарри.

С этой подбодрившей меня мыслью я отправился в ресторан отеля, заказал обед из морепродуктов и получил моллюсков и лобстера размером с навесной лодочный мотор. От десерта отказался в пользу пива, которое решил выпить в баре. В прочитанных мной детективах бармены зачастую являли собой бесценный источник информации. Хотя, разумеется, если работник «Таунхауса» ничем не отличается от прочих моих знакомцев в этом городе, мне ничего не обломится.

Предчувствия не оправдались. За стойкой полировал стаканы молодой крепкий парень, коротко стриженный, с круглым лицом.

– Что я могу вам предложить, друг?

Слово на букву «д» мне определенно понравилось, и я широко улыбнулся в ответ.

– «Миллер лайт»?

На его лице отразилось недоумение.

– Никогда о таком не слышал, но у меня есть «Хай лайф»⁴⁶.

Разумеется, он не слышал о «Миллер лайт», потому что его еще не изобрели.

– Прекрасно. На секунду забыл, что нахожусь на Восточном побережье.

– Откуда вы? – Он скинул крышку открывалкой и поставил передо мной заиндевелый стакан.

⁴⁶ Марка пива.

– Из Висконсина, но какое-то время побуду здесь. – Хотя бар пустовал, я понизил голос, чтобы наладить доверительные отношения. – Занимаюсь торговлей недвижимостью. Хочу тут что-нибудь приглядеть.

Он уважительно кивнул и наполнил мой стакан, прежде чем я успел протянуть руку к бутылке.

– Вам повезло. Бог свидетель, здесь много чего продается, и по большей части дешево. Я и сам уезжаю. В конце месяца. Переберусь в город, где поменьше злобы.

– Да, с радушием здесь не очень, но я думал, это обычное для янки дело. В Висконсине мы более дружелюбные, и чтобы это доказать, я угощу вас пивом.

– На работе никакого алкоголя, но я могу выпить колу.

– Валяйте.

– Премного благодарен. В спокойный вечер так приятно пообщаться с джентльменом. – Я наблюдал, как он делает колу: наливает в стакан сироп, добавляет содовой, помешивает. Затем отпивает маленький глоток, чмокает губами. – Люблю сладкое.

Внушительный живот служил наглядным подтверждением.

– Разговоры о том, что янки заносчивые, – чушь собачья, – продолжил он. – Я вырос в Форк-Кенте, и более дружелюбного городка вам не сыскать. Когда туристы из Бостона и той части штата Мэн, что примыкает к Массачусетсу, приезжают к нам, мы их чуть ли не целуем при встрече. Там я закончил школу барменов, потом отправился на юг зарабатывать деньги. Это место мне приглянулось, жалованье предложили неплохое, но... – Он огляделся, никого не увидел, однако все равно понизил голос. – Хотите правду, Джексон? Этот город смердит.

– Я понимаю, о чем вы. Все эти фабрики.

– Если бы только это. Оглянитесь. Что вы видите?

Я выполнил его просьбу. Увидел мужчину, похоже, коммивояжера, сидевшего в углу со стаканом виски с лимонным соком, – и больше ничего.

– Негусто.

– Так здесь всю неделю. Жалованье хорошее, потому что нет чаевых. Пивные в центре города процветают, а к нам кто-то заглядывает по пятницам и субботам, в остальные же дни – пустота. Те, кто мог бы позволить себе прийти сюда, пьют дома. – Он еще понизил голос и теперь почти шептал: – Лето выдалось плохим, друг мой. Местные стараются все замять... В газете об этом особо не писали... Но здесь творилось что-то ужасное. Убийства. Минимум полдесятка. Дети. Недавно одного нашли на Пустоши. Патрика Хокстеттера, так его звали. Совсем разложившегося.

– На Пустоши?

– Это болотистая низина, что тянется через центр города. Вы, вероятно, видели ее, когда подлетали.

Я приехал на автомобиле, но все равно понял, о чем он.

Бармен округлил глаза.

– Так вас интересует эта недвижимость?

– Не могу ответить на этот вопрос. Если пойдут разговоры, мне придется искать новую работу.

– Понимаю, понимаю. – Он выпил половину стакана, потом подавил отрыжку, прикрыв рот рукой. – Но я надеюсь, что все сложится. Ее должны засыпать. Там только болотная жижа да комары. Вы окажете городу услугу. Вдохнете в него новую жизнь.

– Других детей тоже там нашли? – спросил я. Мрачное настроение горожан, которое я почувствовал по приезде, могло объясняться шныряющим по Дерри серийным убийцей детей.

– Насколько я знаю, нет. Говорят, некоторые из пропавших лазили туда, потому что там находятся большие насосные станции, перекачивающие сточные воды. Я слышал, что

под Дерри много канализационных коллекторов, большинство построили во время Великой депрессии, и никто в точности не знает, где они проходят. Сами знаете, какие они, дети.

– Любители приключений.

Он энергично кивнул:

– Верно, Эвершарп⁴⁷. Некоторые говорят, что это бродяга, который перебрался в другое место. Другие утверждают, что убийца – местный, переодевавшийся клоуном, чтобы его не узнали. Первую из жертв – в прошлом году, до моего приезда сюда – нашли на пересечении Уитчем и Джексон. Без руки. Его звали Денбро. Джордж Денбро. Бедный малый. – Бармен многозначительно посмотрел на меня. – Нашли рядом с одним из водосточков, через которые вода сбрасывается в Пустошь.

– Господи.

– Вот именно.

– Однако, как я заметил, вы использовали прошедшее время.

Я уже собрался объяснить, о чем речь, но, вероятно, этот парень на уроках английского языка слушал так же внимательно, как и в школе барменов.

– Вроде бы убийства прекратились, постучим по дереву. – Он постучал по стойке. – Может, тот, кто это делал, собрал манатки и убрался. А может, этот сукин сын покончил с собой, иногда они так поступают. И это хорошо. Но маленького Коркорэна убил не маньяк в наряде клоуна. Клоуном, совершившим это убийство, оказался, не поверите, его отец.

И я приехал в Дерри, чтобы предотвратить аналогичное преступление. Выходило, что это скорее судьба, чем совпадение. Я глотнул пива.

– Неужели?

– Будьте уверены. Дорси Коркорэн, так звали мальчонку. И знаете, что отец сделал с четырехлетним малышом? Забил насмерть безоткатным молотком.

Молотком. Он сделал это молотком. Я старался изображать вежливый интерес – во всяком случае, надеялся, что на моем лице читается вежливый интерес, – но чувствовал, как по коже бегут мурашки.

– Это ужасно.

– Да, и это еще не... – Бармен замолчал, посмотрел за мое плечо. – Налить вам еще, сэр?

Он обращался к мужчине, прежде сидевшему в углу.

– Мне нет. – Тот протянул долларовую бумажку. – Сейчас пойду спать, а завтра отсюда свалю. Надеюсь, в Уотервилле или Огасте помнят, как заказывать скобяные товары. Сдачу оставь, купишь себе «десото»⁴⁸. – Он вышел с опущенной головой.

– Видите? Идеальный пример того, что мы имеем в этом оазисе. Один стаканчик, потом в постель, еще увидимся, до скорого. Если так пойдет и дальше, в этом городишке останутся одни призраки. – Бармен выпрямился в полный рост и попытался расправить плечи, круглые, как и все остальное. – Но мне-то что? Первого октября я уйду. Пока-пока. Счастливо оставаться, до новой встречи.

– Отец этого мальчонки, Дорси... Других он не убивал?

– Нет, у него железное алиби. Теперь я вспомнил, не отец, а отчим. Дикки Маклин. Джонни Кисон с регистрационной стойки – он, вероятно, оформлял вам номер – рассказывал мне, что Дикки раньше приходил сюда и выпивал, но его перестали пускать в бар: он попытался снять официантку и начал буянить, когда она послала его понятно куда. После этого, как я понимаю, он пил в «Стойке» или в «Ведре». Там принимают всех.

Бармен наклонился ко мне так близко, что я смог уловить аромат «Аква велвы».

⁴⁷ Идиома, берущая начало от радиовикторины «Берешь или оставляешь» (1940–1950), которую спонсировала компания по производству механических карандашей и авторучек «Эвершарп». Во время викторины постоянно повторялся лозунг «Пиши “Эвершарп”». В силу одинакового произношения слов «right» и «write» появилась вышеуказанная идиома.

⁴⁸ Модельный ряд автомобилей компании «Крайслер».

– Хотите узнать худшее?

Я не хотел, но понимал, что надо. Поэтому кивнул.

– В этой несчастной семье был еще *старший* ребенок. Эдди. Он исчез в июне. Испарился. Ушел, подевался неизвестно куда, если вы понимаете, о чем я. Некоторые думали, что он убежал от Маклина, но любой здравомыслящий человек понимает: тогда пацан объявился бы в Портленде, или в Касл-Роке, или в Портсмуте. Десятилетний малец не может слишком долго не попадаться никому на глаза. Если вы хотите знать мое мнение, Эдди Коркорэн тоже познакомился с молотком, как и его младший брат. Маклин просто в этом не сознался. – Бармен улыбнулся, внезапно и лучезарно, отчего его лунообразное лицо стало почти красивым. – Отговорил я вас от покупки недвижимости в Дерри, мистер?

– Это вопрос не ко мне, – автоматически ответил я, думая о другом. Слышал ли я прежде о маньяке, убивавшем детей в этой части Мэна? Может, видел по телику, глядя в него одним глазом и прислушиваясь к звукам на улице: не идет ли моя поддатая жена, пошатываясь после очередного «выхода в свет»? Вроде бы да, но точно я о Дерри помнил только одно: наводнение в середине восьмидесятых уничтожило полгорода.

– Не отговорил?

– Это не ко мне.

– Не к вам?

– Видите ли, я всего лишь посредник.

– Что ж, удачи вам. Сейчас в городе не так плохо, как прежде... В прошлом июле люди зажимались, как Дорис Дэй⁴⁹ в поясе верности... Но до процветания еще топать и топать. Я парень дружелюбный и люблю дружелюбных людей. Потому и сматываюсь.

– Удачи и вам. – Я поднялся, положил на стойку два доллара.

– Ой, сэр, это очень много.

– Я всегда приплачиваю за хороший разговор. – Если честно, приплатил я за дружелюбное лицо. Разговор меня только встревожил.

– Что ж, спасибо! – Он просиял, протянул руку. – Я не представился. Фред Туми.

– Рад познакомиться с вами, Фред. Джордж Амберсон. – Его рукопожатие мне понравилось. Никакой присыпки.

– Хотите совет?

– Само собой.

– Пока вы в городе, остерегайтесь заговаривать с детьми. После этого лета незнакомому человеку, обратившемуся к ребенку, придется объясняться с полицией. Или его могут побить. Вполне вероятно.

– Даже если он не в костюме клоуна?

– В этом и беда. – Улыбка погасла, он побледнел и нахмурился, став похожим на горожан Дерри. – Когда вы надеваете клоунский костюм и резиновый нос, никто понятия не имеет, что под ними.

4

Я думал об этом, пока старинный лифт, потрескивая, поднимал меня на третий этаж. По всему выходило, что Фред Туми говорил правду. И что удивительного, если еще один отец примется охаживать семью молотком? Да ничего. Скажут: «Очередное подтверждение того, что Дерри – это Дерри». И пожалуй, будут правы.

⁴⁹ Американская певица и актриса. На экране не позволяла никакой фривольности. Дело дошло до того, что в конце 1960-х критики и репортеры окрестили Дорис «всемирной старой девой».

Когда я входил в номер, мне в голову пришла по-настоящему жуткая мысль: а если за следующие семь недель я изменю ситуацию так, что старший Даннинг убьет Гарри, вместо того чтобы оставить его хромоногим кретином?

Этому не бывать, заверил я себя. *Я этого не допущу. Как сказала в 2008-м Хиллари Клинтон: «Я ввязываюсь в это, чтобы победить».*

Да только, разумеется, она проиграла.

5

Наутро я позавтракал в ресторане «Риверсайд» на первом этаже отеля. Компанию мне составлял только коммивояжер, которого я видел прошлым вечером. Он сидел, уткнувшись в городскую газету. Когда ушел, оставив газету на столе, я тут же ее схватил. Меня не интересовала первая страница, посвященная бряцанию оружием на Филиппинах (хотя и возникла мысль, а может, Освальд сейчас именно там), поэтому я сразу раскрыл раздел местных новостей. В 2011-м я постоянно читал «Льюистон сан джорнал», и в ней последняя страница этого раздела всегда называлась «Дела школьные». Здесь распираемые гордостью родители могли увидеть имена своих детей, если они в чем-то где-то победили, или отправились в поход, или участвовали в субботнике по уборке мусора. Имейся аналогичная страница в «Дерри дейли ньюс», я, возможно, отыщу одного из детей Даннинга.

Но последнюю страницу в «Ньюс», увы, отвели под некрологи.

Я просмотрел спортивные сводки, прочитал о грядущем футбольном матче, «Тигры Дерри» против «Баранов Бангора». Трою, согласно сочинению уборщика, исполнилось пятнадцать. Пятнадцатилетний парень вполне мог входить в команду, но наверняка не в стартовый состав.

Я не нашел Даннингов в статьях о предстоящем матче и, хотя внимательно прочитал небольшую заметку о детской футбольной команде («Тигрятах»), не встретил восьмилетнего Артура Даннинга по прозвищу Тагга.

Заплатив за завтрак, я поднялся в свой номер, сунув позаимствованную газету под мышку, думая о том, что детектив из меня никудышный. И вот какая мысль пришла мне в голову после того, как я сосчитал Даннингов в телефонном справочнике (девяносто шесть): Интернет, на который я всецело полагался и который принимал как само собой разумеющееся, заковал меня в кандалы, а то и вообще превратил в калеку. Как бы я отыскал семью Даннингов в 2011 году? Скорее всего набрал бы «Тагга Даннинг» и «Дерри» в адресной строке моего любимого поисковика. Нажал бы клавишу «ввод» – и «Гугл», Старший Брат двадцать первого века, позаботился бы об остальном.

Но в Дерри пятьдесят восьмого компьютеры занимали небольшой жилой микрорайон, а местная газета ничем не могла помочь. Что же оставалось? Я вспомнил совет профессора социологии из колледжа, ехидного старикашки: *Если во всем облом, сдавайся и иди в библиотеку.*

Я пошел.

6

Во второй половине дня, обескураженный (по крайней мере на данный момент), я медленно продвигался вверх по Подъему-в-миллю. Немного задержался на пересечении Джексон и Уитчем, чтобы взглянуть на водосток, рядом с которым маленький мальчик по имени Джордж Денбро потерял руку и жизнь (если верить рассказу Фреда Туми). Когда я поднялся на вершину холма, сердце колотилось и мне было тяжело дышать. Не потому, что потерял форму: сказывался грязный вонючий воздух.

Я ощущал разочарование и... испуг. Конечно, мне еще хватало времени, чтобы разыскать семью Даннингов, и я не сомневался, что смогу обзвонить всех перечисленных в телефонном справочнике, если до этого дойдет, даже с риском вызвать подозрения у отца Гарри, ходячей бомбы с часовым механизмом, – но я начал осознавать, откуда у Эла взялось ощущение, будто что-то работает против него.

Я шагал по Канзас-стрит и так глубоко задумался, что не заметил, как дома справа закончились. Земля теперь круто уходила вниз в зеленое, болотистое буйство, которое Туми назвал Пустошью. Только хлипкое, выкрашенное в белый цвет ограждение отделяло тротуар от склона. Я положил руки на перила, всмотрелся в изумрудное царство внизу. Разглядел поблескивающие озера мутной стоячей воды, высоченные, почти доисторические камыши, заросли колючих кустов. Чахлые деревья боролись за место под солнцем. Я не сомневался, что найду внизу ядовитый плющ, мусор, вполне вероятно, шалаши каких-нибудь бродяг, а также тропы, которые знали только местные подростки. Искатели приключений.

Я стоял и смотрел, но ничего не видел, ушел в себя, слышал, едва осознавая, музыку... что-то такое с духовыми инструментами. Думал о том, как мало продвинулся за это утро. *Ты можешь изменить прошлое*, говорил мне Эл, *но это не так легко, как кажется*.

Что же это за музыка? Что-то веселое, заводное. Оно навело меня на мысли о Кристи, о наших первых днях вместе, когда она кружила мне голову. Когда мы кружили голову друг другу. *Ба-да-да... ба-да-дэ-ди-дам...* Может, Гленн Миллер?

Я пошел в библиотеку, чтобы ознакомиться с протоколами переписи. Последняя общенациональная перепись проводилась восемью годами ранее, в 1950-м, и могла зафиксировать только троих из четырех детей Даннингов: Троя, Артура и Гарольда. Эллен, которой в год убийств исполнилось семь, еще не родилась. И разумеется, я нашел бы адрес. Конечно, за прошедшие восемь лет семья могла переехать, но в таком случае кто-нибудь из соседей подсказал бы мне куда: городок-то маленький.

Однако протоколов переписи в библиотеке не оказалось. Библиотекарь, очень милая женщина по имени миссис Старрет, объяснила, что протоколам, по ее мнению, *самое место* в библиотеке, но городской совет по какой-то причине решил, что они должны храниться в муниципалитете. И все бумаги перевезли туда в 1954 году.

– Звучит не очень, – улыбнулся я. – Вы же знаете, как говорят: с муниципалитетом не повоюешь.

Ответной улыбки от миссис Старрет я не дождался. Она старалась помочь, выказывала радушие, но и в ней чувствовалась настороженная сдержанность, как и во всех остальных, встреченных мной в этом странном городе. Фред Туми являл собой то самое исключение, которое подтверждает правило.

– Ну что вы такое говорите, мистер Амберсон. В протоколах национальной переписи нет ничего секретного. Отсюда вы прямиком пойдете в муниципалитет и скажете начальнику канцелярии, что вас послала Реджина Старрет. Ее зовут Марша Гуэй. Она вам поможет. Хотя протоколы, думаю, хранятся в подвале, а это, конечно же, неправильно. Прежде всего сырость, да еще, возможно, мыши. Меня это не удивит. Если возникнут какие-нибудь проблемы – любые проблемы, – возвращайтесь сюда и скажите мне.

Я пошел в муниципалитет, в вестибюле которого увидел плакат: «РОДИТЕЛИ, НАПОМИНАЙТЕ СВОИМ ДЕТЯМ, ЧТО ОНИ ДОЛЖНЫ ИГРАТЬ ТОЛЬКО С ДРУЗЬЯМИ И НЕ РАЗГОВАРИВАТЬ С НЕЗНАКОМЦАМИ». Несколько человек стояли в очереди к различным окошкам (большинство курили – само собой). Марша Гуэй приветствовала меня смущенной улыбкой. Миссис Старрет позвонила ей заранее и, не сомневаюсь, пришла в ужас, узнав от мисс Гуэй, что протоколов переписи пятидесятого года больше нет, как и всех документов, хранившихся в подвале муниципалитета.

– В прошлом году шли ужасные дожди, – поведала мне мисс Гуэй. – Целую неделю. Канал вышел из берегов, Нижний город – так старожилы называют центр, мистер Амберсон, – затопило. И все в Нижнем городе. Наш подвал почти месяц напоминал Большой канал в Венеции. Миссис Старрет права, эти протоколы не следовало забирать из библиотеки, и никто, похоже, не знает, почему их забрали и кто отдал такое распоряжение. Я очень сожалею, мистер Амберсон.

Тут уж я не мог не испытать то, что ощущал Эл, когда пытался спасти Каролин Пулин: я словно находился в тюрьме с эластичными стенами. И что теперь? Ходить по местным школам в поисках мальчишки, похожего на шестидесятилетнего уборщика, который только что вышел на пенсию? Или сосредоточиться на семилетней девочке, которая могла рассмешить одноклассников до колик? Надеяться, что кто-нибудь крикнет: *Эй, Тагга, подождешь меня?*

Дельная мысль. Особенно с учетом висевшего в вестибюле муниципалитета плаката, предупреждавшего родителей об опасных незнакомцах. Если я хочу привлечь внимание полиции, лучшего способа не найти.

Одно я знал точно: из «Дерри-таунхаус» надо съезжать. По ценам пятьдесят восьмого года я мог жить там неделями, но пошли бы разговоры. Я решил просмотреть объявления и найти комнату, чтобы снять на месяц-другой. Повернулся к Нижнему городу, остановился.

Ба-да-да... ба-да-дэ-ди-дам.

Точно Гленн Миллер. «В настроении» – композиция, которую я знал очень хорошо. Заинтригованный, я пошел на звуки музыки.

7

Хлипкое ограждение привело меня к небольшой площадке для пикника, расположившейся между Канзас-стрит и склоном, уходившим в Пустошь. На площадке стояли каменный мангал для жарки мяса и два столика, плюс ржавая урна. На одном из столиков возвышался переносной проигрыватель с большой черной пластинкой на семьдесят восемь оборотов.

На траве танцевали неуклюжий подросток в очках с обмотанной изолентой дужкой и совершенно фантастическая рыжеволосая девочка. В ЛСШ мы называли таких «междоулетки». Но танцевали они по-взрослому. Причем не просто дергались под быструю музыку – танцевали свинг. Они зачаровали меня, но при этом... что? Испугали? Скорее да, чем нет. Практически все время, проведенное в Дерри, меня не покидал страх. Однако тут я столкнулся с чем-то еще, чем-то значимым. Словно оказался на пороге какого-то открытия. Или всматривался (сквозь тусклое стекло⁵⁰, вы понимаете) в механизм мироздания.

Потому что я встретил Кристи в классе свинга в Льюистоне, и мы учились танцевать, в том числе и под эту композицию. Позже, в наш лучший год, шесть месяцев до свадьбы и шесть после, мы танцевали на турнирах, один раз заняли четвертое место (по словам Кристи, «первое среди прочих») на Новоанглийском соревновании по танцам в стиле свинг. Нашей песней была чуть замедленная версия «Буги шуз» «Кей-Си энд Саншайн бэнд».

Это не совпадение, думал я, наблюдая за ними, парнишкой в джинсах и футболке с круглым вырезом под горло и девчонкой в белой блузке навыпуск и вылинявших красных капри. Потрясающие волосы собраны на затылке в конский хвост – точно так же делала Кристи, когда мы выступали на турнирах. Только она надевала длинные белые гольфы и классическую юбку с пуделем⁵¹.

Это не может быть совпадением.

⁵⁰ «Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло...» – Первое послание к коринфянам, 7:12.

⁵¹ Широкая одноцветная юбка из фетра, обычно с аппликацией, изображающей французского пуделя.

Они исполняли танец из «Все кувыркком», ту разновидность свинга, что зовется линди. По замыслу это быстрый танец – его исполняют со скоростью молнии, если хватает сил и грации, – но парочка двигалась медленно, потому что разучивала шаги. Я видел каждое движение изнутри. Знал их все, хотя не танцевал свинг уже лет пять, а то и больше. Партнеры идут вместе, взявшись за руки. Он чуть наклоняется и бьет по воздуху левой ногой. Она делает то же самое. Оба сгибаются в талии, словно собираясь разойтись в разные стороны, отдаляются друг от друга, по-прежнему со сцепленными руками. Потом она резко поворачивается, сначала налево, потом направо...

Но с обратным поворотом у них не вышло, и она плюхнулась на траву.

– Господи, Ричи, ты никогда не сделаешь это правильно! Боже, это безнадежно! – Однако она смеялась. Потом легла на спину, уставившись в небо.

– Я осень извиняюсь, мисс Скавлетт, – пронзительно заверещал парнишка голосом пиканинни⁵², который к политкорректному двадцать первому столетию давно уже отправили на дно морское, крепко привязав к чугунному ядру. – Я всего лишь необразованный деревенщина. Но я буду уситься етому танцу, даже если он вышибет из меня дух!

– Если из кого и вышибет, так это из меня, – ответила она. – Ставь пластинку сначала, пока я не потеряла... – Тут они оба увидели меня.

Странный момент. В Дерри существовал некий незримый барьер. Я буквально видел его. Местные находились по одну сторону, чужаки (вроде Туми, вроде меня) – по другую. Иногда местные выходили из-за барьера, как миссис Старрет, библиотекарь, возмущенная передачей в муниципалитет протоколов переписи, – но если ты задавал много вопросов или заставлял кого-то врасплох, он сразу же прятался.

А тут, пусть я и свалился как снег на голову, детки не спрятались. Их лица остались совершенно открытыми, полными любопытства и интереса.

– Извините, извините, – первым заговорил я. – Не хотел вас пугать. Услышал музыку, а потом увидел, как вы танцуете линди-хоп.

– Вы хотите сказать, *пытаемся* танцевать линди-хоп, – поправил меня парнишка. Помог девушке встать. Поклонился. – Ричи Тозиер, к вашим услугам. Мои друзья говорят: «Ричи-Рич – подзаборная дичь», – но что они понимают?

– Приятно с тобой познакомиться, – ответил я. – Джордж Амберсон. – И тут у меня вырвалось: – Мои друзья говорят: «Джорджи-Джордж – морщинистый морж», – но они тоже ничего не понимают.

Девочка, хохоча, уселась на одну из скамеек. Парнишка вскинул руки и завопил:

– Странный взрослый выдал классный прикол! Круто-круто-круто! Прэ-э-элестно! Эд Макмейхон, что у нас есть для этого удивительного человека? Что ж, Джонни, сегодняшний приз в телевикторине «Кому вы доверяете» – полный комплект энциклопедии «Британника», пылесос «Электролюкс», чтобы всасывать все, что...

– Бип-бип, Ричи. – Девочка вытирала катившиеся из глаз слезы.

Вернулся пиканинни:

– Я осень извиняюсь, мисс Скавлетт. Не пвиказывайте отхлестать меня плетьюми! У меня с пвошлого ваза швамы не зазили.

– Кто вы, мисс? – спросил я.

– Бевви-Бевви, я живу на ели, – ответила она и вновь захохотала. – Извините... Ричи – дурак, но мне прощения нет. Беверли Марш. Вы не местный, да?

Это все отмечали сразу.

– Нет, и вы двое, похоже, тоже. Вы – первые встреченные мной деррийцы, которые не выглядят... угрюмыми.

⁵² Пренебрежительное прозвище чернокожего ребенка.

– Да уж, это угрюмый городишко, – ответил Ричи и снял с пластинки иглу. Она давно уже крутилась по последней дорожке.

– Как я понимаю, люди особенно тревожатся о детях. Обратите внимание: я к вам не подхожу. Вы на траве, я на тротуаре.

– Что-то они не больно тревожились, пока продолжались убийства, – пробурчал Ричи. – Вы знаете об убийствах?

Я кивнул.

– Я остановился в «Таунхаусе». Один из сотрудников мне рассказал.

– Да, теперь, когда с убийствами покончено, они озаботились благополучием детей. – Ричи сел рядом с Бевви, которая жила на ели. – А когда детей убивали, и бровью не вели.

– Ричи, бип-бип, – повторила Бевви.

На этот раз парнишка скверно симитировал Хамфри Богарта:

– Но это же правда, шладенькая. И ты знаешь, что это правда.

– С этим покончено, – сообщила мне Бевви. Очень серьезно, словно официальный представитель Торговой палаты. – Они просто не знают, что с этим покончено.

– *Они* – это горожане или взрослые вообще?

Она пожала плечами, как бы говоря: *Какая разница?*

– Но вы знаете.

– Если на то пошло, мы знаем, – ответил Ричи. С вызовом посмотрел на меня, однако глаза за чиненными очками блестели маниакальным смехом. И у меня сложилось впечатление, что смех этот никогда их не покидал.

Я шагнул на траву. Они не убежали, вопя во весь голос. Более того, Бевви пододвинулась (толкнув локтем Ричи, чтобы он последовал ее примеру), освобождая мне место. Получалось, что они либо очень храбрые, либо очень глупые – однако эти ребята никак не выглядели глупыми.

Затем девочка задала два вопроса, которые меня огорошили:

– Я вас знаю? *Мы* вас знаем?

Прежде чем я успел ответить, заговорил Ричи:

– Нет, не в этом дело. Просто... ну, как бы это сказать... Вам что-то нужно, мистер Амберсон? Ведь так?

– Честно говоря, да. Кое-какие сведения. Но как вы это узнали? И как вы узнали, что я не опасен?

Они переглянулись, между ними прошел какой-то сигнал. Конечно же, я не мог знать, какой именно, но кое-что точно уловил: они чувствовали, что я не просто приехал из другого города... И не боялись в отличие от Желтой Карточки. Совсем наоборот: их это влекло. И еще я подумал, что эти симпатичные бесстрашные ребятки могли бы рассказать о кое-чем интересном, если бы захотели. Я до сих пор гадаю о чем.

– Просто вы неопасный, – ответил Ричи и посмотрел на девушку. Та согласно кивнула.

– Вы уверены, что... плохие времена... закончились?

– По большей части, – ответила Беверли. – Все должно стать лучше. Я думаю, для Дерри плохие времена закончились, мистер Амберсон... Но это гиблое место... Во многих смыслах.

– Допустим, я скажу... чисто гипотетически... что на горизонте маячит еще одно плохое событие? Похожее на то, что случилось с маленьким мальчиком по имени Дорси Коркорэн?

Они поморщились, словно я ущипнул их за то место, где нервы подходят к самой коже. Беверли повернулась к Ричи и что-то шепнула ему на ухо. Не могу утверждать, что именно, она шепнула быстро и тихо, но вроде бы я услышал: *Это не клоун*. Потом Беверли вновь посмотрела на меня.

– Какое плохое событие? Вроде того, когда отец Дорси...

– Не важно. Вы не должны этого знать. – Пора приступить к главному. Они могли мне помочь. Не знаю, с чего я так решил, но я был в этом уверен. – Вы знаете детей по фамилии Даннинг? – Я начал загибать пальцы. – Троя, Артура, Гарри и Эллен? Только Артура еще зовут...

– Тагга, – перебила Беверли. – Конечно, мы его знаем, он ходит в нашу школу. Мы изучаем линди для школьного конкурса талантов, который проводится накануне Дня благодарения...

– Мисс Скавлетт, она уверена, сем *раньше* насинаешь практиковаться, тем лутьсе, – вставил Ричи.

Беверли Марш его словно и не услышала.

– Тагга тоже записался на конкурс. Он собирается спеть под фонограмму «Плюх-Плюх»⁵³. – Она закатила глаза. Это у нее получалось отлично.

– Где он живет? Вы знаете?

Они знали, это точно, но ни один не произнес ни слова. Они собирались молчать, если буду молчать я. Это читалось на их лицах.

– Допустим, велика вероятность того, что Тагга не сможет выступить на конкурсе талантов, если за ним не приглядеть. Его братья и сестра тоже. Вы можете в такое поверить?

Они опять переглянулись, будто общались без слов. Времени на это ушло много, наверное, секунд десять. Такие взгляды свойственны влюбленным, но эти междудетки до любви еще не доросли. Впрочем, свойственны они и друзьям. Близким друзьям, которым пришлось что-то пережить вместе.

– Тагга и его семья живут на Коссат-стрит, – наконец ответил Ричи. Так я, во всяком случае, услышал.

– Коссат?

– Да, – кивнула Беверли. – С двумя «с».

– Понял. – Оставался один вопрос: станут ли они болтать о нашем разговоре на границе Пустоши?

Беверли смотрела на меня, пристально и тревожно.

– Мистер Амберсон, я знаю отца Тагги. Он работает в «Супермаркете на Центральной». *Милый* человек. Всегда улыбается. Он...

– Этот милый человек больше не живет дома, – вмешался Ричи. – Жена выгнала его.

Она повернулась к нему, ее глаза широко раскрылись.

– Тебе сказал Таг?

– Нет. Бен Хэнском. Таг сказал *ему*.

– Он все равно милый человек, – тихим голосом возразила Беверли. – Всегда шутит и все такое, но руки в ход не пускает.

– Клоуны тоже много шутят, – напомнил я. Они подпрыгнули, словно я вновь ущипнул их за нервный узел. – Но милыми от этого не становятся.

– Мы в курсе, – прошептала Беверли. Она смотрела на свои руки. Потом вскинула глаза на меня. – Вы знаете о Черепахе? – Последнее слово прозвучало как имя собственное.

Я уже собрался сказать, что знаю черепашек-ниндзя, но предпочел промолчать. До появления Леонардо, Донателло, Рафаэля и Микеланджело оставалось еще несколько десятилетий. И я лишь покачал головой.

Она с сомнением посмотрела на Ричи. Он – на меня, потом вновь на нее.

⁵³ Песня американского певца, актера и музыканта Бобби Дарина.

– Но он хороший. Я практически уверена, что он хороший. – Она коснулась моего запястья. Холодными пальцами. – Мистер Даннинг – *милый* человек. И если он больше не живет дома, это ничего не значит.

Тут она попала в десятку. Моя жена ушла от меня, но не потому, что я оказался плохим.

– Это верно. – Я поднялся. – Я еще какое-то время побуду в Дерри, и мне не хотелось бы привлекать к себе внимание. Вы сможете никому об этом не рассказывать? Я понимаю, что прошу о многом, но...

Они переглянулись... и расхохотались.

Бeverли отсмеялась первой.

– Мы умеем хранить секреты.

Я кивнул:

– Я в этом уверен. Готов спорить, несколько накопилось за это лето.

Молчание.

Я ткнул пальцем в сторону Пустоши:

– Играли там, внизу?

– Одно время, – ответил Ричи. – Теперь нет. – Он отряхнул джинсы. – Приятно поговорить с вами, мистер Амберсон. Глядите в оба. – Мальчик замаялся. – В Дерри надо быть начеку. Сейчас, конечно, стало лучше, но я не думаю, что все будет, вы понимаете, совсем хорошо.

– Спасибо. Спасибо вам обоим. Может, когда-нибудь у семьи Даннингов тоже появится повод поблагодарить вас, но если все пойдет так, как я рассчитываю, они...

– ...Ничего не узнают, – закончила за меня Бeverли.

– Именно. – И, вспомнив фразу Фреда Туми, я добавил: – Верно, Эвершарп. Вы двое тоже берегите себя.

– Обязательно, – ответила Бeverли и снова захихикала. – Привет моржу.

Я отсалютовал, прикоснувшись к полям новой соломенной шляпы, и двинулся прочь. Но внезапно мелькнувшая мысль заставила меня остановиться и повернуться к ним.

– Этот проигрыватель подходит для тридцати трех оборотов?

– Для долгоиграющих пластинок? – спросил Ричи. – Нет. Вот наш домашний хай-фай подходит, а у Бевви – так, детская игрушка на батарейках.

– Думай, что говоришь, Тозиер! – вскинулась Бевви. – Я копила на него деньги! – Она повернулась ко мне. – У него две скорости, семьдесят восемь и сорок пять оборотов. Только я потеряла пластиковую штуковину для установки сорокопятки, поэтому можно крутить только пластинки на семьдесят восемь.

– Сорок пять тоже подойдет, – кивнул я. – Поставь пластинку снова, но на сорока пяти. – Уменьшать скорость для разучивания шагов в свинге нас с Кристи научили на занятиях танцами.

– Папаша сбрендил, – прокомментировал Ричи, однако передвинул рычажок и опустил иглу на пластинку. Судя по звуку, оркестранты Гленна Миллера закинулись куаалюдом⁵⁴.

– Ладно. – Я протянул руки к Бeverли. – Ричи, смотри внимательно.

Она доверчиво взялась за мои руки, глядя на меня снизу вверх широко раскрытыми веселыми глазами. Я задался вопросом, где и кем она будет в 2011 году. Если, конечно, доживет. А при условии, что доживет, будет ли помнить странного мужчину, который задавал странные вопросы и однажды, солнечным сентябрьским днем, станцевал с ней под замедленную версию «В настроении»?

– Вы уже проделывали все это медленно. Сейчас будет еще медленнее, но вы сможете сохранить ритм. И времени хватит для каждого шага.

⁵⁴ Сильное успокаивающее средство со снотворным эффектом.

Время. Много времени. Пустит пластинку снова, но на замедленной скорости.

Я потянул Беверли на себя, за руки, позволил податься назад. Мы оба наклонились, как люди, находящиеся под водой, ударили по воздуху левыми ногами, а оркестр Гленна Миллера играл: *Ба-а-а-а... да-а-а-а... да-а-а-а-а... ба-а-а-а-а... да-а-а-а-а... да-а-а-а... ди-и-и... дам-м-м-м-м*. На той же замедленной скорости, словно заводная игрушка, пружина которой почти что распрямилась, Бевви крутанулась налево под моими поднятыми руками.

– Стоп! – воскликнул я, и она замерла, спиной ко мне. Наши руки оставались сцепленными. – Теперь сдвинь мне правую руку и напомни, что идет следом.

Она сдвинула, потом крутанулась в обратную сторону и двинулась вправо от меня.

– Класс! Теперь я должна нырнуть под вас, а вы – вытащить меня назад. Потом я переворачиваюсь. Мы это делали на траве, чтобы я не сломала шею, если не получится.

– Эту часть я оставлю вам. Я слишком старый и переворачивать теперь могу только гамбургеры.

Ричи вновь вскинул руки со сжатыми кулаками.

– Круто-круто-круто! Этот странный взрослый выдает *еще один* классный...

– Бип-бип, Ричи, – прервал его я. Конечно же, он расхохотался. – Теперь пробуй ты. И разработайте сигналы рук для всех движений, что сложнее двух притопов на местных танцуйках. Если и не выиграете конкурс талантов, все равно выглядеть будете хорошо.

Ричи взял Беверли за руки, и они начали танцевать. Сблизились, отодвинулись, пошли с вращением Беверли налево, потом с вращением направо. Она нырнула ногами вперед между расставленных ног Ричи, ловкая, как рыбка. Потом Ричи вытянул ее назад. Закончила она эффектным переворотом, приземлившись на ноги. Ричи снова взял ее за руки, и они все повторили. Во второй раз вышло лучше.

– Мы сбились с ритма, когда я вытаскивал тебя, – пожаловался Ричи.

– Вы не собьетесь, когда пластинка будет крутиться с нормальной скоростью. Поверь мне.

– Мне нравится, – ответила Беверли. – Словно смотришь на все через увеличительное стекло. – Она поднялась на цыпочки и повернулась на триста шестьдесят градусов. – Я чувствую себя актрисой Лореттой Янг в начале шоу, когда она выходит в развевающемся платье.

– Меня кличут Артур Мюррей, я из Миз-У-У-У-ри, – прокричал Ричи. Он тоже выглядел крайне довольным.

– Сейчас я увеличу скорость, – предупредил я. – Помните ваши сигналы. И выдерживайте ритм. Все дело в ритме.

Оркестр Гленна Миллера играл нежную мелодию, детки танцевали. На траве рядом с ними танцевали их тени. Отодвинулись... сблизились... наклон... пинок... вращение влево... вращение вправо... между ног... обратно и *переворот*. До совершенства далеко, и с шагами еще следовало разобраться, но смотрелись они неплохо.

Чего там. Смотрелись они прекрасно. Впервые с того момента, как я поднялся на вершину холма и увидел Дерри, громоздящийся на западном берегу Кендускига, я ощутил себя счастливым. И чтобы это чувство оставалось со мной подольше, ушел от них, на ходу повторяя древний совет: не оглядывайся, никогда не оглядывайся. Сколько раз люди говорили себе эти слова, после того как на их долю выпало что-то исключительно хорошее (или исключительно плохое)? Полагаю, много. И совету этому обычно не следовали. Люди созданы, чтобы оглядываться. Именно для этого у нас в шее шарнир.

Я прошел полквартала, потом оглянулся, думая, что они смотрят мне вслед. Они не смотрели. Танцевали. И это было замечательно.

8

В паре кварталов по Канзас-стрит находилась заправочная станция «Городская служба». Я зашел в офис, чтобы узнать, как пройти на Коссат-стрит, с двумя «с». Из ремонтной мастерской доносились гудение компрессора и жестяное дребезжание поп-музыки, но офис пустовал. Меня это вполне устроило. Потому что рядом с кассовым аппаратом я увидел кое-что более полезное: металлическую стойку с картами. В верхнем отделении лежала карта города, грязная и одинокая. Первую страницу украшал фотоснимок невероятно уродливой пластмассовой статуи Пола Баньяна. С топором на плече, он, подняв голову, улыбался летнему солнцу. *Только Дерри*, подумал я, *может поклоняться пластмассовой статуе мифического лесоруба*.

За заправочными колонками стоял газетный лоток. Я взял экземпляр «Дейли ньюс», чтобы вложить в него карту. Положил пятак на стопку газет, где уже скопилось кучка мелочи. Не знаю, как с честностью, но с доверчивостью в пятьдесят восьмом все было в порядке.

Согласно карте, Коссат-стрит находилась в той же части города, что и Канзас-стрит, в каких-то пятнадцати минутах неспешной прогулки от автозаправочной станции. Я шагал под вязами, еще не тронутыми «голландской болезнью», которая практически полностью уничтожит их в семидесятых. Пока они зеленели, как в июле. Дети проезжали мимо меня на велосипедах, играли в камешки на подъездных дорожках. Небольшие группы взрослых собирались на автобусных остановках, местонахождение которых отмечали белые полосы на телеграфных столбах. Дерри занимался своими делами, а я – своими, мужчина в неприметном пиджаке спортивного покроя и новой летней соломенной шляпе, чуть сдвинутой на затылок, мужчина со сложенной газетой в руке. Такой мог искать дворовые или гаражные распродажи. Или хорошие жилые дома, может, общественные здания, продающиеся по дешевке. Такой мужчина не должен был выглядеть посторонним.

Во всяком случае, я на это надеялся.

По обеим сторонам обсаженной зелеными изгородями Коссат-стрит выстроились старомодные новоанглийские дома-солонки. На лужайках вращались разбрызгиватели. Мимо меня пробежали два мальчика, перебрасывая друг другу футбольный мяч. Какая-то женщина мыла автомобиль-универсал. Волосы она забрала наверх и завязала платком. С нижней губы свисала неизменная сигарета. Иногда женщина направляла струю на собаку, которая с лаем отскакивала прочь. Коссат-стрит выглядела идеальным местом для натурных съемок какого-нибудь телесериала из жизни маленького городка.

Две маленькие девочки крутили скакалку, в то время как третья безо всяких усилий подпрыгивала, пропуская ее под ногами, и пела: «Чарли Чаплин во Франции щас! Смотрит, как дамы танцуют у нас! Салют капитану! Салют королю! И всех вас, конечно, я тоже люблю!» Скакалка стучала-стучала-стучала по мостовой. Я почувствовал на себе взгляд. Женщина с платком на голове перестала мыть автомобиль. Замерла со шлангом в одной руке и большой намыленной губкой в другой. Наблюдала, как я подхожу к играющим девочкам. Но я обогнул их по широкой дуге, и женщина вернулась к прерванному занятию.

А я ведь сильно рисковал, заговорив с этими детишками на Канзас-стрит, подумал я. И сам себе не поверил. Вот если бы я прошел слишком близко от девочек... Да, тут бы меня ждали крупные неприятности. Однако Ричи и Бев были своими в доску, я это понял, как только их увидел, да и они приняли меня за своего. Одного поля ягоды.

Мы вас знаем? – спросила девчушка. Бевви-Бевви, которая жила на ели.

Коссат-стрит заканчивалась тупиком, упираясь в большое здание, Вестсайдский оздоровительный центр. Он не работал, а на заросшей сорняками лужайке стояла табличка с надписью «ПРОДАЕТСЯ МУНИЦИПАЛИТЕТОМ». Такой объект, несомненно, представ-

лял интерес для любого уважающего себя охотника за недвижимостью. В двух домах от центра, по правую руку, маленькая девочка с морковными волосами и веснушчатым личиком каталась взад-вперед по асфальтовой подъездной дорожке на велосипеде с двумя маленькими дополнительными колесиками. Она распевала вариации одной фразы: «Бинг-бонг, я услышала гонг, динг-донг, я услышала гонг, ринг-ронг, я услышала гонг...»

Я направлялся к оздоровительному центру с таким видом, будто больше всего на свете хотел рассмотреть его вблизи, но краем глаза продолжал наблюдать за маленькой Рыжевлаской. Она раскачивалась из стороны в сторону, словно пытаясь понять, как далеко сможет отклониться, прежде чем перевернется. Судя по поцарапанным голеням, в эту игру она играла не в первый раз. Фамилии на почтовом ящике я не увидел. Только номер дома: 379.

Я подошел к табличке «ПРОДАЕТСЯ» и записал всю информацию на газету. Потом развернулся и зашагал в обратном направлении. Когда проходил мимо дома 379 (по другой стороне улицы, уткнувшись в газету), на крыльцо вышла женщина. И мальчишка. Он жевал что-то завернутое в салфетку. А в свободной руке держал духовушку «Дейзи», которой менее чем через два месяца попытается испугать разбушевавшегося отца.

– Эллен! – крикнула женщина. – Слезь с него, пока не свалилась! Иди в дом и возьми булочку.

Эллен Даннинг слезла с велосипеда, бросила его на бок и побежала к дому, во все горло крича:

– Синг-сонг, я слышала гонг!

Пряди ее волос, не такого красивого оттенка, как у Беверли Марш, мотались из стороны в сторону.

Мальчик, который, повзрослев, напишет сочинение, пронявшее меня до слез, последовал за ней. Мальчик, которому предстояло выжить.

При условии, что мне не удастся все изменить. Но теперь, когда я увидел их, реальных людей, живущих реальной жизнью, получалось, что другого выхода у меня нет.

Глава 7

1

Как рассказать о семи неделях, проведенных в Дерри? Как объяснить, почему я возненавидел этот город и начал его бояться?

Не потому, что он хранил секреты (а он хранил), не потому, что там совершались ужасные преступления (а они совершались) и некоторые остались нераскрытыми. *С этим покончено*, сказала девчушка по имени Беверли, и мальчишка по имени Ричи это подтвердил, да и я тоже пришел к такому выводу... Вот только тень, накрывавшая этот город со странным центром-котловиной, никуда не делась.

Ненавидеть Дерри меня заставило предчувствие надвигающейся неудачи. И ощущение тюрьмы с эластичными стенами. Если бы я захотел уйти, они бы выпустили меня (с готовностью), но если бы остался, только сдавливали бы сильнее и сильнее. Сдавливали бы, пока не лишили бы способности дышать. И – самое худшее – вариант с бегством я теперь не рассматривал, потому что уже увидел Гарри до того, как он охромел и обрел доверчивую, чуть изумленную улыбку. До того, как он превратился в Гарри-Жабу, прыгающего по а-ве-ню.

Я увидел и его сестру. И она перестала быть именем в старательно написанном сочинении, безликой маленькой девочкой, которая любила собирать цветы и ставить их в вазы. Иногда я лежал без сна, думая о том, как в хэллоуинский вечер она хотела выйти на охоту за сладостями в костюме принцессы Летоосень Зимавесенней. И без моего вмешательства этого не случится. Зато ее будет ждать гроб после долгой и безуспешной борьбы за жизнь. Гроб будет ждать и ее мать, имени которой я еще не знал. И Троя. И Артура, которого все звали Таггой.

И я не знал, как бы сумел ужиться со своей совестью, если бы позволил этому случиться. Потому остался, но мне пришлось нелегко. А когда я думал о том, что все это придется повторить в Далласе, мой разум вскипал. По крайней мере, говорил я себе, Даллас – не Дерри. Потому что второго такого города, как Дерри, просто быть не могло.

И как мне все это рассказать?

В мою бытность учителем я постоянно делал упор на простоту. И в художественной литературе, и в документальной прозе существуют только один вопрос и один ответ. Читатель спрашивает: *Что случилось? Случилось вот что*, отвечает писатель. *Это... И это... А еще это*. Будьте проще. Только так можно все разъяснить.

Так что я постараюсь, но вы должны помнить, что в Дерри реальность – тонкая корочка льда на черной воде глубокого озера. И тем не менее.

Что случилось?

Это случилось. И это. А еще это.

2

В пятницу, мой второй полный день в Дерри, я пошел в «Супермаркет на Центральной». Подождал до пяти часов пополудни, полагая, что в это время в магазине будет особенно большой наплыв покупателей: по пятницам выплачивали жалованье, и многие люди (под людьми я подразумеваю жен, потому что в 1958-м один из законов жизни гласил: «Мужья продукты не покупают») именно в этот день делали основные закупки. В толпе я мог затеряться, не привлекая к себе внимания. Чтобы еще больше облегчить задачу, я зашел в магазин «У. Т. Грант» и купил чинос и синие байковые рубашки. Вспомнив Бесподтяжечника

с дружками у бара «Сонный серебряный доллар», также приобрел рабочие ботинки «Вулверин». По пути к супермаркету периодически пинал мысками бордюрный камень, пока не сбил их.

Как я и надеялся, народу в магазине хватало, ко всем трем кассам выстроились очереди женщин с полными тележками. А немногочисленные мужчины обходились корзинками, и я последовал их примеру. В свою положил сетку яблок (стоивших дешевле грязи), сетку апельсинов (почти таких же дорогих, как в 2011-м). Под ногами чуть поскрипывали вощенные половицы.

Чем именно занимался мистер Даннинг в «Супермаркете на Центральной», Бевви-На-Ели не сказала. Точно не работал управляющим – в маленьком закутке со стеклянными стенами, расположенном за отделом «Овощи-фрукты», сидел седовласый господин, которому Эллен Даннинг могла приходиться внучкой, но никак не дочкой. И на столе стояла табличка с надписью «МИСТЕР КАРРИ».

Минуя молочный отдел (меня позабавила надпись на плакате: «ВЫ ПРОБОВАЛИ «ЙОГУРТ»? ЕСЛИ НЕТ, ВАМ ПОНРАВИТСЯ, КОГДА ПОПРОБУЕТЕ»), я услышал смех. Женский смех. По интонациям безошибочно угадывались эмоции: «Ах ты, проказник». Я свернул в дальний проход и увидел у мясного прилавка группу женщин, одетых по той же моде, что и три дамы в «Кеннебек фрут». «МЯСНАЯ ЛАВКА» – гласила надпись на деревянной табличке, подвешенной на хромированных цепях. «РАЗДЕЛКА ПО-ДОМАШНЕМУ», – прочитал я ниже. И уже в самом низу: «ФРЭНК ДАННИНГ, СТАРШИЙ МЯСНИК».

Иногда жизнь преподносит совпадения, какие не выдумать ни одному писателю.

Смешил дам именно Фрэнк Даннинг. Сходство с уборщиком, которому я преподавал курс английского языка и литературы для получения аттестата, казалось чуть ли не сверхъестественным. Я видел перед собой Гарри, только с совершенно черными, а не седыми волосами, да и доверчивая, чуть изумленная улыбка стала вульгарной и ослепительной. Не приходилось удивляться, что у прилавка толпились женщины. Бевви-На-Ели думала, что он белый и пушистый, и почему нет? Да, ей то ли двенадцать, то ли тринадцать, но она женщина, а Фрэнк Даннинг умел очаровывать. И знал про свои таланты. Только по этой причине цвет женской половины Дерри тратил заработанные мужьями деньги в «Супермаркете на Центральной», хотя неподалеку находился чуть более дешевый «Эй энд Пи». Оно и понятно: красавчик мистер Даннинг, мистер Даннинг во всем снежно-белом (только на манжетах пятнышки крови, так он же, в конце концов, мясник), мистер Даннинг в стильном головном уборе, чем-то среднем между колпаком шеф-повара и беретом художника. Носил его мистер Даннинг, сдвинув на одну бровь. Клянусь Богом, выглядело эффектно.

В целом мистер Фрэнк Даннинг, с розовыми, гладко выбритыми щеками и аккуратно подстриженными черными волосами, смотрелся Божьим даром для домохозяйки. Когда я подходил к нему, он как раз завязывал шпагатом, размотанным с висевшей возле весов катушки, сверток с мясом, потом черным маркером размашисто написал цену. Протянул сверток даме лет пятидесяти, с румянцем школьницы на щеках, в домашнем платье, на котором цвели большие розы, и нейлоновых чулках со швом.

– А это, миссис Левескью, фунт немецкой копченой колбасы, тонко нарезанной. – Он доверительно склонился над прилавком, чтобы миссис Левескью (и другие дамы) уловили завораживающий аромат его одеколона. Как думаете, он пользовался «Аква велвой», подобно Фреду Туми? Я думаю, что нет. Я думаю, что такой чаровник, как Фрэнк Даннинг, отдавал предпочтение чему-то более дорогому. – Вы знаете, что бывает от немецкой копченой колбасы?

– Нет, – ответила миссис Левескью, чуть растянув слово: «Не-е-ет». Другие дамы задерживали в ожидании ответа.

Взгляд Даннинга прошелся по мне и не заметил ничего интересного. Когда же он вновь посмотрел на миссис Левескью, в его глаза вернулся фирменный блеск.

– Через час после того, как вы ее съедите, в вас просыпается жажда власти.

Не уверен, что дамы поняли, о чем речь, но залились веселым смехом. Даннинг отправил радостно улыбающуюся миссис Левескью на кассу, и когда я пересекал границу слышимости, он целиком и полностью сосредоточил свое внимание на миссис Боуи, чему та, я в этом не сомневался, безмерно обрадовалась.

Он милый человек. Всегда шутит и все такое.

Но глаза у этого милого человека оставались холодными. Голубые при общении с обожавшим его дамским гаремом, они изменили цвет, когда он взглянул на меня. Я могу поклясться, они стали серыми, цвета воды под небом, с которого вот-вот повалит снег.

3

Супермаркет закрывался в шесть вечера. Когда я покинул его с несколькими покупками, часы показывали пять двадцать. На Уитчем-стрит, буквально за углом, находилось кафе «Ленч для вас». Я заказал гамбургер, кусок шоколадного торта и стакан колы. Вкус торта меня поразил – настоящий шоколад, настоящие сливки. По ощущениям, не хуже, чем рутбир Фрэнка Аничетти. В кафе я, как мог, тянул время, а потом неспешно направился к каналу, около которого стояло несколько скамеек. С них я видел фасад «Супермаркета на Центральной», под углом, конечно, но видел. Я наелся до отвала, но тем не менее съел один из купленных апельсинов, выбросил кожуру через бетонную стену в канал и наблюдал, как ее уносит вода.

Ровно в шесть свет в больших окнах-витринах супермаркета погас. В четверть седьмого из двери вышла последняя дама. Остальные либо шагали с сумками вверх по Подъему-в-миллю, либо толпились у телеграфного столба с белой полосой. Подъехал автобус с надписью «КОЛЬЦЕВОЙ ТАРИФ ОДИН» в окошечке над лобовым стеклом и увез всех. Без четверти семь из супермаркета начали выходить сотрудники. Последними появились мистер Карри, управляющий, и Даннинг. Обменялись рукопожатием и разошлись. Карри скрылся в проулке между супермаркетом и соседним обувным магазином, вероятно, направился к своему автомобилю, а Даннинг двинулся к автобусной остановке.

На ней стояли только два человека, и присоединяться к ним желания у меня не возникло. Но благодаря одностороннему движению транспорта в Нижнем городе необходимости в этом не было. Я зашагал к еще одному столбу с белой полосой, который очень кстати оказался рядом с кинотеатром «Стрэнд» (на этой неделе в двоянном показе предлагались «Келли-автомат» и «Девушка из исправительной колонии»; рекламное табло над входом обещало «КРУТОЙ БОЕВИК»), где и дождался автобуса в компании работяг, обсуждавших возможные пары в Мировых сериях⁵⁵. Я бы многое мог рассказать им на сей счет, но предпочел промолчать.

Показался городской автобус и остановился напротив «Супермаркета на Центральной». Даннинг поднялся в салон. Автобус покотил вниз, подъехал к остановке у кинотеатра. Я пропустил работяг вперед, чтобы посмотреть, сколько денег они опустят в монетоприемник, закрепленный на стойке рядом с креслом водителя, чувствуя себя при этом инопланетянином, пытающимся замаскироваться под землянина. Глупо, конечно – я собирался проехаться на городском автобусе, а не взорвать Белый дом лучом смерти, – но ощущение никуда не делось.

⁵⁵ Финальная серия из семи игр между чемпионами Американской лиги и Национальной лиги, в которой определяется чемпион США по бейсболу.

Один из мужчин, вошедших раньше меня, показал ярко-желтый проездной, напомнивший мне о Желтой Карточке. Другие бросили в шелкающий и звякающий монетоприемник по пятнадцать центов. Я проделал то же самое, хотя времени у меня ушло побольше, потому что дайм прилип к потной ладони. Я думал, что все уже тарашатся, но, подняв голову, увидел, что пассажиры или читают газеты, или смотрят в окна. В салоне висел голубовато-серый туман табачного дыма.

Фрэнк Даннинг сидел по правую сторону прохода, в середине салона. В сшитых по фигуре серых брюках, белой рубашке и темно-синем галстуке. Щеголеватый. Он как раз прикуривал и не заметил меня, когда я проходил мимо, чтобы сесть чуть ли не в последнем ряду. Автобус покрутился по улицам Нижнего города, потом проехал по Подъему-в-милю и повернул на Уитчем-стрит. Как только мы оказались в жилых микрорайонах западной части Дерри, пассажиры начали выходить. В автобусе ехали в основном мужчины – женщины, видать, уже успели вернуться домой и теперь раскладывали закупленные продукты или готовили ужин. Салон пустел. Но Фрэнк Даннинг все сидел, покуривая сигарету. И я задался вопросом, а не останемся ли мы в автобусе вдвоем.

Но я тревожился понапрасну. Когда автобус притормозил, сворачивая к остановке на углу Уитчем-стрит и авеню Любви (позднее я узнал, что в Дерри также есть авеню Веры и авеню Надежды), Даннинг бросил окурок на пол, раздавил каблуком и поднялся. Пружинистым шагом прошел по проходу, не пользуясь поручнями, покачиваясь в такт движению замедляющего ход автобуса. Некоторые мужчины долго не теряют юношеской грации. Даннинг относился к их числу. Из него получился бы отличный танцор свинга.

Он хлопнул водителя по плечу, начал рассказывать какой-то анекдот. Короткий, и большую его часть заглушило шипение пневматических тормозов, но я расслышал фразу *Три ниггера застряли в лифте* и решил, что этот анекдот он бы не стал рассказывать своему гарему домохозяек. Водитель загоготал и дернул длинный хромированный рычаг, открывающий переднюю дверь.

– До понедельника, Фрэнк.

– Если река не выйдет из берегов, – ответил Даннинг, спустился на две ступеньки и прыгнул через полоску травы на тротуар. Я увидел, как мышцы бугрятся под рубашкой. И как могла противостоять ему женщина с четырьмя детьми? *Паришиво*, пришло мне в голову, но это был неправильный ответ. Правильный ответ звучал иначе: *Совсем паришиво*.

Когда автобус отъезжал, я увидел, как Даннинг поднимается на длинное широкое крыльцо первого от перекрестка дома по авеню Любви. Там в креслах-качалках сидели восемь или девять мужчин и женщин. Некоторые поприветствовали мясника, тот начал пожимать руки, как заезжий политик. Трехэтажный дом, построенный в новоанглийском викторианском стиле, украшала большая вывеска, закрепленная на крыше крыльца. Я едва успел ее прочесть:

МЕБЛИРОВАННЫЕ КОМНАТЫ ЭДНЫ ПРАЙС

СДАЮТСЯ НА НЕДЕЛЮ ИЛИ НА МЕСЯЦ

ПРЕДОСТАВЛЯЕТСЯ ПОЛНОСТЬЮ ОБОРУДОВАННАЯ КУХНЯ

НИКАКИХ ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ!

Чуть ниже, на двух крюках большой вывески, висела маленькая, оранжевая, с тремя словами: «СВОБОДНЫХ КОМНАТ НЕТ».

Я вышел через две остановки. Поблагодарил водителя, который пробурчал в ответ что-то неразборчивое. Я уже начинал понимать, что в Дерри, штат Мэн, такое расценивается как вежливость. Если, разумеется, ты не мог поделиться свежим анекдотом о трех ниггерах, застрявших в лифте, или, возможно, о польском флоте⁵⁶.

Я зашагал к центру города, но сделал небольшой крюк, чтобы обойти заведение Эдны Прайс, в котором жильцы после ужина собирались на крыльце, совсем как персонажи рассказов Рэя Брэдбери о пасторальном Гринтауне, штат Иллинойс. И разве Фрэнк Даннинг не напоминал одного из этих милых людей? Напоминал, еще как напоминал. Но ведь и в Гринтауне Брэдбери таились ужасы.

Этот милый человек больше не живет дома, сказал мне Ричи-Дичь – и попал в десятку. Милый человек жил в пансионе, где все, похоже, считали его душкой.

По моим прикидкам, «Меблированные комнаты Эдны Прайс» и дом 379 по Косат-стрит разделяло пять кварталов, а то и меньше. Сидел ли Фрэнк Даннинг в арендованной комнате, дожидаясь, пока остальные жильцы пансиона уснут, смотрел ли на восток, как правоверный мусульманин, перед молитвой повернувшийся к Мекке? И освещала ли его лицо улыбка «привет, рад тебя видеть», которая так нравилась жителям Дерри? Вряд ли. Стали ли его голубые глаза холодными, задумчиво-серыми? Как он объяснил людям, коровавшим вечера на крыльце пансиона Эдны Прайс, необходимость уйти из дома? Придумал байку, согласно которой у его жены поехала крыша или она оказалась абсолютной злодейкой? Наверняка. И ему поверили? Ответ на этот вопрос лежал на поверхности. Не важно, какой год на дворе, 1958, 1985 или 2011-й. В Америке, где корочка всегда сходит за начинку, люди верят таким, как Фрэнк Даннинг.

4

В следующий вторник я снял квартиру, которая в «Дерри ньюс» рекламировалась как «частично обставленная, в хорошем районе», а в среду, семнадцатого сентября, мистер Джордж Амберсон въехал в нее. Прощай, «Дерри-таунхаус», здравствуй, Харрис-авеню. Я жил в пятьдесят восьмом году уже больше недели и начал чувствовать себя здесь более комфортно, хотя местным еще не стал.

⁵⁶ Как потопить польский военный корабль? Спустить на воду.

Под «частично обставленной» подразумевалась кровать (с матрасом в пятнах, но без постельного белья), диван, кухонный стол, под одну ножку которого требовалось что-то подкладывать, чтобы он не шатался, и единственный стул с желтым пластиковым сиденьем, которое странно чвакало, когда с него вставали, словно неохотно разрывало контакт с брюками. Мне также перепали плита и шумно урчащий холодильник. В кухонной кладовке я обнаружил устройство для кондиционирования воздуха – вентилятор производства «Дженерал электрик» с оплавленным штепселем. Попытаться вставить его в розетку мог разве что самоубийца.

Я чувствовал, что шестьдесят пять долларов в месяц – многовато для квартиры, над которой пролетали садившиеся в аэропорту Дерри самолеты, но согласился уплатить запрашиваемую сумму, потому что миссис Джоуплин, хозяйка, закрыла глаза на отсутствие рекомендаций у мистера Амберсона. Помог и еще один нюанс: мистер Амберсон согласился заплатить за три месяца аренды наличными. Она тем не менее настояла на том, чтобы переписать все мои данные с водительского удостоверения. Если и удивилась, откуда у риелтора из Висконсина водительское удостоверение штата Мэн, то ни слова об этом не сказала.

Я мог только порадоваться тому, что Эл снабдил меня крупной суммой наличных. С их помощью договариваться с незнакомцами удавалось на удивление легко.

И в пятьдесят восемь наличные Эла стоили куда больше. За какие-то три сотни долларов я превратил квартиру из частично в полностью обставленную. Девяносто из трехсот ушли на подержанный настольный телевизор «РКА». Вечером я посмотрел «Шоу Стива Аллена» в прекрасных черно-белых тонах, потом выключил телик и посидел за кухонным столом, слушая рев пропеллеров идущего на посадку прямо над моим домом самолета: аэропорт находился на востоке. Достал из заднего кармана блокнот «Синяя лошадь», который купил в аптечном магазине в Нижнем городе (том самом, где покупателей предупреждали, что воровство не хохма, не приколы и не забава). Открыл первую страницу. Щелкнул приобретенной в том же магазине новенькой паркеровской шариковой ручкой. Просидел минут пятнадцать – достаточно долго для того, чтобы на восток проследовал еще один самолет, да так низко, что оставалось только удивляться, как он не задел шасси крышу.

На странице ничего не появилось. Как и в моей голове. Всякий раз, когда я пытался заставить ее работать, возникала только одна связная мысль: *Прошлое не хочет, чтобы его изменяли.*

И это не внушало оптимизма.

Наконец я поднялся, взял вентилятор с полки в кладовке и перенес на стол. Не думал, что он заработает, но был не прав, и его гудение странным образом успокаивало. И заглушало раздражающее урчание холодильника.

Когда я сел, в голове более-менее прояснилось, и на этот раз я смог написать несколько слов.

ВАРИАНТЫ:

1. Сообщить в полицию.
2. Анонимный звонок мяснику (скажем: «Я слежу за тобой, ублюдок, и если ты что-то такое сделаешь, я об этом расскажу»).
3. Каким-то образом подставить мясника.
4. Как-то покалечить мясника.

Я остановился. Холодильник щелкнул. Самолеты не шли на посадку, автомобили не проезжали Харрис-авеню. На какое-то время я остался в компании вентилятора и незаконченного перечня. Наконец написал последний вариант:

5. Убить мясника.

Затем вырвал листок, смял, взял коробок спичек, который лежал у плиты, чтобы зажечь конфорки и духовку, чиркнул одной. Вентилятор тут же задул пламя, и я вновь подумал, как иной раз трудно что-либо изменить. Выключил вентилятор, зажег другую спичку и поднес огонек к бумажному шарик. Когда он ярко вспыхнул, бросил его в раковину, подождал, пока догорит, потом смыл пепел в сливное отверстие.

После этого Джордж Амберсон отправился в кровать.

Но долго не мог заснуть.

5

Когда в половине первого над крышей проревел последний самолет, я все еще не спал и думал о моем перечне. Общение с полицией исключалось. Такое могло сработать с Освальдом, который объявит о своей непреходящей любви к Фиделю Кастро в Далласе и в Новом Орлеане, но только не с Даннингом, горячо любимым и уважаемым членом общества. А кто я? Приезжий в городе, где чужаков не жаловали. Сегодня, выходя из аптечного магазина, я вновь увидел Бесподтяжечника и его команду возле бара «Сонный серебряный доллар». И пусть на этот раз я оделся как рабочий, они окинули меня все тем же холодным взглядом: *Это что еще за чмо?*

Да проживи я в Дерри восемь лет вместо восьми дней, что бы я сказал полиции? Мне открылось, что Фрэнк Даннинг убьет свою семью на Хэллоуин? Звучит убедительно.

Идея анонимного звонка мяснику понравилась мне больше, но вариант получался рискованный. Позвонив Фрэнку Даннингу, на работу или в пансион Эдны Прайс, где его подзывали бы к телефонному аппарату в общей комнате, я вмешивался в ход событий. Такой звонок, возможно, удержал бы его от убийства семьи, но мог привести и к противоположному результату, мог толкнуть мясника за зыбкую границу, отделяющую нормальную психику от безумия. По всему выходило, что он и так подошел к ней очень близко, прикрываясь обаятельной улыбкой Джорджа Клуни. Вместо того чтобы предотвратить убийства, я бы сместил их на более ранний срок. В настоящий момент я знал, когда и где они произойдут. Если бы предупредил Даннинга, неопределенности бы прибавилось.

Как-то подставить его? Такое могло сработать в шпионском романе, но это под силу только агенту ЦРУ, а я чертов учитель английского языка и литературы.

Следующим пунктом было *покалечить мясника*. Допустим, но как? Раздавить его на «санлайнере», когда он направится к Коссет-стрит с молотком в руке, думая об убийстве? Только невероятная удача позволит мне избежать ареста и тюрьмы. И это еще не все. Покалеченные люди со временем поправляются. И он мог повторить попытку. Лежа в темноте, я пришел к выводу, что все эти варианты слишком ненадежны. Потому что прошлое не хотело, чтобы его меняли. Оно упрямо.

Достижение цели гарантировал только последний вариант: следить за ним, дожидаться, пока он останется один, и убить. Будь проще – и к тебе потянутся.

Но и тут проблем хватало. Самая большая заключалась в том, что я не знал, удастся ли мне это сделать. Под влиянием момента – защищая себя или кого-то еще – возможно, но хладнокровно, обдуманно? Даже зная, что этот человек собирается убить жену и детей, если его не остановят?

И... что, если, убив его, я попаду в полицию до того, как сумею сбежать в будущее, где меня звали Джейк Эппинг, а не Джордж Амберсон? Меня будут судить, признают виновным, отправят в Шоушенкскую тюрьму штата. Там я и буду обретаться в день убийства Джона Ф. Кеннеди.

Но ведь и это еще не все. Я поднялся, прошел через кухню в ванную, размерами соперничавшую с телефонной будкой, сел на унитаз, уткнулся лбом в ладони. Я исходил из того,

что сочинение Гарри – правда. Эл тоже. Возможно, так оно и было, поскольку в умственном развитии Гарри все-таки на пару-тройку баллов недотягивал до нормы, а такие люди менее склонны выдавать за реальность фантазии об убийстве целой семьи. И все же...

Девяносто пять процентов уверенности – не сто. Так говорил Эл, причем об Освальде, единственном человеке, который мог убить Кеннеди, если отбросить всю эту болтовню о заговорах, – и, однако, у Эла оставались сомнения.

В компьютеризированном мире 2011 года проверить историю Гарри не составляло труда, но я этого не сделал. И если его история – правда, он мог упустить или неправильно истолковать какие-то очень важные обстоятельства, которые могли подложить мне свинью. В итоге, примчавшись на помощь, подобно сэру Галахаду, не стану ли я еще одной жертвой? Моя смерть скорее всего изменит будущее, да только я не смогу увидеть, как именно.

Тут мне в голову пришла новая безумно привлекательная идея. Вечером на Хэллоуин я мог расположиться напротив дома 379 по Коссат-стрит... *и просто наблюдать.* Убедиться, что убийство произошло, и при этом уточнить все подробности, которые единственный выживший свидетель – ребенок, огретеный молотком по голове – мог упустить. Потом я мог уехать в Лисбон-Фоллс, пройти через «кроличью нору» и тут же вернуться в 9 сентября 1958 года, за две минуты до полудня. Вновь купить «санлайнер» и поехать в Дерри, на этот раз запасшись всей необходимой информацией. Да, конечно, я уже потратил немалую часть наличных Эла, но оставшихся денег мне хватило бы с лихвой.

Стартовала идея легко, однако споткнулась еще до первого поворота. Цель этого путешествия состояла в том, чтобы проверить, как отразится на будущем спасение семьи уборщика, а позволив Фрэнку Даннингу совершить эти убийства, я бы ничего не проверил. Более того, передо мной уже маячила необходимость спасти их в третий раз, потому что все сбросится на ноль, когда... *если...* я вновь вернусь в прошлое через «кроличью нору», чтобы остановить Освальда. Один раз – ужасно. Два – еще хуже. Три – невозможно представить.

И вот еще о чем следовало помнить. Семья Гарри Даннинга один раз уже умерла. Я что, собирался приговорить их к повторной смерти? Даже если всякий раз происходил сброс на ноль и они ничего не знали? А вдруг знали, на каком-то глубинном уровне подсознания?

Боль. Кровь. Маленькая Морковка, лежащая на полу под креслом-качалкой. Гарри, пытающийся остановить безумца духовушкой «Дейзи»: «Не подходи ко мне, папочка, а не то я тебя застрелю».

Волоча ноги, я поплелся через кухню, остановился, чтобы взглянуть на стул с желтым пластиковым сиденьем.

– Я ненавижу тебя, стул, – сообщил я ему, после чего вновь улегся в постель.

На этот раз заснуть удалось почти мгновенно. Проснулся я только в девять. Утреннее солнце светило в голое окно спальни, радостно пели птицы, а я, похоже, знал, что надо делать. Будь проще – и к тебе потянутся.

6

В полдень я завязал галстук, надел соломенную шляпу под модным углом и отправился в магазин «Спортивные товары Мейкена», где продолжалась «ОСЕННЯЯ РАСПРОДАЖА ОРУЖИЯ». Я сказал продавцу, что заинтересован в покупке пистолета или револьвера, поскольку занимаюсь торговлей недвижимостью и иногда перевозжу крупные суммы денег. Он выложил передо мной несколько, включая и револьвер «кольт полис спешл» тридцать восьмого калибра. За девять долларов девяносто девять центов. Я считал цену смехотворно низкой, пока не вспомнил записи Эла: заказанная по почте итальянская винтовка, с помощью которой Освальд изменил ход истории, обошлась ему дешевле двадцатки.

– Отличное средство самозащиты. – Продавец откинул барабан и крутанул его: *щелк-щелк-щелк-щелк*. – Абсолютную точность при стрельбе с расстояния менее пятнадцати ярдов гарантирую, а любой, кто по глупости попытается вас ограбить, обязательно подойдет ближе.

– Беру!

Я напрягся, предчувствуя грядущую проверку моих жалких документов, потому что вновь забыл, в какой расслабленной и непуганой Америке нахожусь. Сделка завершилась следующим образом: я заплатил деньги и вышел с револьвером. Никаких бумаг заполнять не пришлось, ни о каком периоде ожидания речь не зашла. У меня даже не спросили адрес, по которому я в тот момент проживал.

Освальд завернул винтовку в одеяло и спрятал в гараже дома, где его жена гостила у женщины по имени Рут Пейн. Но, выходя из магазина Мейкена с револьвером в портфеле, я, возможно, испытывал те же ощущения, что и он: чувствовал себя человеком, знающим важный секрет. Человеком, владеющим собственным маленьким торнадо.

Мужчина, которому сейчас полагалось работать на одной из фабрик, стоял в дверях «Сонного серебряного доллара», курил и читал газету. Во всяком случае, выглядел так, будто читает. Я не мог поклясться, что он поглядывает на меня, но, с другой стороны, не мог и поклясться, что не поглядывает.

Тот самый Бесподтяжечник.

7

Вечером я вновь занял позицию у «Стрэнда». Реклама над козырьком изменилась: «С ЗАВТРАШНЕГО ДНЯ НОВЫЕ ФИЛЬМЫ! «ДОРОГА ГРОМА» (МИТЧУМ) И «ВИКИНГИ» (ДУГЛАС)!». «КРУТЫЕ БОЕВИКИ» для киноманов Дерри.

Даннинг, выйдя из супермаркета, вновь направился к автобусной остановке и уехал. На этот раз я в автобус садиться не стал. Какой смысл? Я и так знал, куда он направляется, а потому пошел пешком к своему новому дому, время от времени оглядываясь, не идет ли следом Бесподтяжечник. Ни разу его не увидел и сказал себе, что появление рабочего напротив магазина спортивных товаров в тот самый момент, когда я выходил из дверей, всего лишь случайность. Да и не такая уж удивительная. В конце концов, он остановил свой выбор именно на «Сонном долларе». Поскольку в Дерри фабрики работали шесть дней в неделю, второй выходной у рабочих выпадал на разные дни. На этой неделе Бесподтяжечник вполне мог отдыхать в четверг. На следующей будет отираться у «Сонного доллара» во вторник. Или в пятницу.

В пятницу вечером я вновь стоял у «Стрэнда», прикидываясь, будто внимательно изучаю плакат «Дороги грома» (*Роберт Митчум мчится по самой опасной автострате на земле*). Я пришел сюда от нечего делать: до Хэллоуина оставалось еще шесть недель, и мне предстояло научиться убивать время. Но на этот раз, вместо того чтобы пересечь улицу и встать у столба с белой полосой, Фрэнк Даннинг зашагал вниз, к перекрестку, где сходились Центральная улица, Канзас-стрит и Уитчем-стрит, и остановился там, словно в нерешительности. Выглядел он классно: темные брюки, белая рубашка, синий галстук, светло-серый приталенный пиджак в крупную клетку. Шляпа сдвинута на затылок. Я подумал, что он собрался в кино, чтобы посмотреть на самую опасную автостраду на земле. В этом случае я бы неспешно направился к Кэнал-стрит. Но он повернул налево, на Уитчем-стрит. Я слышал, как он насвистывает какую-то мелодию. Получалось у него очень неплохо.

Идти за ним не имело смысла. Девятнадцатого сентября он не собирался крушить головы молотком. Но меня разбирало любопытство, да и других дел не просматривалось. Даннинг вошел в гриль-бар под названием «Фонаричик», не такой роскошный, как в «Таунха-

узе», но и не такой мерзкий, как приканальные рыгаловки. В каждом маленьком городке есть два или три заведения, где «белые» и «синие воротнички» встречаются на равных. В Дерри, судя по всему, эту функцию выполнял «Фонарщик». Обычно в меню можно найти несколько местных деликатесных блюд, названия которых заставляют приезжих чесать затылок. В «Фонарщике» фирменное блюдо называлось «Жареные ломтики лобстера».

Я прошел мимо широких окон – даже не прошел, а лениво проплыл – и увидел Даннинга, который пересекал зал, здороваясь со всеми и с каждым. Он пожимал руки, похлопывал по щекам, снял с одного мужчины шляпу и бросил другому, стоявшему у «Боул-мора»⁵⁷. Тот ловко поймал ее под всеобщий гогот. Милый человек. Всегда готов пошутить. Из тех, кто смеется сам и смешит весь мир.

Я увидел, как он сел за стол рядом с «Боул-мором», и уже двинулся дальше. Но мне хотелось пить. стакан пива пришелся бы очень кстати, а барную стойку «Фонарщика» и большой стол, за которым сидела мужская компания – к ней Даннинг и присоединился, – разделял шумный, под завязку наполненный посетителями зал. Меня он видеть не мог, а я отслеживал бы его, глядя в зеркало за стойкой. Впрочем, я не рассчитывал заметить что-то экстраординарное.

А кроме того, если уж я собирался прожить здесь шесть недель, пришла пора вписаться в местный пейзаж. Поэтому я развернулся на сто восемьдесят градусов и вошел в гриль-бар, где звучали веселые голоса, чуть пьяный смех и песня «Это любовь» в исполнении Дина Мартина. Официантки разносили большие глиняные кружки с пивом и тарелки – как я догадался – с жареными ломтиками лобстера. И конечно же, к потолку поднимались клубы сизого дыма.

В пятьдесят восьмом дым составлял неотъемлемую часть жизни.

8

– Вижу, вы поглядываете на тот стол в глубине зала. – Когда у моего локтя раздался мужской голос, я уже пробыл в «Фонарщике» достаточно долго, чтобы заказать вторую кружку пива и маленькую тарелку жареных ломтиков лобстера. Решил, что буду гадать, а что же это такое, если не попробую.

Я повернулся и увидел невысокого мужчину с прилизанными черными волосами, круглым лицом и веселыми черными глазами. Выглядел он как счастливый бурундук. Улыбнулся мне и протянул маленькую, прямо-таки детскую руку. Вытатуированная на предплечье гологрудая русалка махнула хвостом и подмигнула одним глазом.

– Чарлз Фрати. Но вы можете называть меня Чез. Как все.

Я пожал ему руку.

– Джордж Амберсон, но вы можете называть меня Джордж. Тоже как все.

Он рассмеялся, и я его поддержал. Считается дурным тоном смеяться над собственными шутками, особенно над пустяковыми, но некоторые так легко сходятся с людьми, что в одиночку им смеяться не приходится. Таким был и Чез Фрати. Официантка принесла ему пива, и он поднял кружку.

– За вас, Джордж.

– За это я выпью. – Мы чокнулись.

– Кого-нибудь там знаете? – спросил он, глядя на отражение большого стола в зеркале за стойкой.

– Нет. – Я стер пену с верхней губы. – Просто им явно веселее, чем остальным.

Чез улыбнулся.

⁵⁷ Автомат для игры в боулинг.

– Это стол Тони Трекера. Его имя, считай, там уже вырезано. Он и его брат Фил – владельцы компании, занимающейся грузовыми перевозками. У них больше акров в окрестностях, чем волос на заднице. Фил появляется здесь редко, большую часть времени проводит в дороге, но Тони не пропускает пятничные и субботние вечера. У него много друзей. Они всегда хорошо проводят время, но никто не умеет так веселить людей, как Фрэнки Даннинг. Вот уж мастер рассказывать анекдоты. Всем нравится старина Тони, но Фрэнки они *любят*.

– Я вижу, вы знаете их всех.

– Многие годы. Знаю большинство жителей Дерри, а вас – нет.

– Это потому, что я недавно приехал. Занимаюсь недвижимостью.

– Как я понимаю, коммерческой недвижимостью.

– Вы понимаете правильно. – Официантка поставила передо мной тарелку с ломтиками и скрылась. Содержимое тарелки напоминало нечто раздавленное автомобилем, но пахло потрясающе, а на вкус оказалось еще лучше. Вероятно, каждый ломтик состоял из чистого холестерина, однако в пятьдесят восьмом году никто из-за этого не тревожился, что не могло не радовать.

– Помогите мне с этим, – предложил я Чезу.

– Нет, это все вам. Вы из Бостона? Нью-Йорка?

Я пожал плечами, и он рассмеялся.

– Храните секреты? Разумно, разумно. Язык распустил – корабль потопил. Но я представляю, что у вас на уме.

Я не донес до рта вилку с ломтиками. В «Фонарщике» было жарко, но меня прошиб холодный пот.

– Неужто?

Чез наклонился ко мне. Я уловил запах «Виталиса» от прилизанных волос и «Сенсена» изо рта.

– Если я скажу: «Возможно, участок, под строительство торгового центра», – вы крикните: «Бинго»?

Я ощутил безмерное облегчение. Мысль приехать в Дерри на поиски места для торгового центра не приходила мне в голову, но сразу приглянулась. Я подмигнул Чезу Фрати.

– Не могу сказать.

– Да-да, разумеется, не можете. Бизнес есть бизнес, как я всегда говорю. Но если вдруг возникнет желание взять в долю одного из местных мужланов, я с удовольствием вас выслушаю. А чтобы показать, что намерения у меня добрые, дам вам одну маленькую наводку. Если вы еще не побывали на старом металлургическом заводе Китчнера, непременно загляните туда. Идеальное место. А торговые центры? Вы знаете, что такое торговые центры, сын мой?

– За ними будущее, – ответил я.

Он нацелил на меня палец и подмигнул. Я вновь не смог сдержать смех. Отчасти потому, что наконец встретил в Дерри взрослого человека, дружелюбно настроенного к чужаку.

– В десятку.

– И кому принадлежит земля, на которой расположен старый металлургический завод Китчнера, Чез? Я полагаю, братьям Трекерам?

– Я сказал, что здесь им принадлежит много земли, но не вся. – Он посмотрел на русалку. – Милли, открыть ли мне Джорджу, кому принадлежит лакомый участок земли для коммерческой застройки, расположенный всего в двух милях от центра сего мегаполиса?

Милли махнула чешуйчатым хвостом и тряхнула грудями. Чез Фрати не сжимал пальцы в кулак, чтобы добиться такого эффекта; мускулы предплечья, казалось, двигались

сами по себе. Фокус мне понравился. Я задался вопросом, а не умеет ли он доставать кроликов из шляпы.

– Хорошо, дорогая. – Он поднял глаза на меня. – Если на то пошло, этот участок принадлежит вашему покорному слуге. Я покупаю лучшее и разрешаю братьям Трекерам брать остальное. Бизнес есть бизнес. Позвольте дать вам мою визитную карточку, Джордж?

– Безусловно.

Он дал. «ЧАРЛЗ «ЧЕЗ» ФРАТИ, ПОКУПКИ И ПРОДАЖИ», – прочел я на визитке. Сунул ее в нагрудный карман рубашки.

– Если вы знаете этих людей, а они знают вас, почему вы не с ними? Почему сидите в баре с новичком? – спросил я.

Удивление на его лице сменилось широкой улыбкой.

– Вас родили в чемодане и вышвырнули из поезда, друг мой?

– Я же не местный. Еще не знаю, что к чему. Не сердитесь на меня.

– И не думал. Они ведут со мной дела, потому что мне принадлежит половина городских гостиниц для автомобилистов, оба кинотеатра в центре города и автокино, один банк и все ломбарды в восточном и центральном Мэне. Но они не сядут со мной за один стол и не пригласят домой и в загородный клуб, потому что я – из Племени.

– Не понял.

– Я еврей, браток.

Выражение моего лица вызвало у него улыбку.

– Вы не знали. Даже когда я отказался есть вашего лобстера, вы не догадались. Я тронут.

– Я просто пытаюсь взять в толк, почему это должно иметь какое-то значение.

Он залиvisto рассмеялся, словно услышал анекдот года.

– Значит, вы родились под капустным листом, а не в сундуке.

Отражение Фрэнка Даннинга что-то говорило. Отражения Тони Трекера и остальных внимали, широко улыбаясь. Когда все они загоготали, я задался вопросом, рассказал ли Даннинг анекдот о трех ниггерах, застрявших в лифте, или что-то более забавное и сатирическое – скажем, о трех евреях на поле для гольфа.

Чез проследил за моим взглядом.

– Фрэнк умеет расшевелить народ. Знаете, где он работает? Нет, вы же тут новенький, я забыл. В «Супермаркете на Центральной». Он старший мясник. И совладелец супермаркета, хотя это он не афиширует. Только благодаря ему эта лавочка еще существует и приносит прибыль. Он притягивает женщин, как мед – пчел.

– Неужели?

– Да, и мужчины тоже его любят. Так бывает не всегда. Обычно мужчины не жалуют дамских угодников.

Его слова заставили меня вспомнить о лютой одержимости моей бывшей Джонни Деппом.

– Но прежде он мог пить с ними до закрытия, а потом играть в покер на товарной станции до зари. Теперь он выпивает одну кружку пива, может, две и откланивается. Вы увидите.

Именно такой метод и брала на вооружение Кристи, эпизодически пытаясь ограничить потребление спиртного, не отказываясь от него полностью. На какое-то время срабатывало, но рано или поздно заканчивалось запоем.

– Проблемы со спиртным? – спросил я.

– Об этом не знаю, но со вспыльчивостью у него точно проблемы. – Чез Фрати глянул на татуировку. – Милли, ты когда-нибудь замечала, сколь многие весельчаки склонны к насилию?

Милли мотнула хвостом. Чез пристально посмотрел на меня.

– Видите? Женщины всегда знают. – Он отправил в рот ломтик лобстера и комично повел глазами из стороны в сторону. Очень веселый парень, и мне в голову не пришло, что у него может быть второе дно. Но, как намекал сам Чез, не следовало быть таким наивным. Особенно в Дерри. – Только не говорите рабби Храпуновичу.

– Буду нем как рыба.

Мужчины за столом Трекера вновь наклонились к Фрэнку, который рассказывал очередной анекдот. Он относился к тем людям, что говорят не только языком, но и руками. В его случае крупными руками. Не составляло труда представить в одной из них молоток «Крафтсман».

– В старших классах второго такого хулигана не было. Вы смотрите на эксперта, учившегося с ним в Окружной объединенной. Но я старался держаться от него подальше. Его постоянно отстраняли от занятий. Всегда за драки. Он собирался продолжить учебу в Университете Мэна, но обрюхатил одну девушку, и ему пришлось жениться. Через год или два она забрала ребенка и сбежала. Вероятно, поступила правильно, если учесть, с кем имела дело. Для таких, как Фрэнки, война с немцами или японцами пошла бы на пользу – он бы выпустил пар, вы понимаете. Однако его признали не годным к службе. Почему – не знаю. Плоскостопие? Шумы в сердце? Высокое давление? Понятия не имею. Но возможно, вы и не хотите слушать все эти давние сплетни.

– Хочу, – возразил я. – Очень интересно. – И я говорил чистую правду. Зашел в «Фонарщика», чтобы промочить горло, а наткнулся на золотую жилу. – Возьмите еще ломтик лобстера.

– Выкручиваете руки. – Он отправил ломтик в рот. Жуя, ткнул большим пальцем в сторону зеркала. – А почему нет? Только посмотрите на этих парней... Половина из них католики – и все равно жуют бургеры и сэндвичи с беконом и колбасой. В пятницу! А религия побоку, браток!

– Каюсь, я бывший методист. Как я понимаю, в колледж мистер Даннинг не поступил?

– Нет. К тому времени, когда от него сбежала жена, он получал диплом по разделке мяса и добился в этом немалых успехов. Попал в какую-то передрагу... Да, по пьяни, как я слышал, люди обожают сплетничать, вы знаете, а хозяин ломбардов, он слышит все... И мистер Волландер, которому тогда принадлежал супермаркет, сел и поговорил с ним, как строгий дядюшка. – Чез покачал головой и отправил в рот еще один ломтик. – Если бы Бенни Волландер знал, что к окончанию корейской войны Фрэнки Даннингу будет принадлежать половина супермаркета, у него бы случился инсульт. Как хорошо, что мы не можем заглянуть в будущее, правда?

– Это бы многое усложнило, согласен.

Чез только вошел во вкус своей истории, и когда я попросил официантку принести еще две кружки пива, не стал возражать.

– Бенни Волландер честно сказал Фрэнки, что тот – лучший ученик мясника, которого он когда-либо видел, но если у него возникнут проблемы с копами – другими словами, если он полезет в драку из-за пустяка, – им не останется ничего другого, как расстаться. Умному обычно хватает и слова, так что Фрэнки встал на путь исправления. Развелся с первой женой по причине прекращения семейных отношений, вновь женился. Война уже шла полным ходом, поэтому с выбором у него проблем не возникло. Обаяния хватало, большинство конкурентов уплыло за океан, и он остановился на Дорис Маккинни. Какая же она была красotka!

– Я уверен, она таковой и осталась.

– Это верно, браток. Словно сошла с картинки. У них родилось трое или четверо детей. Милая семья. – Чез вновь наклонился ко мне. – Но Фрэнки по-прежнему время от времени

выходит из себя, и последний раз это случилось весной, потому что она пришла в церковь с синяками на лице, а неделей позже выставила его за дверь. Сейчас он живет в каком-то пансионе неподалеку от семейного гнезда. Как я понимаю, надеется, что она пустит его обратно. И рано или поздно она пустит. Он умеет очаровывать... Ну, что я вам говорил? Уже уходит.

Даннинг поднимался из-за стола. Остальные мужчины хором просили его остаться, но он качал головой и указывал на часы. Допил пиво, наклонился и чмокнул соседа в лысину. Стены задрожали от одобрительного гогота, а Даннинг направился к двери.

Проходя мимо нас, он хлопнул Чеза по спине со словами:

– Держи нос чистым, Чеззи. Он такой длинный, что долго придется отмывать.

И он ушел. Чез посмотрел на меня. Веселый, улыбающийся бурундук с ледяными глазами.

– Ну не выдумщик ли?

– Это точно.

9

Я отношусь к людям, которые не могут определиться с тем, что думают, пока не изложат все на бумаге. Поэтому большую часть выходных я записывал, что увидел в Дерри, что сделал и что собирался сделать. Потом настала очередь объяснения причин, приведших меня в Дерри, и к воскресенью я понял, что взялся за работу, неподъемную для карманного блокнота и шариковой ручки. В понедельник отправился покупать портативную пишущую машинку. Собирался в местный магазин офисной техники, но увидел на кухонном столе визитку Чеза Фрати и поехал в его ломбард. Он находился на Ист-Сайд-драйв и размерами соперничал с универмагом. Над дверью висели три золотых шарика, как в других ломбардах, и пластмассовая русалка, покачивавшая хвостом и подмигивавшая. Поскольку она пребывала в общественном месте, ей пришлось надеть бюстгальтер. Фрати я не увидел, зато приобрел роскошную «Смит-Корону» за двенадцать долларов. Попросил продавца передать мистеру Фрати, что заходил Джордж-риелтор.

– С удовольствием передам, сэр. Вы не хотели бы оставить визитную карточку?

Черт! Мне следовало их отпечатать... а это означало, что посещения магазина офисной техники не избежать.

– Оставил в другом пиджаке, – ответил я, – но, думаю, он меня вспомнит. Вчера мы выпили по кружке пива в «Фонарщике».

Со второй половины того дня мои записи начали обрастать подробностями.

10

Я привык к самолетам, заходящим на посадку над головой. Договорился о доставке газет и молока. Бутылки из толстого стекла оставляли у порога. Как и рутбир Фрэнка Аничетти, отведенный мной во время первого визита в 1958 год, молоко отличалось богатым и насыщенным вкусом. А сливки были еще лучше. Я не знал, изобрели ли к тому времени искусственные сливки, и не испытывал ни малейшего желания это выяснить. Меня вполне устраивал натуральный продукт.

Потекли дни. Я изучал записи Эла Темплтона об Освальде, пока не выучил целые абзацы наизусть. Бывал в библиотеке и читал о волне убийств и исчезновений, захлестнувших Дерри в пятьдесят седьмом – пятьдесят восьмом годах. Искал истории о Фрэнке Даннинге и его знаменитой вспыльчивости, но не нашел ни одной. Если его и арестовывали, то информация об этом не попала в колонку «Полицейский дозор», обычно достаточно длинную и всегда расширявшуюся до целой полосы по понедельникам, когда в ней давался пол-

ный отчет о субботних и воскресных подвигах (большая часть которых совершалась после закрытия баров). Единственная заметка, связанная с отцом уборщика, датировалась пятьдесят пятым годом. Речь в ней шла о благотворительной акции. «Супермаркет на Центральной» пожертвовал десять процентов прибыли за осенние месяцы Красному Кресту на оказание помощи пострадавшим от ураганов «Конни» и «Диана», обрушившихся на Восточное побережье. Тогда погибли двести человек, а наводнения нанесли немалый урон Новой Англии. На фотоснимке отец Гарри передавал большущий чек главе регионального отделения Красного Креста. Улыбаясь, как кинозвезда.

В «Супермаркет на Центральной» я больше не заходил, но в течение двух уик-эндов, последнего сентябрьского и первого октябрьского, следил за самым популярным мясником Дерри после того, как он в субботу выходил из магазина, отработав положенные полсмены. Для этого я арендовал в расположенном в аэропорту отделении «Хертца» неприметный «шевроле». Решил, что «санлайнер» использовать никак нельзя: слишком уж кабриолет бросался в глаза.

В первую субботу Даннинг отправился на блошинный рынок в Брюэре на своем «пontiаке». Автомобиль он держал в гараже, находившемся в центре города, и практически не пользовался им в рабочие дни. В воскресенье Даннинг подъехал к своему дому на Коссат-стрит, забрал детей и повез их в «Аладдин» на сдвоенный сеанс фильмов Диснея. Даже издали Трой выглядел страдающим от смертной скуки, как на пути туда, так и по дороге обратно.

Даннинг не входил в дом ни когда приехал за детьми, ни когда привез их обратно. Он нажал на клаксон, сообщая детям о своем приезде, а по возвращении высадил их на тротуар и подождал, пока они войдут в дом. Но и после этого уехал не сразу. Сидел за рулем «бонневилла», двигатель которого работал на холостых оборотах, и курил. Может, надеялся, что очаровательная Дорис захочет выйти и поговорить. Когда убедился, что этого не произойдет, развернулся на подъездной дорожке соседа и укатил, так резко газанув, что покрышки протестующе взвизгнули и из-под них вырвались маленькие клубы сизого дыма.

Я сполз пониже на водительском сиденье своего «шевроле», но мог бы и не беспокоиться. Проезжая, он и не посмотрел в мою сторону, а когда свернул на Уитчем-стрит, я последовал за ним. Он вернул «пontiак» в гараж, пошел в «Фонарщика», выпил кружку пива в практически пустом баре, а потом, опустив голову, зашагал к пансиону Эдны Прайс на авеню Любви.

В следующую субботу, четвертого октября, он снова забрал детей и повез их на футбольный матч в Университет Мэна в Ороно, примерно в тридцати милях от Дерри. Я припарковался на Стилутер-авеню и просидел в автомобиле до окончания игры. На обратном пути они остановились в «Девяносто пяти», чтобы пообедать. Я отъехал в дальний конец автостоянки и ждал, пока они вновь сядут в «пontiак», отметив для себя, что работа частного детектива ужасно скучна, а фильмы врут.

Когда Даннинг привез детей, на Коссат-стрит уже сгущались сумерки. Трою футбол определенно понравился больше приключений Золушки. Он вылез из отцовского «пontiака», широко улыбаясь и размахивая вымпелом «Черных медведей». Тагга и Гарри тоже получили по вымпелу и выглядели бодрыми. В отличие от Эллен. Она крепко спала. Даннинг принес ее к двери дома на руках. На этот раз миссис Даннинг вышла на крыльцо. Провела на нем совсем немного времени. Ровно столько, сколько требовалось для того, чтобы переложить маленькую девочку себе на руки.

Даннинг что-то сказал Дорис. Ее ответ ему точно не понравился. С такого расстояния разглядеть выражение его лица я не мог, но, говоря, он грозил ей пальцем. Она выслушала, покачала головой, развернулась и ушла в дом. Он постоял несколько мгновений, снял шляпу, шлепнул ею по ноге.

Интересно, конечно, и познавательно по части их отношений, но не более того. Я искал другое.

И нашел на следующий день. В то воскресенье я решился только на две разведывательные поездки. Да, темно-коричневый арендованный автомобиль практически сливался с ландшафтом, но более частое его появление могли и заметить. Первая поездка закончилась безрезультатно, и я решил, что из дома он в этот день не выйдет. Да и зачем? Небо серое, то и дело начинал накрапывать дождь. Скорее всего он смотрел трансляцию какого-нибудь спортивного матча вместе с остальными обитателями пансиона, и все они дымили как паровозы.

Но я ошибся. Повернув на Уитчем-стрит второй раз, я увидел, что он идет к центру города, в джинсах, ветровке и широкополой шляпе из непромокаемого материала. Я проехал мимо него и припарковался на Главной улице, примерно в квартале от его гаража. Двадцать минут спустя я выехал вслед за ним из города, держа курс на запад. Держался достаточно далеко, потому что машин было немного. Как выяснилось, он направлялся на кладбище Лонгвью, расположенное в двух милях от города. Остановился у цветочного киоска напротив кладбищенских ворот, и, проезжая мимо, я увидел, как он покупает две корзинки осенних цветов у старушки, которая держала большой черный зонт над ними обоими, пока он отсчитывал деньги. В зеркало заднего вида я наблюдал, как он ставит корзинки на пассажирское сиденье, садится за руль и сворачивает на дорогу, проложенную по территории кладбища.

Я развернулся и поехал обратно к Лонгвью. Шел на риск, однако счел его оправданным, потому что сомневался, что он по-прежнему сидит в автомобиле. На стоянке увидел два пикапа, груженных садовым инструментом, укрытым брезентовыми полотнищами, и потрепанный старый ковшовый автопогрузчик, приобретенный, похоже, на распродаже военного имущества. «Понтиака» Даннинга здесь не было. Я пересек стоянку, направляясь к гравийной дороге, уходящей в глубь кладбища, большого, раскинувшегося на добрых двенадцати холмистых акрах.

От главной дороги отходили дороги поменьше. Легкий туман завис над долинами, дождь заметно усилился. Не лучший день для посещения родных и близких, покинувших этот мир, так что на кладбище Даннинг был чуть ли не в гордом одиночестве. «Понтиак» стоял на одной из боковых дорожек на склоне холма. Заметить его не составляло труда. Даннинг ставил корзинки с цветами у двух расположенных рядом могил. «Родители», – предположил я, но меня это не волновало. Я развернул автомобиль и покинул кладбище.

Когда я вернулся в свою квартиру на Харрис-авеню, на Дерри обрушился первый осенний ливень. В центре ревел канал. Гул, от которого вибрировали мостовые и тротуары Нижнего города, усилился. Бабье лето, судя по всему, закончилось. Это меня тоже особо не волновало. Я открыл блокнот, пролистал почти до конца, прежде чем нашел чистую страницу, и записал: *5 октября. 15.45, Даннинг на кладбище Лонгвью, ставит цветы на родительские (?) могилы. Дождь.*

Я получил нужную мне информацию.

Глава 8

1

В оставшиеся до Хэллоуина недели мистер Джордж Амберсон обследовал коммерческую недвижимость Дерри и окрестных городков.

Я, разумеется, не рассчитывал, что за столь короткое время меня примут за своего, но хотел, чтобы местные привыкли к виду моего красного «санлайнера» и он стал частью городского пейзажа. *Вон едет тот парень, который занимается недвижимостью. Он здесь уже почти месяц. Если он знает, что делает, кто-то может заработать на этом деньги.*

Когда люди спрашивали, что именно я ищу, я подмигивал и улыбался. Когда спрашивали, как долго я здесь пробуду, отвечал, что точно сказать не могу. Я ознакомился с географией города и начал изучать другую – словесный ландшафт 1958 года. Узнал, например, что под *войной* подразумевается Вторая мировая, а *конфликт* – это Корея. И первая, и второй, слава Богу, закончились. Люди тревожились из-за России и так называемого «отставания по ракетам», но не так чтобы сильно. Люди тревожились из-за подростковой преступности, но не так чтобы сильно. Тянувшаяся рецессия людей не смущала: видали времена и похуже. Если ты с кем-то торговался, не считалось зазорным сказать, что ты обьевреил их (или они обцыганили тебя). Среди дешевых сластей имелись «горошинки», «восковые губки» и «негритосики»⁵⁸. На юге правил Джим Кроу⁵⁹. В Москве Никита Хрущев выкрикивал угрозы. В Вашингтоне президент Эйзенхауэр бубнил о всеобщем благоденствии.

Вскоре после разговора с Чезом Фрати я побывал на том месте, где прежде стоял металлургический завод Китчера. Увидел большой, заросший сорняками участок к северу от города и да, согласился с тем, что это идеальное место для торгового центра, особенно если сюда дотянут автостраду «Миля-в-минуту». Но в тот день (в какой-то момент мне пришлось съехать на обочину и дальше идти пешком, потому что колдобины могли повредить автомобиль) участок этот больше напоминал руины древней цивилизации: мои дела, цари, узрите – и отчайтесь⁶⁰. Груды кирпича, ржавые обломки каких-то машин и агрегатов торчали из высокой травы. По центру лежала давно упавшая дымовая труба, покрытая сажей, ее громадное, облицованное керамической плиткой нутро заполняла темнота. Чуть пригнувшись, я смог бы в нее войти, а я не из коротышек.

За эти недели до Хэллоуина я увидел немалую часть Дерри и *ощутил* – в немалой степени – его дух. Старожилы относились ко мне благожелательно, но – за одним исключением – о дружбе речь не шла. Исключение составлял Чез Фрати, и, оглядываясь назад, я понимаю, что такое сближение следовало воспринимать настороженно, однако у меня и без того хватало проблем, и я не придал особого значения его странному поведению. Подумал: *Иногда просто встречается дружелюбный парень, и все дела*, – и на этом остановился. Конечно же, я и представить себе не мог, что другой старожил Дерри, Билл Теркотт, подошел ко мне Фрати.

Билл Теркотт, он же Бесподтяжечник.

⁵⁸ «Горошинки» – жевательные конфетки размером чуть больше горошины. «Восковые губки» – конфеты из цветного или ароматизированного воска, формой напоминающие полные губы. «Негритосики» – лакричные конфетки, покрытые шоколадной глазурью.

⁵⁹ Законы Джима Кроу – совокупность законов, принятых в южных штатах, которые законодательно устанавливали расовую сегрегацию во всех общественных местах, оставляя за чернокожими американцами «сегрегированный, но равный» статус.

⁶⁰ Строка из стихотворения П. Шелли «Озимандия» в пер. В. Брюсова.

2

Бевви-На-Ели говорила, что, по ее мнению, плохие времена для Дерри закончились, но чем дольше я смотрел на этот город (и чем больше чувствовал – особенно чувствовал), тем сильнее верил, что он отличался от других городов. Что-то в Дерри было не так. Поначалу я пытался убедить себя, что дело во мне – не в Дерри. Я пришлый, кочевник по времени, и любой город должен казаться мне странным, перекошенным, совсем как напоминающие кошмарные сны мегаполисы в романах Пола Боулза. Поначалу я придерживался этой версии, но день проходил за днем, знакомство с городом продолжалось – и она представлялась мне все менее убедительной. Я засомневался в справедливости утверждения Беверли Марш о том, что плохие времена закончились, и представлял себе (по ночам, когда не мог заснуть, а такое случалось часто), что она не знала, так ли это. Разве я не заметил сомнения в ее глазах? Словно она сама верила не до конца, но очень хотела. Возможно, не могла обойтись без этой веры.

Что-то не так.

Что-то неправильно.

Пустующие дома, напоминавшие лица людей, страдающих от жуткой душевной болезни. Зброшенный сарай на городской окраине, чья дверь медленно поворачивалась на ржавых петлях, открывая темноту, пряча, снова открывая. Разлом в ограждении на Кан-зас-стрит, не так далеко от улицы, на которой жила миссис Даннинг с детьми. Для меня изгородь эта выглядела так, будто что-то – или кто-то – проломило ее и свалилось в Пустошь. Детская площадка с медленно вращавшейся каруселью, которую никто не раскручивал – ни дети, ни ветер. При ее движении невидимые подшипники громко скрипели. Однажды я увидел грубо вырезанного из дерева Иисуса, который плыл по реке и исчез в тоннеле под Кэнал-стрит. Длинной три фута. С оскаленными зубами. В терновой короне, сдвинутой набок и съехавшей на лоб. С кровавыми слезами, нарисованными под странными белыми глазами. Этот Иисус напоминал колдовской фетиш. На так называемом Мосту поцелуев в Бесси-парке, среди надписей о школьном духе и вечной любви, кто-то вырезал: «Я СКОРО УБЬЮ СВОЮ МАТЬ», – а ниже кто-то другой добавил: «ДАВНО ПОРА ОНА УЖЕ ВСЯ ПРАГНИЛА ОТ БАЛЕЗНЕЙ». Как-то днем, шагая по восточной границе Пустоши, я услышал жуткий визг, поднял голову и увидел силуэт тощего мужчины, стоявшего на эстакаде железной дороги не так далеко от меня. Он поднимал и опускал руку с зажатой в ней палкой. Визг прекратился, и я подумал: *Это собака, и он ее прикончил. Привел туда на веревке и бил, пока она не подохла.* Разумеется, я никак не мог этого знать... и, однако, знал. Не испытывал ни тени сомнений.

Что-то не так.

Что-то неправильно.

Имеет ли все это отношение к истории, которую я рассказываю? Истории об отце уборщика и Ли Харви Освальде (маленьком самодовольном говнюке с всезнающей улыбкой и серыми глазами, которые никогда не встречаются с твоими)? Не могу сказать наверняка, однако могу добавить: что-то обитало в упавшей трубе металлургического завода Китчнера. Я не знаю, что именно, да и не хочу знать, но у жерла трубы я видел груды обглоданных костей и маленький изжеванный ошейник с колокольчиком. Раньше с этим ошейником гулял любимый котенок какого-то малыша. А в трубе – далеко, в самой глубине – что-то двигалось и шаркало.

Зайди и посмотри, вроде бы прошептал в моей голове чей-то голос. Наплюй на все остальное, Джейк, зайди и посмотри. Загляни в гости. Время здесь значения не имеет, время здесь просто уплывает. Ты же знаешь, что хочешь, ты знаешь, тебе любопытно. Может, это еще одна «кроличья нора». Еще один портал.

Может, и так – но я думал иначе. Я думал, что там меня поджидал Дерри – все то, что отличало этот город от других, все, что было неправильным, пряталось в этой трубе. Впало в спячку. Позволяло людям поверить, что худшее позади, ждало, чтобы они расслабились и наконец забыли про плохие времена.

Я торопливо ушел и больше никогда не возвращался в эту часть Дерри.

3

В один из дней второй недели октября – к тому времени дубы и вязы на Коссат-стрит полыхали красным и желтым – я вновь посетил закрытый Вестсайдский оздоровительный центр. Уважающий себя охотник за недвижимостью просто не мог удержаться от досконального обследования этого лакомого кусочка, и я опросил нескольких прохожих, интересуясь, что там внутри (на двери, само собой, висел замок) и давно ли закрылся центр.

Среди прочих я переговорил и с Дорис Даннинг. *Словно сошла с картинки* – так охарактеризовал ее Чез Фрати. Обычно бессмысленный штамп, а тут очень уместный. Конечно, годы взяли свое, в уголках глаз появилась сеточка морщинок плюс две более глубокие пролегли у рта, но сохранились и бархатистая кожа, и потрясающая фигура с пышной грудью (в пятьдесят восьмом году, когда Джейн Мэнсфилд купалась в лучах славы, большая грудь считалась достоинством и нисколько не смущала счастливых обладательниц). Мы поговорили на крыльце. Приглашение в пустой дом – дети-то в школе – считалось непристойностью и вызвало бы соседские пересуды, с учетом того, что муж «живет отдельно». В одной руке Дорис держала тряпку, в другой – сигарету. Из кармана передника торчало горлышко бутылки с полиролью. Как и большинство жителей Дерри, говорила она со мной вежливо, но отстраненно.

Да, сказала она, Вестсайдский оздоровительный центр, когда работал, очень ее устраивал. Это удобно, если рядом с домом есть место, куда дети могут пойти после школы и набегаться вволю. Из окна кухни она видела и игровую, и баскетбольную площадки, и теперь оставалось лишь сожалеть, что они пустуют. По ее словам, центр закрыли из-за сокращения бюджетных расходов, но бегавшие глаза и поджатые губы предполагали другое: его закрыли в тот период, когда на город обрушилась волна убийств и исчезновений детей. Сокращение бюджета играло второстепенную роль.

Я поблагодарил ее и протянул одну из недавно отпечатанных визитных карточек. Она взяла, рассеянно мне улыбнулась и затворила дверь. Мягко, не хлопнув, но изнутри донеслось позвякивание, и я понял, что теперь дверь заперта на цепочку.

Я думал, что центр может подойти для моих целей, когда наступит Хэллоуин, хотя этот вариант устраивал меня не полностью. Я полагал, что без проблем смогу проникнуть внутрь, а любое из окон фасада обеспечивало прекрасный обзор. Даннинг скорее всего приедет на автомобиле, но я знал, как выглядит его «пontiак». Согласно сочинению Гарри, в доме мясник появился, когда уже стемнело, однако на улице ярко горели фонари.

Разумеется, освещенность работала и против меня. Если Даннинг не сосредоточится на доме, он увидит, как я бегу к нему. Да, револьвер у меня был, но точность гарантировалась лишь при стрельбе с расстояния менее пятнадцати ярдов. А я рискнул бы стрелять только с гораздо более близкого расстояния, потому что в вечер Хэллоуина на Коссат-стрит будет полно маленьких призраков и гоблинов. Однако я не мог оставаться в укрытии, дожидаясь, пока он войдет в дом, потому что, согласно тому же сочинению, изгнанный из семейного гнезда муж Дорис Даннинг начал махать молотком, едва переступив порог. И к тому времени, когда Гарри вышел из ванной, убил всех, кроме Эллен. Если я задержусь, то увижу то же самое, что и Гарри: мозги его матери, сочащиеся кровью на диване.

Я вернулся на полвека в прошлое не для того, чтобы спасти только одного из них. А если он заметит, что я бегу к нему? Я – человек с револьвером, он – с молотком, возможно, позаимствованным из ящика для инструментов в пансионе. Если он заметит меня – слава Богу. Я сыграю роль клоуна с родео, отвлекающего быка. Буду прыгать и кричать, дожидаясь, пока он приблизится, а потом всажу ему в грудь две пули.

При условии, что сумею нажать спусковой крючок.

При условии, что револьвер выстрелит. Я проверял его в гравийном карьере на окраине города, и все получилось в лучшем виде... но прошлое упрямо.

И не хочет меняться.

4

Однако, поразмыслив, я пришел к выводу, что для засады в вечер Хэллоуина можно найти место и получше. Конечно, удача мне бы не помешала, но, с другой стороны, все и так складывалось в мою пользу. *Бог свидетель, здесь много чего продается*, заверил меня Фред Туми в мой первый вечер в Дерри. И прогулки по городу это подтвердили. Когда начались убийства (и не забудьте про сильнейшее наводнение 1957 года), чуть ли не полгорода выставили на продажу. В более дружелюбном месте потенциальному покупателю вроде меня вручили бы ключи от ратуши и устроили бы бурный уик-энд с «Мисс Дерри».

Но я еще не успел побывать на аллее Уаймора, лежавшей к югу от Коссат-стрит, в квартале от нее. То есть дворы домов на аллее Уаймора граничили с дворами домов на Коссат-стрит. Так что имело смысл заглянуть туда.

В доме 206 по Уаймор, который находился за домом Даннингов, кто-то жил, зато следующий по левую руку – 202 – подходил мне по всем статьям. Стены недавно выкрасили в серый цвет, крышу перекрыли, однако запертые ставни свидетельствовали о том, что дом пустует. И на заботливо расчищенной лужайке стояла желто-зеленая табличка, какие я видел по всему городу: «ПРОДАЕТСЯ СПЕЦИАЛИСТАМИ “ДЕРРИ ХОУМ РИЭЛ ЭСТЕЙТ”». Эта табличка приглашала меня позвонить специалисту Кейту Хейни и обсудить финансовые вопросы. Такого желания у меня не возникло, но я припарковал «санлайнер» на свежем асфальте подъездной дорожки (кто-то провел серьезную предпродажную подготовку) и прошел во двор, гордо вскинув голову, расправив плечи, прямо-таки кум королю. Я узнал много интересного, обследуя город, в котором поселился, и среди прочего уяснил для себя один важный принцип: веди себя как угодно, но с таким видом, будто имеешь на это право, и люди решат, что так оно и есть.

Лужайку во дворе тоже аккуратно выкосили, опавшие листья сгребли, чтобы во всей красе показать бархатистую зелень травы. Механическая газонокосилка стояла под навесом сарая, накрытая зеленым брезентом, аккуратно подоткнутым под сверкающие ножи. Рядом с дверью в подвал примостилась собачья будка, и табличка на ней свидетельствовала, что Кейт Хейни не из тех, кто пренебрегает мелочами: «ДОМ ВАШЕЙ СОБАКИ». В конуре лежала стопка неиспользованных мешков для мусора, придавленная садовой лопаткой и ножницами для подрезки зеленой изгороди. В 2011 году инструменты хранили под замком; в 1958-м их просто прятали от дождя. Я не сомневался, что дом заперт, но меня это не волновало. Я же не собирался вламываться в него.

Дом 202 по аллее Уаймора и дом Даннингов разделяла зеленая изгородь высотой почти шесть футов. Другими словами, не такая высокая, как я, и хотя зелени хватало, человек мог без особого труда проломиться сквозь нее, отделавшись несколькими царапинами. Но больше всего мне понравилось другое: из дальнего правого угла, за гаражом, открывался двор Даннингов. Я видел два велосипеда. Один, подростковый «швинн», стоял на откидной

подножке. Второй лежал на боку, как сдохший пони. Он принадлежал Эллен. Я узнал его по маленьким колесикам.

Хватало на траве и игрушек. Среди них я разглядел духовушку «Дейзи» Гарри Данинга.

5

Если вы когда-нибудь играли в любительском спектакле или выступали в роли режиссера школьной постановки (мне в ЛСШ несколько раз приходилось это делать), то знаете, как я провел дни перед Хэллоуином. Поначалу репетиции идут ни шатко ни валко. Есть место для импровизации, шуток, баловства и флирта, раз уж определяются отношения между представителями разных полов. Чей-то промах или отсутствие должной реакции на реплику на этих ранних репетициях – всего лишь повод для смешков. Если актер/актриса опаздывает на пятнадцать минут, он/она может услышать легкий упрек, но скорее всего и только.

А потом премьера начинает трансформироваться из фантастической грезы в реальность. Импровизации пресекаются, пропадает баловство, а шутки, хотя и остаются, встречаются истерическим смехом, чего не случалось ранее. Проваленные сцены или пропущенные реплики уже не смешат, а раздражают. Актер, опоздавший на репетицию, когда декорации уже на сцене и до премьеры – считанные дни, обязательно получает от режиссера крепкий нагоняй.

И вот наступает этот вечер. Актеры в костюмах и гриме. Некоторые в диком ужасе; все чувствуют, что не вполне готовы. Скоро они предстанут перед людьми, которые пришли оценить их мастерство. То, что раньше, на пустой сцене, казалось чем-то далеким и эфемерным, вот-вот свершится. И прежде чем поднимется занавес, некоторым Гамлетам, Уилли Ломанам или Бланш Дюбуа придется рвануть в ближайший туалет и проблеваться. Без этого никогда не обходится.

Поверьте мне насчет блевоты. Я знаю.

6

В предрассветные часы хэллоуинского утра я оказался не в Дерри, а в океане. В *штор-машине* океане. Я цеплялся за планширь большого судна – думаю, яхты, – и меня едва не смывало за борт. Ревущий ветер швырял капли дождя мне в лицо. Гигантские волны, черные у основания и пенно-зеленые на гребне, накатывали на меня. Яхта поднималась, накренилась, потом вворачивалась вглубь, словно штопор в бутылочную пробку.

Я вырвался из этого сна с гулко бьющимся сердцем и скрюченными руками, пытающимися ухватиться за воображаемый планширь. Да только ощущение, что кровать ходит вверх-вниз, осталось. Мой желудок будто отцепился от мышц, которым полагалось удерживать его на месте.

В такие моменты тело почти всегда мудрее рассудка. Я отбросил одеяло и рванул в ванную, по дороге пнув ненавистный желтый стул. Потом, конечно, пальцы ног болели, но в тот момент я ничего не почувствовал. Я пытался целиком и полностью перекрыть горло, однако добился лишь частичного успеха. Слышал, как странный звук просачивается через него в рот. Что-то вроде: *Алк-алк-арп-алк*. Яхтой оказался мой желудок, который сначала поднимался, а потом, опускаясь, входил в штопор. Я упал на колени перед унитазом и выблевал обед. За ним последовали ленч и вчерашний завтрак, Бог свидетель, яичница с ветчиной. От вида этой поблескивающей блевотины меня вырвало вновь. Короткая пауза – и новый фонтан рвоты: организм покидало все съеденное на прошлой неделе.

Только у меня затеплилась надежда, что конец близок, резко скрутило кишечник. Я с трудом поднялся, дернул за цепочку сливного бачка и едва успел сесть, как из меня хлынул бурный поток.

Но в желудке еще что-то осталось. Он вновь дернулся в тот самый момент, когда кишечник выдал очередной залп. Мне оставалось только одно, и я воспользовался этой возможностью: наклонился и блеванул в раковину.

Так продолжалось до полудня. К тому времени оба моих выпускных отверстия выдавали только жиденькую кашу. Всякий раз, когда меня рвало, всякий раз, когда скручивало живот, я говорил себе: *Прошлое не хочет, чтобы его меняли. Прошлое упрямо.*

Но я не отказывался от намерения прийти к дому Даннингов до того, как этим вечером там появится Фрэнк. Даже если бы мне пришлось блевать и срать на ходу, я собирался там быть. Собирался там быть, даже если бы ради этого пришлось умереть.

7

Мистер Норберт Кин, владелец «Аптечного магазина на Центральной», стоял за прилавком, когда я вошел в торговый зал во второй половине дня. Вращались деревянные лопасти потолочного вентилятора, вовлекая в медленный танец остатки волос на голове мистера Кина. Они напоминали паутинки, колышущиеся под летним ветерком. Одного взгляда на них хватило, чтобы мой измученный желудок предупреждающе дернулся. В белом халате, худощавый (чего там, истощенный донельзя), мистер Кин смотрел, как я приближаюсь к прилавку, и его губы кривились в бледной улыбке.

– Видимо, вам нездоровится, друг мой.

– Каопектат, – прохрипел я, не узнав собственного голоса. – Он у вас есть? – А себя спросил: вдруг его еще не изобрели?

– Подхватили желудочный грипп? – Свет верхних ламп отражался от линз маленьких очков без оправы и растекался в стороны, когда аптекарь двигал головой. *Как масло по горячей сковородке*, подумал я, и желудок дернулся вновь. – Ходит по городу такая зараза. Боюсь, вам предстоят двадцать четыре малоприятных часа. Вероятно, вирус, но, возможно, вы воспользовались общественным туалетом и забыли помыть руки. Так много людей нынче пренебрегает...

– Есть у вас каопектат или нет?

– Разумеется. Второй проход.

– Резиновые трусы. Где их найти?

Тонкогубая улыбка стала шире. Резиновые трусы для взрослых – это смешно, понятное дело, если они нужны не вам, а кому-то еще.

– Пятый проход. Хотя, если будете держаться ближе к дому, они вам не потребуются. Судя по вашей бледности, сэр... и учитывая, как вы потеете... может, лучше никуда и не выходить.

– Благодарю, – ответил я, представляя, как мой кулак врежется ему в рот и забивает вставные зубы в глотку. *И «Полидент»⁶¹ на закуску, приятель.*

По магазину я продвигался крайне медленно, чтобы не трясти свои измученные внутренности больше необходимого. Взял бутылку каопектата (большую, экономичной расфасовки, ставим галочку в списке), потом резиновые трусы (для взрослых, большого размера, ставим галочку). Трусы лежали в отделе «Средства ухода за больным», между клизмами и бухтами желтого пластикового шланга, предназначение которого я даже знать не хотел. Тут же лежали и подгузники для взрослых, но на них я не клюнул. Если б возникла необхо-

⁶¹ Эффективное средство для чистки вставных челюстей.

димось, натолкал бы в резиновые трусы посудные полотенца. Мысль эта показалось мне забавной, и, несмотря на прискорбное состояние, пришлось подавлять смех. В моем деликатном положении он мог привести к беде.

Словно чувствуя, что спешка мне противопоказана, скелетообразный фармацевт пробивал мои покупки медленно. Я трясущейся рукой протянул пятидолларовую купюру.

– Что-нибудь еще?

– Только одно. Мне плохо, вы видите, что мне плохо, так какого черта ухмыляетесь, глядя на меня?

Мистер Кин отступил на шаг, улыбка растаяла.

– Уверю вас, я *не ухмылялся*. Желаю вам скорейшего выздоровления.

Кишки свело судорогой. Я покачнулся, схватил бумажный пакет с покупками, второй рукой оперся о прилавок.

– Туалет у вас есть?

Улыбка вернулась.

– Боюсь, не для покупателей. Почему бы вам не зайти в... одно из заведений через улицу?

– А вы ведь ублюдок, да? Идеальный чертов дерриец.

Он застыл. Потом развернулся и направился в закуток, где держал таблетки, порошки и сиропы.

Я медленно прошествовал мимо стойки с газировкой и вышел за дверь, будто стеклянный человек. День выдался прохладным, температура поднялась не выше сорока пяти градусов⁶², но солнечные лучи обжигали кожу. И я потел. Вновь скрутило живот. Я постоял, опустив голову, одной ногой на тротуаре, другой – в сточной канаве. Отпустило. Пересек улицу, не глядя на автомобили. Кто-то из водителей посигналил. Я удержался от того, чтобы показать ему палец, только потому, что мне и без этого хватало забот. Было не до драки. Я и так воевал с собственным организмом.

Вновь судорога, низ живота резануло как ножом. Я побежал. Дверь «Сонного серебряного доллара» находилась ближе всего. Рывком распахнув ее, я влетел в полумрак и дрожжевой запах пива. Из музыкального автомата Конуэй Твитти стонал, что все это не всерьез. Мне хотелось ему верить.

Зал пустовал, если не считать мужчины, сидевшего за пустым столиком, и бармена, который, склонившись над стойкой, решал кроссворд в утренней газете. Бармен вскинул голову, посмотрел на меня.

– Туалет, – прохрипел я. – Быстро.

Он указал в глубь зала, и я помчался к дверям с надписями «МАЛЬЧИШКИ» и «ДЕВЧОНКИ». Атаковал первую, как нападающий футбольной команды, вырвавшийся в открытую зону. Внутри воняло говном, сигаретным дымом и хлоркой, от которой слезились глаза. В единственной кабинке дверь отсутствовала, к счастью для меня. Я сдернул брюки со скоростью Супермена, опаздывающего на ограбление банка, развернулся и плюхнулся на сиденье.

Успел.

Когда нутро успокоилось, достал из пакета бутылку каопектата и сделал три больших глотка. Желудок начал выворачиваться. Я это пресек. Убедившись, что первая порция не собирается в обратный путь, глотнул еще, рыгнул и медленно накрутил крышку на горлышко. На стене слева кто-то нарисовал пенис и яйца. Яйца взрезали, и из них хлестала кровь. Под этой очаровательной картинкой художник написал: «ГЕНРИ КОСТАНГУЭЙ! ВОТ ЧТО С ТОБОЙ БУДЕТ, ЕСЛИ ЕЩЕ РАЗ ТРАХНЕШЬ МОЮ ЖЕНУ».

⁶² 7,2 °C.

Я закрыл глаза и тут же увидел единственного посетителя бара, который удивленно наблюдал за моим рывком к туалету. Но посетителя ли? На столике перед ним ничего не стояло. Он просто сидел. С закрытыми глазами я ясно видел его лицо. Знакомое мне лицо.

Выйдя из туалета, Бесподтяжечника я уже не застал. Конуэя Твитти сменил Ферлин Хаски. Я напрямик направился к бармену.

– Когда я вошел, тут сидел один парень. Кто он?

Бармен оторвался от кроссворда.

– Никого не видел.

Я достал бумажник, вытащил пятерку, положил на стойку возле подставки под пивную кружку с рекламой «Наррагансетта»⁶³.

– Имя.

После короткого молчаливого диалога с самим собой бармен посмотрел на банку для чаевых, в которой лежала одинокая монетка в десять центов, на другую банку, с маринованными яйцами, и пятерка исчезла.

– Билл Теркотт.

Ни имя, ни фамилия мне ничего не говорили. И пустой столик, возможно, ничего не означал, но с другой стороны...

Я положил на стойку близнеца Честного Эйба.

– Он приходил, чтобы приглядывать за мной?

Положительный ответ означал бы, что за мной следили. И не только сегодня. Но почему?

Бармен пододвинул купюру ко мне.

– Я только знаю, что он приходит сюда выпить пива, и не одну кружку.

– Тогда почему сегодня он ушел, не выпив ни одной?

– Может, заглянул в бумажник и обнаружил в нем лишь пустоту. Я что, похож на гребаную Брайди Мерфи⁶⁴? А теперь, раз уж вы провоняли мой туалет, почему бы вам не заказать что-нибудь?

– Там так же воняло и до моего прихода, друг мой.

Не самая лучшая завершающая реплика, но в сложившихся обстоятельствах на большее меня не хватило. Я вышел, постоял на тротуаре, оглядываясь в поисках Теркотта. Его я не заметил, зато увидел Норберта Кина в витрине аптеки. Сложив руки за спиной, он наблюдал за мной. Без улыбки.

8

В двадцать минут шестого я припарковал «санлайнер» на стоянке, примыкавшей к баптистской церкви на Уитчем-стрит, в которой, согласно объявлению, в пять вечера началось собрание АА. В багажнике «форда» лежали все вещи, накопленные мной за семь недель проживания в Дерри, или, как я привык его называть, в Необычном маленьком городе. Из незаменимого – только врученный мне Элом портфель «Лорд Бакстон» с его записями, моими записями и оставшейся наличностью. Слава Богу, больше я банковских счетов не открывал.

На переднее пассажирское сиденье я положил бумажный пакет. С бутылкой каопектата, на три четверти опустевшей, и резиновыми трусами, хотя и не думал, что они мне понадобятся. Желудок и кишечник определенно успокоились, а руки больше не тряслись. В бардачке, под шестью шоколадными батончиками «Пейдей», прятался револьвер. Позднее,

⁶³ Марка пива, производимого в Новой Англии (штат Род-Айленд).

⁶⁴ Речь идет о нашумевшем случае (22 января 1953 г.), когда Вирджиния Тай в состоянии гипноза начала говорить на ирландском наречии и называть себя Брайди Мерфи, родившейся в округе Корк в 1798 г.

заняв исходную позицию между гаражом и зеленой изгородью у дома 202 по аллее Уаймора, я намеревался зарядить револьвер и сунуть за ремень, как мелкий бандит в каком-нибудь второсортном боевике из тех, что показывали в «Стрэнде».

Еще в бардачке лежал «ТВ-гид» с Фредом Астером и Барри Чейз на обложке. Наверное, в десятый раз после покупки журнала в газетном киоске на Главной улице я раскрыл его на странице с пятничной телевизионной программой:

20.00. «Канал-2»: «Новые приключения Эллери Куина», Джордж Надер, Лес Тримейн. «Такая богатая, такая красивая, такая мертвая». Коварный брокер (Уит Бисселл) отслеживает богатую наследницу (Эва Габор), Эллери и его отец начинают расследование.

Я добавил «ТВ-гид», револьвер и шоколадные батончики к тому, что уже (главным образом для подстраховки) лежало в бумажном пакете, вылез из автомобиля, запер его и зашагал к аллее Уаймора. Миновал нескольких мамочек и папочек, сопровождавших в охоте за сладостями детей, еще слишком маленьких, чтобы выпрашивать их самостоятельно. Вырезанные из тыкв фонари лыбились чуть ли не с каждого крыльца, встретила меня и пара набитых соломой чучел в шляпах набекрень.

Я прошептал по середине тротуара аллеи Уаймора с таким видом, будто имею полное право находиться здесь. Когда приблизился к папаше, державшему за руку маленькую девочку с длинными цыганскими серьгами, ярко накрашенными маминой помадой губами и большими черными пластмассовыми ушами над курчавым париком, коснулся рукой шляпы, приветствуя отца, и наклонился к ребенку.

– И кто *ты*, милая?

– Аннет Фуничелло⁶⁵, – ответила девочка. – Она *самая красивая* мышкетерша.

– Ты такая же красotka, – заверил я. – И что ты теперь должна сказать?

На ее лице отразилось недоумение, поэтому папаша наклонился и что-то шепнул ей на ухо. Девочка просияла.

– Слаго-гадость!

– Точно, – кивнул я. – Но сегодня никаких гадостей. – И подумал: «За исключением одной, для человека с молотком».

Я достал из пакета «Пейдей» (для этого мне пришлось сунуть руку под револьвер) и протянул девочке. Она раскрыла свой пакет, и я бросил в него батончик. Случайный встречный, чужак в городе, который не так давно потрясли ужасные преступления, – и тем не менее одинаковое детское доверие читалось на лицах отца и дочери. Дни, когда сладости будут сдабривать ЛСД, наступят не скоро. С предупреждением «НЕ ИСПОЛЬЗОВАТЬ, ЕСЛИ НАРУШЕНА ГЕРМЕТИЧНОСТЬ» они еще не сталкивались.

Папаша снова что-то прошептал.

– Спасибо, мистер, – поблагодарила меня Аннет Фуничелло.

– Не за что. – Я подмигнул отцу. – Вам обоим успешной охоты.

– Завтра у нее разболится живот, – ответил папаша, но улыбнулся. – Пошли, Тыквочка.

– Я *Аннет*! – возмущенно воскликнула девочка.

– Извини, извини. Пошли, Аннет. – Он еще раз улыбнулся мне, коснулся рукой шляпы, и они пошли дальше в поисках добычи.

Я не торопясь продолжил путь к дому 202. Принялся бы насвистывать, если б не пересохла губы. Свернув на подъездную дорожку, позволил себе быстро оглянуться. На другой стороне улицы увидел нескольких участников спектакля «Сладость или гадость», но никто не обращал на меня ни малейшего внимания. Прекрасно. Я быстрым шагом прошел подь-

⁶⁵ Американская певица и актриса. В детской телевизионной передаче «Клуб Микки-Мауса» (1955–1959) играла роль мышки-мышкетера.

ездную дорожку. Когда оказался за домом, с моих губ сорвался глубокий вздох облегчения. Я занял позицию в дальнем правом углу двора, надежно укрытый от посторонних взглядов гаражом и зеленой изгородью. Во всяком случае, я так думал.

Заглянув во двор Даннингов, я увидел, что велосипедов нет. Большинство игрушек по-прежнему валялось на траве: детский лук и стрелы с присосками, бейсбольная бита с рукояткой, обмотанной шершавой изолентой, зеленый хула-хуп – но не духовушка «Дейзи». Гарри унес ее в дом. Конечно же, он ведь собирался взять ее с собой, отправляясь на охоту за сладостями в костюме Буффало Боба.

Тага уже навешал ему лапшу на уши насчет духовушки? Мать уже сказала: *Ты можешь взять духовушку Гарри потому что это не настоящая винтовка?* Если нет, все это еще произойдет. Потому что их реплики уже написаны. Мой живот вновь свело судорогой, не из-за инфекции, а от абсолютного осознания, какое открывается во всем своем неприкрытом величии и пробирает до нутра. Это действительно должно произойти. Собственно, уже происходит. Процесс пошел.

Я посмотрел на часы. По моим ощущениям, я оставил автомобиль на стоянке у церкви час тому назад, но они показывали семнадцать сорок пять. В доме Даннингов семья садилась ужинать... хотя, если я что-то знал о детях, младшие слишком волновались, чтобы есть с аппетитом, а Эллен уже нарядилась принцессой Летоосень Зимавесенней. Скорее всего надела костюм, как только пришла из школы, и довела мать до белого каления просьбами помочь ей с боевой раскраской.

Я сел, привалился спиной к задней стене гаража, порылся в пакете, достал батончик «Пейдей». Подумал о бедном старом Дж. Альфреде Пруфроке⁶⁶. Не очень-то я от него отличался, хотя не решался съесть шоколадный батончик. С другой стороны, в ближайшие три часа мне предстояло многое сделать, а пустой желудок недовольно урчал.

К черту, подумал я и развернул батончик. Такой прекрасный на вкус – сладкий, пикантный, сочно жующийся. Два укуса – и от батончика осталась самая малость. Я уже собирался отправить в рот и ее (думая при этом, а почему, скажите на милость, я не прихватил с собой сэндвич и бутылку колы), когда краем глаза уловил движение слева. Начал поворачиваться, одновременно сунув руку в пакет за револьвером, но опоздал. Что-то холодное и острое уперлось во впадину левого виска.

– Вынь руку из пакета.

Голос я узнал сразу. *Охота целоваться со свиньей?* – произнес его обладатель, когда я спросил, не знает ли он или кто-то из его друзей человека по фамилии Даннинг. Он еще сказал, что в Дерри полным-полно Даннингов, и я нашел тому подтверждение, но по нашему разговору он сразу понял, какой именно Даннинг меня интересовал. Других доказательств теперь и не требовалось.

Острие ножа вдавилось сильнее, я почувствовал струйку крови, побежавшую по щеке. Теплую на застывшей от холода коже. Почти горячую.

– *Немедленно* вытащи руку, приятель. Думаю, я знаю, что у тебя там, и если рука не будет пустой, твоей сладостью на Хэллоуин станут восемнадцать дюймов японской стали. Эта штукавина острая. Выйдет с другой стороны твоей головы.

Я вытащил руку – пустую – и повернулся к Бесподтяжечнику. Его волосы грязными патлами падали на уши и лоб. Черные глаза плавали по бледному, заросшему щетиной лицу. Меня охватил страх, едва не перешедший в отчаяние. Едва... но и только. *Даже если ради этого мне придется умереть*, вновь подумал я. *Даже если*.

– В пакете нет ничего, кроме шоколадных батончиков, – ровным голосом ответил я. – Если хотите один, мистер Теркотт, вам надо только попросить. Я дам.

⁶⁶ Герой поэмы Т.С. Элиота «Любовная песнь Дж. Альфреда Пруфрока» (1917).

Он схватил пакет, прежде чем я успел потянуться к нему. Воспользовался свободной рукой. В другой Теркотт сжимал штык, я не знал, японский или нет, но, судя по блеску в сгущающихся сумерках, выглядело оружие очень острым.

Теркотт порылся в пакете и нашел мой «полис спешл».

– Ничего, кроме шоколадных батончиков, да? По-моему, это не шоколадный батончик, *мистер Амберсон*.

– Мне он нужен.

– Да, а людям в аду нужна холодная вода, но они ее не получают.

– Говорите тише.

Он засунул мой револьвер за пояс, точно так же, как собирался засунуть я, проломившись сквозь зеленую изгородь во двор Даннингов, затем ткнул штыком мне чуть ли не в глаз. Волевым усилием я заставил себя не отпрянуть.

– Не указывай мне, что делать... – Пошатываясь, он поднялся на ноги. Потер живот, грудь, потом поросшую жестким волосом шею, словно там что-то застряло. Я услышал, как в горле щелкнуло, когда он сглотнул.

– Мистер Теркотт? Вы в порядке?

– Откуда ты знаешь мою фамилию? – И тут же добавил, не дожидаясь ответа: – Пит, да? Бармен в «Долларе». Он тебе сказал?

– Да. А теперь у меня к вам вопрос. Как давно вы следите за мной? И почему?

Он невесело улыбнулся, продемонстрировав парочку недостающих зубов.

– Это два вопроса.

– Просто ответьте на них.

– Ты ведешь себя... – он поморщился, сглотнул, привалился к задней стене гаража, – словно ты тут начальник.

Бледность и общее недомогание Теркотта бросались в глаза. В этом ублюдке, мистере Кине, определенно чувствовалась садистская жилка, но я полагал, что диагност он неплохой. Да и кто мог больше знать о донимающих город инфекциях, как не здешний фармацевт? Я практически не сомневался, что мне каопектат больше не потребуется, а вот Биллу Теркотту он бы не помешал. Не говоря уже о резиновых трусах, если желудочный грипп принялся за дело.

Тогда все будет или очень хорошо, или очень плохо, подумал я. Но сам понимал, что это не так. Ничего хорошего быть не могло.

Не важно. Займу его разговорами. И как только его начнет рвать – при условии, что начнет до того, как он перережет мне горло или застрелит меня из моего же револьвера, – прыгну на него.

– Скажите мне, – настаивал я. – Думаю, я имею право знать, раз уж не сделал вам ничего плохого.

– Ты собираешься что-то сделать *ему*, вот что я думаю. Недвижимость, которую ты ищешь по всему городу, – туфта. Ты приехал сюда, чтобы найти *его*. – Он мотнул головой в сторону дома, от которого нас отделяла изгородь. – Я это понял, как только ты произнес его фамилию.

– Как так? В городе полным-полно Даннингов, вы сами это сказали.

– Да, но для меня важен только один. – Он поднял руку со штыком и рукавом вытер со лба пот. Думаю, в тот момент я мог бы обезоружить его, но побоялся, что шум борьбы привлечет внимание. А если бы револьвер выстрелил, пуля скорее всего досталась бы мне.

Опять же, во мне проснулось любопытство.

– Он, должно быть, сделал для вас что-то очень хорошее, раз вы превратились в его ангела-хранителя.

Он невесело рассмеялся.

– Хорошо сказал, парень, и в каком-то смысле это правда. Я ему вроде ангела-хранителя. Во всяком случае, пока.

– Что вы хотите этим сказать?

– Я хочу сказать, что он мой, Амберсон. Этот сукин сын убил мою маленькую сестренку, и если кто-нибудь пустит в него пулю... или вонзит нож... – он поднял штык к бледному, мрачному лицу, – так только я.

9

Я уставился на него, разинув рот. Откуда-то издалека долетели хлопки: какой-то хэллоуиновский злодей запустил петарды. На Уитчем-стрит со всех сторон закричали дети. Но мы были одни. Кристи и ее приятели-алкоголики называли себя друзьями Билла⁶⁷. Мы могли бы назваться врагами Фрэнка. Идеальная команда... да только Билл Теркотт по прозвищу Бесподтяжечник никак не тянул на командного игрока.

– Вы... – Я замолчал и покачал головой. – Объясните мне.

– Будь ты хотя бы наполовину таким умником, каким себя мнишь, сам бы сумел сложить два и два. Или Чеззи тебе не все рассказал?

Поначалу я не въехал. Потом сообразил. Коротышка с русалкой на руке и веселым лицом бурундука. Только веселость разом исчезла, когда Фрэнк Даннинг хлопнул мужчину по спине и посоветовал держать нос чистым, потому что он очень уж длинный и отмывать его придется долго. А до этого, когда Фрэнк еще рассказывал анекдоты за столом братьев Трекеров в глубине «Фонарщика», Чез Фрати сообщил мне о вспыльчивости Даннинга... хотя, спасибо сочинению уборщика, его слова не стали для меня новостью. *Он обрюхатил одну девушку, и ему пришлось жениться. Через год или два она забрала ребенка и сбежала.*

– Улавливаете радиосигнал, Коммандо Коди⁶⁸? Чувствую, что улавливаете.

– Первая жена Фрэнка Даннинга – ваша сестра?

– Логично. Человек говорит заветное слово и выигрывает сто долларов.

– Мистер Фрати сказал, что она взяла ребенка и убежала. Потому что натерпелась от него.

– Да, так он сказал, и в это верит большинство людей в городе – Чеззи в том числе, насколько мне известно, – но я знаю правду. Мы с Кларой были очень близки. Я мог бы отдать за нее жизнь, а она – за меня. Ты, вероятно, не понимаешь, как такое может быть, по чувствительности ты мне напоминаешь рыбу, – но так бывает.

Я подумал о нашем с Кристи лучшем годе – шесть месяцев до свадьбы и шесть после.

– Не такая уж я рыба. И знаю, о чем вы говорите.

Он вновь потирал себя, хотя я сомневался, что сознательно: от живота к груди, от груди к шее, потом обратно к груди. Лицо побледнело еще сильнее. Я задался вопросом, а что он съел на ленч, но подумал, что долго гадать не придется: скоро все увижу.

– Да? Тогда, возможно, тебе покажется несколько странным, что она не написала мне после того, как обосновалась с Майки на новом месте. Не прислала открытку. Я нахожу это более чем странным, потому что она бы так не поступила. *Она* знала мое отношение к ней. И знала, как я любил малыша. Ей было двадцать, а Майки – год и четыре месяца, когда этот сыплющий анекдотами говнюк сообщил об их исчезновении. Случилось это летом тридцать восьмого. Теперь бы ей исполнилось сорок, а моему племяннику – двадцать один. Он бы уже мог ходить на гребанные выборы. И ты хочешь сказать, что она не написала ни единой

⁶⁷ Член АА, завязавший с алкоголем. Билл – Уильям Гриффит Уилсон (1895–1971), один из основателей общества АА, бросивший пить в 1934 г.

⁶⁸ Герой научно-фантастических сериалов «Люди-радары с Луны» (1952) и «Коммандо Коди – небесный маршал Вселенной» (1953).

строчки своему брату, который не позволил Пронуре Ройсу вставить ей, когда мы были детьми? И не попросила у меня немного денег, чтобы устроиться в Бостоне, Нью-Хейвене или где-то еще? Мистер, я бы...

Он поморщился, издал очень знакомый мне звук: *Урк-ули*, – и опять привалился к гаражной стене.

– Вам нужно сесть, – предложил я. – Вы больны.

– Я никогда не болел. Не простужался с шестого класса.

Если и так, то болезнь наступала на него с той же скоростью, с какой нацисты катили к Варшаве.

– Это желудочный грипп, Теркотт. Я всю ночь с ним промучился. Мистер Кин из аптечного магазина говорит, что в городе эпидемия.

– Этот узкозадый старикан ничего не знает. Я в порядке. – Он мотнул головой, откинув со лба грязные патлы, чтобы показать, что все у него тип-топ. Но лицо побледнело еще больше. И рука, державшая японский штык, тряслась, как и моя до полудня. – Хочешь дослушать или нет?

– Конечно. – Я украдкой бросил взгляд на часы. Десять минут седьмого. Время, которое недавно тянулось так медленно, теперь летело. И где сейчас Фрэнк Даннинг? Все еще в супермаркете? Я так не думал. Предполагал, что с работы он отпросился пораньше, возможно, сказал, что собирается взять детей на охоту за сладостями. Только планировал он совсем другое. Сидел сейчас в баре, и отнюдь не в «Фонарщике». Туда он приходил за кружкой пива, может, двумя. После такой дозы он еще мог держать себя в руках, хотя – если моя жена могла служить наглядным примером – всегда уходил из «Фонарщика» с пересохшим ртом, а душа криком кричала, требуя добавить.

Нет, если уж он действительно хотел набраться, то проделывал это в одном из баров для рабочих: в «Стойке», «Долларе», «Ведре». Может, шел в одну из распоследних тошнिलовок, выстроившихся вдоль вонючего Кендускига, – в «Уоллис» или непристойный «Высший балл», где древние шлюхи с наштукатуренными лицами занимают большинство стульев у стойки. Рассказывал ли он там анекдоты, от которых все заведение покатывалось со смеху? Подходили ли к нему люди, когда он заливал виски или бурбоном угли ненависти в своем мозгу? Нет, если не хотели прямоком направиться к дантисту.

– Прежде чем мои сестра и племянник исчезли, они с Даннингом снимали небольшой дом у самой границы с Кэшменом. Даннинг крепко пил, а напившись, всегда пускал в ход гребаные кулаки. Я часто видел ее в синяках, а однажды ручка Майки стала черно-синей от запястья до локтя. Я говорю: «Сестра, он бьет тебя и ребенка? Если да, я изобью *его*». Она отвечает «нет», но не смотрит на меня. И говорит: «Держись от него подальше, Билли. Он сильный. Ты тоже, я знаю, но ты слишком худой. Тебя ветром сдувает. От него тебе достанется». Не прошло и шести месяцев после нашего разговора, как она исчезла. Сбежала, по его словам. Но в той стороне города много лесов. На территории Кэшмена сплошь леса. Леса и болота. Ты понимаешь, что в действительности произошло?

Я понимал. Другие могли не верить, потому что видели в Даннинге уважаемого горожанина, давно уже взявшего под контроль склонность к алкоголю. Не забудьте и про его обаяние. Но я располагал секретными сведениями.

– Я думаю, у него поехала крыша. Я думаю, он пришел домой пьяным, и она сказала что-то не то, возможно, что-то самое безобиднейшее...

– Безоб... *что?*

Я всмотрелся сквозь изгородь во двор. В кухонном окне мелькнула женщина и исчезла. В *casa*⁶⁹ Даннингов подавали ужин. И что было на десерт? Желе со взбитыми сливками? Слоеный пирог? Вряд ли. Кому нужен десерт в вечер Хэллоуина?

– Я хочу сказать, он их убил. Вы ведь так думаете?

– Да... – Он выглядел удивленным и подозрительным. Пожалуй, человек, одержимый навязчивой идеей, всегда так выглядит, когда слышит, как другой соглашается с тем, что не давало ему спать долгими ночами. *Это какой-то подвох, мне готовят гадость*. Только это не гадость. И определенно не сладость.

– И сколько тогда было Даннингу? – спросил я. – Двадцать два? Перед ним лежала вся жизнь. Возможно, он сказал себе: «Я совершил ужасное, но смогу это скрыть. Мы живем в лесу, до ближайшего соседа – целая миля...» Соседи ведь жили в миле, Теркотт?

– Как минимум, – пробурчал он, одной рукой массируя грудину. Штык он опустил. Выхватить его не составляло труда, и скорее всего мне удалось бы вытащить револьвер из-за пояса, но я этого не хотел. Рассчитывал, что болезнь сама разберется с мистером Биллом Теркоттом. Я действительно считал, что проблем не возникнет. Видите, как легко забыть об упрямстве прошлого?

– Поэтому он увез тела в лес, похоронил и объявил, что они сбежали. Серьезного расследования, конечно, не проводилось.

Теркотт отвернулся и сплюнул.

– Он происходил из уважаемой в Дерри семьи. Мои родители приехали из долины Сент-Джона в старом, ржавом пикапе, когда мне было десять, а Кларе – восемь. Французская шваль. Как думаешь?

Я думал, что Дерри в очередной раз показал себя – вот что я думал. И пусть я понимал любовь Теркотта и сочувствовал его утрате, он говорил о давнем преступлении. А меня больше заботило другое, до которого оставалось менее двух часов.

– Вы подсунули мне Фрати, да? – Я и так знал ответ, но испытывал разочарование, потому что принял Фрати за дружелюбного горожанина, решившего поделиться местными сплетнями за пивом и жареными ломтиками лобстера. Ошибся. – Ваш приятель?

Теркотт улыбнулся – точнее, скорчил гримасу.

– Чтобы я дружил с богатым жидовским ростовщиком? Смех да и только. Хочешь послушать маленькую историю?

Я глянул на часы и понял, что время еще есть. А пока Теркотт говорит, вирус работает. Я намеревался прыгнуть на Теркотта, едва он первый раз согнется, чтобы блевануть.

– Почему нет?

– Я, Даннинг и Чез Фрати одного возраста – нам по сорок два. Ты в это веришь?

– Конечно. – Но Теркотт, которому жилось тяжело (и который заболел, пусть и не хотел этого признавать), выглядел лет на десять старше и Даннинга, и Чеззи.

– Когда мы все учились в выпускном классе старой Объединенной школы, я был помощником тренера футбольной команды. Тигр Билл – так они меня звали. Круто, правда? Я пытался попасть в команду и в девятом классе, и в десятом, но оба раза пролетел. Слишком худой для нападающего, слишком медлительный для защиты. История моей гребаной жизни, мистер. Однако я любил игру и не мог позволить себе дайм на покупку билета – в моей семье денег не водилось, – поэтому стал помощником тренера. Звучит солидно, но ты знаешь, что означала эта должность?

Разумеется, я знал. В жизни Джейка Эппинга я был не мистером Риелтором, а мистером Старшие Классы, и кое-что оставалось неизменным.

– Поддай-принеси.

⁶⁹ Дом (*исп.*).

– Да, я приносил им воду. И держал ведро, если кто-то блевал после пробежек в жаркий день, и относил шлем в ремонт. Опять же, оставался на поле, чтобы собрать оставленную ими амуницию, и в душевой подбирал с пола их грязные носки.

Он поморщился. Я представил, как его желудок превращается в яхту в бушующем море. Вверх она идет, други мои... а потом штопором ввинчивается вниз.

– И вот однажды, в сентябре или октябре тридцать четвертого, после тренировки, я в одиночестве брожу по полю, собираю накладки, и эластичные бандажи, и все прочее, что обычно остается после них, складываю в тележку на колесиках – и вдруг вижу Чеза Фрати, бегущего через поле, роняя учебники, а за ним гонятся мальчишки... *Господи*, что это?

Он повернулся, его глаза выпучились на бледном лице. Вновь я мог попытаться отнять у него револьвер – штык точно бы отнял, – но не сделал этого. Его рука опять потирала грудь. Не живот, а грудь. Мне бы сделать из этого определенные выводы, но я думал о многом другом. В том числе и о его истории. Это проклятие читающих людей. Нас можно соблазнить хорошей историей в самый неподходящий момент.

– Расслабьтесь, Теркотт. Дети запускают шутихи. Хэллоуин, помните?

– Что-то мне нехорошо. Может, с вирусом ты прав.

Пойми он, что болезнь способна вывести его из строя, мог бы совершить что-то поспешное.

– Забудьте про вирус. Расскажите о Фрати.

Он ухмыльнулся. На его бледном, потном, заросшем щетиной лице ухмылка выглядела пугающе.

– Старина Чеззи бежал как дьявол, но они догоняли его. В двадцати ярдах за стойками ворот на южной стороне поля находился овраг, и они столкнули его туда. Ты удивишься, узнав, что среди них был Фрэнки Даннинг?

Я покачал головой.

– Затем они спустились в овраг, начали толкать его, пинать, отвешивать оплеухи. Я закричал, требуя, чтобы они это прекратили, и один поднял голову и крикнул мне: «Спускайся сюда и заставь нас, гондон. Получишь двойную порцию». Я побежал в раздевалку, сказал футболистам, что банда подонков избивает мальчишку и, может, они это остановят. Плевать они хотели на то, что кого-то избивают, но подрались любили. Выбежали из раздевалки, некоторые в одном нижнем белье. Хочешь узнать самое забавное, Амберсон?

– Конечно. – Я вновь глянул на часы. Без четверти семь. В доме Даннингов Дорис, наверное, мыла посуду и смотрела по телевизору «Хантли-Бринкли».

– Куда-то опаздываешь? – спросил Теркотт. – Уходит гребаный поезд?

– Вы хотели рассказать что-то забавное.

– Ах да. Они пели школьный марш! Как тебе это нравится?

Перед моим мысленным взором возник десяток полуодетых здоровенных парней, бегущих через поле в надежде помахать кулаками и поющих: *Вперед, «Тигры Дерри», наш флаг впереди*. Действительно, выглядело забавно.

Теркотт увидел мою улыбку и ответил своей. Натянутой, но искренней.

– Футболисты врезали паре ублюдков от души. Не Фрэнки Даннингу. Этот бздун увидел, что их слишком много, и дал деру в лес. Чеззи лежал на земле, держась за руку. Сломанную. Все могло закончиться гораздо хуже. Если б не футболисты, он бы наверняка оказался в больнице. Один из них смотрит на него, а потом легонько пинает, как иной раз пинаешь коровью лепешку, в которую чуть не вляпался, и говорит: «И мы бежали сюда, чтобы спасти сало жиденка?» Они заржали. Потому что это вроде шутки, понимаешь? Еврейский мальчик? Сало? – Теркотт уставился на меня сквозь патлы поблескивающих «Брилкримом» волос.

– Понимаю, – кивнул я.

– «Да что с того, – говорит другой. – Я надрал пару задниц, и это меня устраивает». Они вернулись в раздевалку, а я помог Чезу выбраться из оврага. Отвел его домой, тревожился, что он лишится чувств или что-то в этом роде. Я боялся, что Фрэнки с друзьями вернутся, но не бросил его. Даже не знаю почему. Тебе бы увидеть дом, в котором он жил, – гребаный дворец. Ломбарды, выходит, приносят прибыль. Когда мы пришли туда, он меня поблагодарил. От всего сердца. Чуть не плакал. «Да ладно, – говорю я. – Терпеть не могу, когда вшестером на одного». И это правда. Но ты знаешь, что говорят про евреев: они не забывают ни долга, ни услуги.

– И вы попросили его выяснить, что я тут делаю.

– Я и так знал, что ты делаешь, дружище. Просто хотел убедиться. Чез посоветовал мне оставить тебя в покое. По его мнению, ты хороший парень. Но когда дело касается Фрэнки Даннинга, я никого не оставляю в покое. Никто не связывается с Фрэнки Даннингом, кроме меня. Он мой.

Теркотт скривился, снова потер грудь. И на этот раз до меня дошло.

– Теркотт... крутит живот?

– Нет, грудь. Зажимает.

Мне это не понравилось, тут же пришла мысль: *Он тоже в нейлоновом чулке.*

– Сядьте, а не то упадете. – Я шагнул к нему.

Он вытащил револьвер. Кожа между сосками – в том месте, куда могла войти пуля, – безумно зачесалась. *Я мог разоружить его,* подумал я. *Конечно же, мог. Но нет, хотел дослушать историю. Хотел узнать.*

– Это ты сядь, братан. Угомонись, как пишут в комиксах.

– Если у вас сердечный приступ...

– Нет у меня никакого гребаного сердечного приступа. А теперь сядь.

Я сел и смотрел снизу вверх, как он приваливается к гаражу. Его губы стали синюшными, а это никак не сочеталось с хорошим здоровьем.

– Чего ты от него хочешь? – спросил Теркотт. – Вот что я хочу знать. И это я *должен* узнать, прежде чем решу, что с тобой делать.

Я тщательно продумал ответ. Словно от него зависела моя жизнь. Может, и зависела. Я не думал, что Теркотт способен на хладнокровное убийство, что бы он там ни говорил, иначе Фрэнк Даннинг давно уже покоился бы рядом со своими родителями. Но в руке Теркотт держал мой пистолет и крайне неважно себя чувствовал. Мог нажать спусковой крючок случайно. А та сила, которая хотела оставить все как есть, могла ему в этом посодействовать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.